ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Учаев Евгений Иванович

ТЕМПОРАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВЕСТФАЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ МИРА

Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат политических наук, доцент
Харкевич Максим Владимирович

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 4

ГЛАВА 1. ТЕМПОРАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОРЯДКОВ..... 36

1.1. Вестфальская политическая система мира как международный порядок 36

1.1.1. Понятие «Вестфальской политической системы мира»..... 36

1.1.2. Понятие международного института 39

1.1.3. Понятие международного порядка..... 42

1.2. Вестфальская политическая система мира: институциональное и идейное измерение..... 48

1.2.1. Институциональное измерение Вестфаля 48

1.2.2. Идейное измерение Вестфаля 62

1.2.3. Аналитическая модель Вестфальской политической системы мира 67

1.3. Темпоральность как элемент идейного измерения международных порядков..... 68

1.3.1. Темпоральность и социальные порядки 68

1.3.2. Темпоральность и международные порядки..... 71

1.3.3. Темпоральность Нового времени и Вестфальский порядок..... 75

ГЛАВА 2. БЕСКОНЕЧНАЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ ВЕСТФАЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ МИРА..... 80

2.1. Темпоральность суверенитета 80

2.1.1. Сакрально-династическая легитимация суверенитета: темпоральное измерение..... 88

2.1.2. Национальная легитимация суверенитета: темпоральное измерение 91

2.2. Темпоральность баланса сил 93

2.3. Темпоральность мультилатерализма 98

2.4. Темпоральность международного права 103

2.5. Секулярные эсхатологии Модерна и Вестфальский порядок..... 110

ГЛАВА 3. ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ ВЕСТФАЛЬСКОГО ПОРЯДКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ УГРОЗ: ВЫЗОВЫ И УСТОЙЧИВОСТЬ 120

3.1. Концепции «темпорального противоречия» и «этернализации» 120

3.1.1. Конечная темпоральность глобальных экзистенциальных угроз. 120

3.1.2. Состояние темпорального противоречия и сценарии его развития 125

3.2. Формирование подходов к глобальным угрозам в условиях темпорального противоречия 129

3.2.1. Дискуссии по проблеме международного контроля над ядерным оружием во второй половине 1940-х годов 129

3.2.2. Дискуссии по международному сотрудничеству в области климатической политики, 1987-1992 135

3.3. Темпоральное противоречие ядерной политики 142

3.3.1. Ядерное сдерживание 142

3.3.2. Контроль над ядерными вооружениями 145

3.3.3. Этернализация сдерживания 150

3.3.4. Разоружение 154

3.4. Факторы этернализации глобальных экзистенциальных угроз 159

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 169

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 180

Источники 180

Научная литература 191

Интернет-ресурсы 221

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ 223

ПРИЛОЖЕНИЕ А 225

ПРИЛОЖЕНИЕ Б 228

ПРИЛОЖЕНИЕ В 232

ВВЕДЕНИЕ

По оценке авторов опубликованного в 2022 году в журнале *Nature Food* исследования, полномасштабная ядерная война между Россией и НАТО с использованием всех имеющихся у сторон запасов ядерного оружия приведёт к гибели *минимум* пяти миллиардов человек от прямых последствий ядерных взрывов и вызванного «ядерной зимой» голода[1]. Другие современные исследования климатических последствий ядерной войны дают в целом сходные результаты: резкое снижение температуры Земли на протяжении нескольких лет, приводящее к почти полному коллапсу сельского хозяйства и массовому голоду[2]. В наихудших сценариях (которые, впрочем, оцениваются как крайне низковероятные) речь может идти о полном вымирании человечества[3]. Вместе с тем, пока в отношениях между великими державами существует практика ядерного сдерживания, катастрофическая война всегда остаётся возможной, или, как говорит о том же современный американский международник Кэмпбелл Крэйг: «Сочетание [международной] анархии и запасов [ядерного оружия] предвещает потенциальную ядерную войну, если принять стандартное определение анархии как именно такого состояния, в котором возможна крупномасштабная война»[4].

Масштаб угрозы известен, в принципе, ещё с 1940-х годов, с самого момента появления ядерного оружия: так, образованная группой участников Манхэттенского проекта Федерация американских учёных в 1946 году

---

[1] Xia L. Global food insecurity and famine from reduced crop, marine fishery and livestock production due to climate disruption from nuclear war soot injection / L. Xia, A. Robock, K. Scherrer [et al.] // Nature Food. – 2022. – Vol. 3, no. 8. – P. 586–596.

[2] Robock A. Nuclear winter revisited with a modern climate model and current nuclear arsenals: Still catastrophic consequences / A. Robock, L. Oman, G.L. Stenchikov // Journal of Geophysical Research. – 2007. – Vol. 112. – Article no. D13107; Coupe J. Nuclear winter responses to nuclear war between the United States and Russia in the Whole Atmosphere Community Climate Model Version 4 and the Goddard Institute for Space Studies ModelE / J. Coupe, C.G. Bardeen, A. Robock, O. Toon // Journal of Geophysical Research: Atmospheres. – 2019. – Vol. 124, no. 15. – P. 8522– 8543.

[3] Scouras J. Nuclear War as a Global Catastrophic Risk / J. Scouras // Journal of Benefit-Cost Analysis. – 2019. – Vol. 10, no. 2. – P. 274-295; Ord T. The Precipice: Existential Risk and the Future of Humanity / T. Ord. – New York: Hachette Books, 2020. – P. 90-102.

[4] Craig C. Solving the Nuclear Dilemma: Is a World State Necessary? / C. Craig // Journal of International Political Theory. – 2019. – Vol. 15, no. 3. – P. 350.

предупреждала, что «на кон поставлено выживание»[5]. На тот же риск указывало и знаменитое высказывание Альберта Эйнштейна о том, что четвёртая мировая война будет вестись «палками и камнями»[6]. В 1980-е годы эти пессимистичные оценки получили дополнительное подтверждение с развитием методов климатического моделирования и появлением теории «ядерной зимы»[7]. Тем не менее, в 2025 году – *через 80 лет* после осознания угрозы – мир по-прежнему находится в ситуации, когда от тотальной катастрофы глобального масштаба его отделяет короткая цепочка решений политических лидеров (которые придется принимать в условиях сильнейшего стресса и жесточайшего дефицита времени и информации) и всего несколько десятков минут, случись этим решениям быть принятыми[8].

Есть нечто удивительное в неспособности международного сообщества и, конкретнее, великих держав устранить из мировой политики практику ядерного сдерживания, сопряженную с такими рисками. В этом контексте хотелось бы обратить внимание на примечательное рассуждение, появившееся в одной из публицистических статей российского международника Т.В. Бордачева в 2021 году: «…из-за того, что у нескольких государств есть серьезные запасы ядерного оружия, даже локальный конфликт может закончиться апокалипсисом. Впрочем, *предотвращение катастрофы не может быть целью национальной внешней политики* и наиболее важной идеей при взаимодействии с партнерами по международной арене [курсив мой. – *Е.У.*]»[9]. «*Не может* быть целью» – эта формулировка указывает не на рациональный выбор, и не на нормативное предпочтение отдельного эксперта,

---

[5] FA(A)S. Survival is At Stake / Federation of American (Atomic) Scientists // One World or None / Ed. by D. Masters, K. Way. – McGraw Hill Book Co., 1946. – P. 78-79.
Подробнее о ранних оценках катастрофических последствий ядерной войны см. Главу 3 настоящего исследования.

[6] Это высказывание атрибутируют интервью Эйнштейна, вышедшему в 1949 г. См.: Einstein A. The Ultimate Quotable Einstein / A. Einstein, A. Calaprice. – Princeton: Princeton University Press, 2011. – P. 280.

[7] См.: Гинзбург А.С. Гипотеза «ядерной зимы» и ответственная политика в ядерной сфере / А.С. Гинзбург, Н.А. Самойловская // Международная аналитика. – 2023. – Т. 14, № 4. – С. 149–160.

[8] См., например: Джейкобсен Э. Ядерная война. Сценарий / Э. Джейкобсен; пер. с англ. – Ереван: Fortis Press, 2025. – 400 с.

[9] Бордачёв Т.В. Прекрасный мир силовой политики / Т.В. Бордачев // Профиль. – 20.04.2021. URL: https://profile.ru/columnist/prekrasnyj-mir-silovoj-politiki-853532/ (дата обращения 20.09.2025).

а скорее на какую-то структурно обусловленную невозможность, несовместимость задач «проведение национальной внешней политики» и «предотвращение глобальной катастрофы». Но в чём причина этой несовместимости?

Хорошо известны рациональные объяснения затрудненности сотрудничества в условиях взаимодействия автономных акторов, отталкивающиеся от теоретико-игровых моделей «дилеммы заключенного» и «охоты на оленя»[10] или от концепции «трагедии общин»[11]. Однако другие исследования показывают возможность и частую реальность сотрудничества в условиях анархии[12]. Почему же тогда в ситуации, когда стимул к сотрудничеству, казалось бы, самый весомый из возможных – императив предотвращения общей гибели, эффективные усилия оказываются столь труднодостижимыми? Заметим также, что подобная ситуация характерна не только для угрозы ядерной войны, но и для борьбы с экологическими проблемами[13]. Кажется, как минимум, небессмысленным поиск ответа за пределами формально-рациональных моделей.

Поначалу напрашивается обращение к теории секьюритизации, поскольку та нехватка усилий по борьбе с ядерной угрозой, о которой шла речь выше, может быть описана как провал её секьюритизации – неспособность, объявляя нечто экзистенциальной угрозой, добиться принятия чрезвычайных мер по борьбе с ней. Родоначальники теории исходно даже прямо утверждали, что чаще и проще всего успешные секьюритизации происходят на «среднем уровне», то есть, в тех случаях, когда претендующими на защиту референтными объектами выступают государства, нации и иные крупные, но

---

[10] См. один из классических примеров в области международных отношений: Jervis R. Cooperation Under the Security Dilemma / R. Jervis // World Politics. – 1978. – Vol. 30, no. 2. – P. 167-214.

[11] Hardin G. Exploring New Ethics for Survival: The Voyage of the Spaceship Beagle / G. Hardin. – New York: The Viking Press, Inc, 1972. – 273 p.

[12] См., например: Axelrod R. Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions / R. Axelrod, R.O. Keohane // World Politics. – 1985. – Vol. 38, no. 1. – P. 226-254; Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности / Э. Остром; пер. с англ. – М.; Челябинск: ИРИСЭН, 2025. – 447 с.

[13] К примеру, относительно недавняя статья в журнале *Science* показывает недостаточность всех принятых к настоящему моменту мер для предотвращения негативных сценариев изменения климата: Matthews H.D. Current Global Efforts Are Insufficient to Limit Warming to 1.5°C / H.D. Matthews, S. Wynes // Science. – 2022. – Vol. 376, no. 6600. – P. 1404-1409.

партикулярные коллективы; тогда как объекты индивидуального и системного (глобального) уровня секьюритизировать сложнее. Барри Бузан, Оле Уэвер и Япп де Вильде объясняли это существованием на «среднем уровне» самоподдерживающегося межгруппового соперничества, которое способствует взаимному формированию сразу у нескольких коллективов как устойчивой «своей» идентичности, обеспечивающей легитимность притязаний группы на защиту, так и образа внешнего «врага», представляющего собой угрозу[14].

В более поздней работе, однако, Б. Бузан и О. Уэвер пересмотрели собственные ранние тезисы и признали, что секьюритизации референтных объектов выше среднего уровня (названные ими «макро-секьюритизациями») регулярно встречаются в истории: от противостояния времен крестовых походов, представлявшего собой взаимную макро-секьюритизацию двумя универсальными религиями друг друга, до «войны с террором» как самой успешной макро-секьюритизации 2000-х годов. Они также отметили, что попытки макро-секьюритизации ядерного оружия и изменения климата сталкиваются с бóльшими трудностями[15]. Но почему, если успешные макро-секьюритизации в принципе возможны, им не поддаются прямые физические угрозы самому существованию человечества? Этого не объясняют ни Бузан и Уэвер, ни другие авторы, работающие в рамках теории секьюритизации. Её концептуальный аппарат, таким образом, хорошо подходит для описания, но недостаточен для объяснения интересующего нас феномена пассивности перед лицом ядерной угрозы[16].

---

[14] Buzan B. Security: A New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Waever, J. de Wilde. – Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998. – P. 36-37.

[15] Buzan B. Macrosecuritisation and Security Constellations: Reconsidering Scale in Securitisation Theory / B. Buzan, O. Waever // Review of International Studies. – 2009. – Vol. 35, no. 2. – P. 253-276.

[16] Этот и предыдущий абзацы написаны на основе первого раздела статьи: Учаев Е.И. Препятствия к макросекьюритизации глобальных угроз: кейсы ядерного оружия и изменения климата / Е.И. Учаев, А.А. Квартальнов // Сравнительная политика. – 2024. – Т. 15, № 3. – С. 142-146.

Там же приводится и подробный обзор попыток объяснить неудачи борьбы с ядерной и климатической угрозами в рамках теории секьюритизации, показывающий недостаточность этих объяснений. Как отмечает Ян Ружичка, в теории секьюритизации в целом остаётся слабо проработанным вопрос о факторах успешных секьюритизаций, что частично объясняется недостатком внимания к кейсам неудачных секьюритизаций и фокусом на дескриптивных задачах (какие проблемы сегодня понимаются как проблемы безопасности?) в

Однако экскурс в теорию секьюритизации всё же не был полностью напрасным. Обратим внимание на понятие «*экзистенциальная* угроза»: чтобы добиться принятия чрезвычайных мер по борьбе с чем-то, нужно объявить это угрозой *самому существованию* защищаемого объекта. А что, если существование какого-то объекта по умолчанию считается гарантированным? Казалось бы, таких объектов нет: всё в этом мире хрупко, подвержено тлению и распаду. Но Мишель Фуко обращает внимание, что государства модерна (то есть, люди, действующие в логике государств модерна) считают иначе. Анализируя трактаты об искусстве управления государством конца XVI – начала XVII века, Фуко замечает, что, согласно им, «государство <…> не должно даже искать нечто подобное концу истории или подобное её завершению, или что-то вроде точки, где соединялись бы время истории и вечность. <…> мы оказываемся во власти мировоззрения, где *время истории является бесконечным* [курсив мой. – *Е.У.*]»[17]. Если Фуко прав, то пазл начинает складываться. Чтобы эффективно бороться с перспективой ядерной войны и изменением климата, нужно осознать их как *глобальные экзистенциальные угрозы*, то есть, угрозы самому существованию всего человечества[18]. Однако для современных государств такое осознание невозможно, поскольку они мыслят время истории человечества как бесконечное. Проблема заключается в несовместимости требуемой (для борьбы с угрозами) и наличной (у государств) картин мира или, конкретнее, в несовместимости требуемых и наличных *представлений о времени, то есть, темпоральностей*.

Но прав ли Фуко? Его рассуждения о бесконечности времени модерного государства занимают всего три страницы (всё равно оказываясь при этом едва ли не самым систематическим рассмотрением этого вопроса в существующей

ущерб объяснительным (почему одни проблемы секьюритизируются, а другие – нет?). См.: Ruzicka J. Failed Securitization: Why It Matters / J. Ruzicka // Polity. – 2019. – Vol. 51, no. 2. – P. 365-377.

[17] Фуко М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977—1978 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. – СПб.: Наука, 2011. – С. 340.

[18] Термин ***«глобальные экзистенциальные угрозы»*** здесь и далее используется для обобщенного обозначения угроз, способных привести к полному уничтожению человечества. Он уже, чем более общее понятие «глобальные угрозы», не все из которых обязательно имеют экзистенциальный характер.

литературе) и оставляют без ответа множество возникающих вопросов: как именно понимать, что государства «оказываются во власти» определенного мировоззрения? Почему новая картина мира, при наличии убедительных свидетельств в её пользу, не может просто вытеснить старую? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, необходимо подробнее разобраться, как взаимосвязаны – и взаимосвязаны ли вообще – современный межгосударственный порядок (он же – Вестфальская политическая система мира) и представления о бесконечности времени. Таким замысловатым путём беспокойство о причинах недостаточной эффективности борьбы с ядерной угрозой в итоге **обосновывает актуальность** постановки предельно фундаментальной теоретической проблемы: имеется ли у Вестфальской политической системы мира специфическое темпоральное измерение?

По дополнительном размышлении обнаруживается также, как минимум, ещё одно основание считать данную тему заслуживающей внимания. Распространённые ещё не так давно дискуссии о «конце истории» тоже скрывали под собой имплицитный спор темпоральных представлений, причём точка зрения, что исторический процесс движется (или уже пришёл) к некоторой конечной точке обычно была связана с идеями глубокой трансформации или даже полного преодоления государствоцентричного порядка, тогда как аргументы, что подобная точка отсутствует и потому «история продолжается» как правило, приводили к выводу о продолжении вместе с историей и межгосударственного соперничества. Означает ли это, что любая конечная темпоральность оказывается несовместима с Вестфальской политической системой мира и потому неизбежно вызывает попытки её преобразования?

Итак, **исследовательский вопрос** настоящей работы формулируется следующим образом: существует ли у Вестфальской политической системы мира особое темпоральное измерение, и если да, то каковы его основные характеристики и закономерности функционирования?

В свою очередь, **гипотеза исследования** (исходящая как из уже приведенных выше тезисов М. Фуко, так и из ряда других релевантных положений существующей литературы – см. ниже в пункте «Степень разработанности темы» и в Главе 1) такова: Вестфальская политическая система мира необходимым и сущностным образом взаимосвязана с представлениями о бесконечности времени, которые и составляют её темпоральное измерение. Эта взаимосвязь заключается в том, что, с одной стороны, представления о бесконечности времени создают условия возможности для существования основополагающих институтов Вестфаля; с другой стороны, институты Вестфаля в своём функционировании воспроизводят согласованные с ними темпоральные представления.

Степень разработанности темы:

Непосредственно к теме планируемого исследования ближе всего находятся отдельные работы Б. Аллана[19], М. Фуко[20], С. Хэмилтона[21], Б. Латура[22] и Р. Козеллека[23], в которых выдвигается ряд тезисов о темпоральном измерении нововременного общества суверенных государств и даже, конкретнее, о связи общества государств с бесконечным восприятием времени. Однако основной фокус этих работ сосредоточен на более общих историко-социологических и/или философских вопросах, в силу чего тема темпоральности Вестфаля не получает в них отдельного развернутого рассмотрения. Можно сказать, что этот блок работ послужил исходной точкой для формулировки гипотезы и выбора направления исследовательского поиска.

Следующими по важности группами исследований выступили:

---

[19] Allan B.B. Scientific Cosmology and International Orders / B.B. Allan. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 358 p.

[20] Фуко М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977—1978 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. – СПб.: Наука, 2011. – 544 с.

[21] Hamilton S. Foucault's End of History: The Temporality of Governmentality and Its End in the Anthropocene / S. Hamilton // Millennium: Journal of International Studies. – 2018. – Vol. 46, no. 3. – P. 371–395.

[22] Latour B. Facing Gaia: Eight Lectures on the New Climatic Regime / B. Latour; trans. from the French. – Cambridge: Polity Press, 2017. – 327 p.

[23] Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time / R. Koselleck; trans. from the German. – New York: Colombia University Press, 2004. – 344 p.

а) Работы об основополагающих принципах и институтах Вестфальской политической системы мира, и о суверенном государстве как одновременно ключевом институте и основном акторе Вестфаля: это, в первую очередь, работы, из российских авторов – М.М. Лебедевой[24], Д.М. Фельдмана[25] и О.Н. Барабанова[26], М.В. Харкевича[27] (включая его кандидатскую диссертацию[28]), А.Ф. Филиппова[29], С.И. Каспэ[30]; из зарубежных исследователей – Т. Поджи[31], Р. Лахмана[32], Б. Джессопа[33], М. ван Кревельда[34],

[24] Лебедева М.М. Современные государства в политической системе мира / М.М. Лебедева // Сравнительная политика. – 2011. – Т. 2, № 4. – С. 19-26; Лебедева М.М. Система политической организации мира: «идеальный шторм» / М.М. Лебедева // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 2. – С. 125-133; Лебедева М.М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры / М.М. Лебедева // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 4. – С. 24-35.

[25] Фельдман Д.М. Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв… / Д.М. Фельдман, О.Н. Барабанов // Международные процессы. – 2007. – Т.5, №3. – С. 104-113; Фельдман Д. М. Государство в сети международно-политического взаимодействия / Д. М. Фельдман // Сравнительная политика. – 2011. – Т. 2, №4. – С. 27-34.

[26] Барабанов О.Н. Суверенные государства и глобальное управление / О. Н. Барабанов // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты: коллективная монография / Под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Издательство «Голден-Би», 2008. – С. 81-90.

[27] Харкевич М.В. Государство в современной мировой политике / М.В. Харкевич // Вестник МГИМО Университета. – 2010. – № 6. – С. 160-166; Харкевич М.В. Политическое усиление государства через его онтологическое ослабление / М.В. Харкевич // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 5. – С. 122-129.

[28] Харкевич М.В. Специфика государства как актора современной мировой политики : специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / М.В. Харкевич; [Место защиты: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России]. – Москва, 2010. – 194 с.

[29] Филиппов А.Ф. Социология и космос: суверенитет государства и суверенность социального / А.Ф. Филиппов // Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы. Том 1. – СПб.: Владимир Даль, 2014. – С. 211-251; Филиппов А.Ф. С - Суверенитет / А.Ф. Филиппов // Россия в глобальной политике. – 2020. – Т. 18, № 1. – С. 145-150.

[30] Каспэ С.И. Жизнь, смерть и государство / С.И. Каспэ // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20. № 1. – С. 8-34; Kaspe S.I. Life, Death, and the State / S.I. Kaspe // Russia in Global Affairs. – 2021. – Vol. 19, no. 3. – P. 174–204; Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма / С.И. Каспэ. – М.: Московская школа политических исследований, 2007. – 320 с.

[31] Poggi G. Forms of Power / G. Poggi. – Cambridge: Polity Press, 2001. – 230 p.

[32] Лахман Р. Государства и власть / Р. Лахман; пер. с англ. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2021. – 352 с.

[33] Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее, будущее / Б. Джессоп; пер. с англ. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2019. – 504 с.

[34] Ван Кревельд М. Расцвет и упадок государства / М. ван Кревельд; пер. с англ. – М.; Челябинск: ИРИСЭН; Социум, 2019. – 544 с.

М. Манна[35], К. Скиннера[36], М. Уайта[37], Х. Булла[38], Б. Бузана[39], Э. Кина[40], К. Холсти[41], С. Краснера[42]. Здесь стоит отдельно отметить блок исследований, сформировавшийся вокруг дискуссий о значении конкретно Вестфальского мира 1648 года для становления общества суверенных государств: работы А.В. Куприянова[43], Б.И. Нефёдова[44], Л.И. Ивониной[45], А.Ю. Прокопьева[46], А. Осиандера[47], Б. Тешке[48], Э. Филлипса[49].

б) Исследования темпоральности социальных порядков в целом (Ф. Артог[50], М. Элиаде[51], К. Леви-Стросс[52], Н. Луман[53], Дж. Хассард[54],

---

[35] Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т.1. История власти от истоков до 1760 года / М. Манн; пер. с англ. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2020. – 776 с.; Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т.2. Становление классов и наций-государств, 1760-1914 (книга первая) / М. Манн; пер. с англ. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2020. – 512 с.

[36] Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса / К. Скиннер; пер. с англ. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2018. – 464 с.; Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 2: Эпоха Реформации / К. Скиннер; пер. с англ. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2018. – 568 с.

[37] Wight M. International Legitimacy / M. Wight // Systems of States. – Leicester: Leicester University Press, 1977. – P. 153-173.

[38] Bull H. The Anarchical Society A Study of Order in World Politics, 4th ed. / H. Bull. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. – 330 p.

[39] Buzan B. From International to World Society? English School Theory and the Social Structure of Globalisation / B. Buzan. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 318 p.

[40] Keene E. Beyond the Anarchical Society: Grotius, Colonialism and Order in World Politics / E. Keene. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 165 p.

[41] Holsti K.J. Taming the Sovereigns: Institutional Change in International Politics / K.J. Holsti. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 349 p.

[42] Krasner S.D. Sovereignty: Organized Hypocrisy / S.D. Krasner. – Princeton: Princeton University Press, 1999. – 280 p.

[43] Куприянов А.В. «Вестфальский миф»: история и критика / А.В. Куприянов // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2019. – № 3. – С. 37-50; Куприянов А.В. «Вестфальский миф» и «вестфальский» суверенитет / А.В. Куприянов // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2019. – № 4. – С. 11-23.

[44] Нефёдов Б.И. Критика значения Вестфальского мира / Б.И. Нефёдов // Международные процессы. – 2022. – Т. 20, №3. – С. 6-27.

[45] Ивонина Л.И. Суверенитет и власть в Европе после Вестфальского мира / Л.И. Ивонина // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. – 2019. – Т. 5, № 1. – С. 96-113.

[46] Прокопьев А.Ю. Тридцатилетняя война / А.Ю. Прокопьев. – СПб: Наука, 2020. – 385 с.

[47] Osiander A. Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth / A. Osiander // International Organization. – 2001. – Vol. 55, no. 2. – P. 251–287.

[48] Teschke B. The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations / B. Teschke. – London, NY: Verso Books, 2003. – 312 p.

[49] Phillips A. The Peace of Westphalia / A. Phillips // The Oxford Handbook of History and International Relations / Ed. by M. Bukovansky et al. – Oxford: Oxford University Press, 2023. – P. 544-559.

[50] Артог Ф. Картины мира и представления о времени / Ф. Артог; пер. с фр. // Логос. – 2021. – Т. 31, №5. – С. 59-76.

[51] Элиаде М. Миф о вечном возвращении (архетипы и повторение) // Космос и история / М. Элиаде; пер. с фр. – М.: Прогресс, 1987. – С. 27-144.

[52] Леви-Стросс К. Неприрученная мысль // Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль / К. Леви-Стросс; пер. с фр. – М.: Академический проект, 2008. – С. 143-500.

[53] Луман Н. Мировое время и история систем / Н. Луман; пер. с нем. // Логос. – 2004. – № 5. – С. 131-168.

[54] Hassard J. Introduction: The Sociological Study of Time / J. Hassard // The Sociology of Time / Ed. by J. Hassard. – Basingstoke: The Macmillan Press, 1990. – P. 1-18.

Л. и Р. Козер[55]), и, конкретнее, исследования темпоральности эпохи модерна (Нового времени): работы М.М. Федоровой[56], А. Ассман[57], Г. Люббе[58], Х. Блюменберга[59], К. Лёвита[60], Я. Таубеса[61], Э. Фёгелина[62], Ф. Артога[63], К. Фасолта[64].

Поскольку темпоральность концептуализируется нами как элемент идейного измерения социальных порядков, к теме исследования также имеют отношение (уже несколько более косвенное) работы о культурных и мировоззренческих основах международных порядков и их взаимосвязях с институтами: это работы Н. Онуфа[65], Дж. Рагги[66], А. Уотсона[67], А. Боузман[68], К. Ройс-Смита[69] и Э. Филлипса[70], Б. Бузана и Дж. Лоусона[71], Б. Бузана и

[55] Coser L.A. Time Perspective and Social Structure / L.A. Coser, R.L. Coser // The Sociology of Time / Ed. by J. Hassard. – Basingstoke: The Macmillan Press, 1990. – P. 191-202.
[56] Федорова М.М. Историческое сознание эпохи модерна и политическая проективность / М.М. Федорова // Полилог. – 2021. – Т. 5. № 2. – статья №1; Федорова М.М. О парадоксах времени истории / М.М. Федорова // Философский журнал. – 2023. – Т. 16, № 2. – С. 127-143.
[57] Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / А. Ассман; пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 272 с.; Assmann A. Transformations of the Modern Time Regime / A. Assmann // Breaking Up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future / Ed. by C. Lorenz. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. – P. 39-56.
[58] Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем / Г. Люббе; пер. с нем. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 2-е изд. – 456 с.
[59] Blumenberg H. The Legitimacy of the Modern Age / H. Blumenber; trans. from the German. – Cambridge, MA: The MIT Press, 1983. – 677 p.
[60] Лёвит К. Смысл в истории: Теологические предпосылки философии истории / К. Лёвит; пер. с англ. – СПб.: Владимир Даль, 2021. – 512 с.
[61] Таубес Я. Западная эсхатология / Я. Таубес; пер с нем. – СПб.: Владимир Даль, 2023. – 430 с.
[62] Фёгелин Э. Новая наука политики: Введение / Э. Фёгелин; пер. с англ. – СПб.: Владимир Даль, 2021. – 372 с.
[63] Hartog F. Regimes of historicity: presentism and experiences of time / F. Hartog; trans. from the French. – New York: Columbia University Press, 2015. – 260 p.
[64] Fasolt C. The Limits of History / C. Fasolt. – Chicago & London: The University of Chicago Press, 2004. – 326 p.
[65] Onuf N.G. The Mightie Frame: Epochal Change and the Modern World / N.G. Onuf. – New York: Oxford University Press, 2018. – 271 p.
[66] Ruggie J.G. Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations / J.G. Ruggie // International Organization. – 1993. – Vol. 47, no. 1. – P. 139-174.
[67] Watson A. The Evolution of International Society / A. Watson. – London; New York: Routledge, 1992. – 337 p.
[68] Bozeman A.B. Politics and Culture in International History, 2nd edition / A.B. Bozeman. – London, NY: Routledge, 1994. – 560 p.
[69] Reus-Smit C. Individual Rights and the Making of the International System / C. Reus-Smit. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 236 p.; Reus-Smit C. The Moral Purpose of the State: Culture, Social Identity, and Institutional Rationality in International Relations / C. Reus-Smit. – Princeton: Princeton University Press, 1999. – 208 p.
[70] Phillips A. War, Religion and Empire: The Transformation of International Orders / A. Phillips. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 364 p.; Culture and Order in World Politics / Ed. by A. Phillips, C. Reus-Smit. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – 380 p.
[71] Buzan B. The Global Transformation: History, Modernity and the Making of International Relations / B. Buzan, G., Lawson. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 396 p.

А. Ачарьи[72], Д. Филпота[73], М. Буковански[74], Х. Спрюйта[75], А. Заракол[76]. По данному направлению задействовались в основном работы зарубежных исследователей, поскольку для российской школы исследований международного порядка – представленной, в частности, работами Н.А. Симонии и А.В. Торкунова[77], Т.А. Шаклеиной[78], В.Г. Барановского[79], А.Д. Богатурова[80], А.В. Фененко[81] – характерно центросиловое либо (реже) институциональное понимание порядка, без полноценной концептуализации его идейного измерения. Вместе с тем, здесь оказываются полезными работы К.Е. Коктыша о парадигмах рациональности эпохи Модерна и порождаемых ими проектах конструирования политических институтов[82].

В последнее десятилетие в зарубежной науке о международных отношениях наблюдается некоторый рост интереса к теме темпоральности (один автор даже провозгласил «темпоральный поворот» в критической теории международных отношений). Однако этот «поворот» –

[72] Buzan B. Re-imagining International Relations: World Orders in the Thought and Practice of Indian, Chinese, and Islamic Civilizations / B. Buzan, A. Acharya. – Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – 188 p.
[73] Philpott D. Revolutions in Sovereignty: How Ideas Shaped Modern International Relations / D. Philpott. – Princeton: Princeton University Press, 2001. – 339 p.
[74] Bukovansky M. Legitimacy and Power Politics: The American and French Revolutions in International Political Culture / M. Bukovansky. – Princeton: Princeton University Press, 2002. – 255 p.
[75] Spruyt H. The World Imagined: Collective Beliefs and Political Order in the Sinocentric, Islamic and Southeast Asian International Societies / H. Spruyt. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – 396 p.
[76] Zarakol A. Before the West: The Rise and Fall of Eastern World Orders / A. Zarakol. – Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – 313 p.
[77] Симония Н.А. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности / Н.А. Симония, А.В. Торкунов // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 3. – С. 27-37.
[78] Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике / Т.А. Шаклеина. – 2-ое изд., испр, и доп. – М.: Аспект Пресс, 2017. — 336 с.
[79] Барановский В.Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? / В.Г. Барановский // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, №5. – С. 7-23.
[80] Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995) / А.Д. Богатуров. – М.: Конверт – МОНФ, 1997. – 353 с.
[81] Фененко А.В. Мировой порядок как теоретико-методологическая категория / А.В. Фененко // Международные процессы. – 2023. – Т. 21, № 1. – С. 6-42.
[82] Коктыш К.Е. Становление когнитивного кода современности / К.Е. Коктыш // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 6. – С. 94-113; Коктыш К.Е. Онтология рационального (III) / К.Е. Коктыш // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2016. – № 4. – С. 6-24; Коктыш К.Е. Дискурс рационализма, свободы и демократии / К.Е. Коктыш. – М.: МГИМО-Университет, 2021. – 320 с.

представленный, в частности, работами Э. Хома[83], К. Хатчингс[84], А. Агатангелу и К. Киллиана[85] – носит мета-теоретический и/или методологический характер, в рамках него предметом рассмотрения становятся темпоральные предпосылки самих теорий международных отношений, а не темпоральность как измерение международных порядков, в связи с чем данные работы прямого отношения к проблематике настоящего исследования не имеют.

Тот же вывод в целом применим и в отношении «хронополитики» – самой известной в России исследовательской парадигмы, связывающей время и политику. Предложенная и разработанная М.В. Ильиным[86], она также развивалась И.А. Чихаревым[87] (в том числе, в кандидатской диссертации[88]), Л.О. Терновой[89]. Однако для данных авторов (как и для В.А. Музалевского[90]) морфема *«хроно-»* и понятие темпоральности относятся к объективному свойству протекания политических процессов во времени, соответственно, предметом изучения хронополитики оказываются паттерны и закономерности эволюции, динамика развития политических систем, а *не представления людей*

---

[83] Hom A.R. Silent Order: The Temporal Turn in Critical International Relations / A.R. Hom // Millennium: Journal of International Studies. – 2018. – Vol. 46, no.3. – P. 303–330; Hom A.R. International Relations and the Problem of Time / A.R. Hom. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – 297 p.

[84] Hutchings K. 2008. Time and World Politics: Thinking the Present / K. Hutchings. – Manchester: Manchester University Press, 2008. – 208 p.; Hutchings K. Time and the Study of World Politics / K. Hutchings // Millennium: Journal of International Studies. – 2018. – Vol. 46, no. 3. – P. 253–258.

[85] Time, Temporality and Violence in International Relations: (De)fatalizing the Present, Forging Radical Alternatives / Ed. by A.M. Agathangelou, K.D. Killian – London, New York: Routledge, 2016. – 366 p.

[86] Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем: монография. Ч. 1: Основания хронополитики / М.В. Ильин. – М.: МГИМО, 1995. – 112 с.; Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем: монография. Ч. 2, 3: Хронополитическая перспектива. Тенденции и перспективы российской хронополитики / М.В. Ильин. – М.: МГИМО, 1995. – 140 с.; Ильин М.В. Хронополитическое измерение: за пределами Повседневности и Истории / М.В. Ильин // Полис. Политические исследования. – 1996. – №. 1. – С. 55-77.

[87] Чихарев И.А. Хронополитика: развитие исследовательской парадигмы / И.А. Чихарев // Полис. Политические исследования. – 2005. – №3. – С. 21-33; Чихарев И.А. Проблематика политического пространства и времени в современной политологии и международных исследованиях / И.А. Чихарев // Политическая наука. – 2009. – № 1. – С. 7-31.

[88] Чихарев И.А. Хронополитика в теоретических исследованиях мировой политики : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / И.А. Чихарев; [Место защиты: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2003. – 150 с.

[89] Терновая Л.О. Хронополитика: особенности течения времени в международных отношениях / Л.О. Терновая. – М.: Международное издание "Этносоциум и межнациональная культура", 2015. – 216 с.

[90] Музалевский В.А. Современные темпоральные исследования в мировой политике / В.А. Музалевский // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2021. – Т. 10, № 6. – С. 477-489.

о времени. Несомненно, одно может быть связано с другим, и даже, возможно, требует в идеале совместного анализа, однако это не отменяет того факта, что закономерности социально-политической эволюции и культурные представления о времени – это исходно всё же разные и не обязательно требующие совмещения предметы исследования. Стоит, впрочем, отметить, что в другом значении, отсылающем как раз к представлениям о времени и их влиянию на политические институты, использует термин «хронополитика» Д.Г. Горин, чьи работы[91], таким образом, оказываются более близкими к теме настоящей диссертации.

Также релевантными являются работы, посвященные темпоральным аспектам отдельных международных институтов, глобальных процессов, мышления отдельных государственных деятелей или акторов мировой политики: в частности, исследования Л. Дериглазовой[92], К. Кларка[93], А. Маккуин[94], У. Сьюэлла[95], В. Реха[96], Р. Хасана с соавторами[97]. Отдельно стоит отметить работы, затрагивающие темпоральность ядерного оружия

[91] Горин Д.Г. Методологии хронополитики: политемпоральность политических процессов и институциональные режимы / Д.Г. Горин // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – Т. 10, № 4. – С. 65-72; Горин Д.Г. От феноменологии времени к хронополитике / Д.Г. Горин // Концепт: философия, религия, культура. – 2019. – № 4. – С. 43-53; Горин Д.Г. Трансисторизм и новый режим темпоральности в современной исторической культуре / Д.Г. Горин // Концепт: философия, религия, культура. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 8-20; Горин Д.Г. Хронополитический анализ трансформации идеологического сознания / Д.Г. Горин // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – Т. 11, № 5. – С. 129-135.

[92] Дериглазова Л.В. «Распалась связь времён»: ЕС и Россия в поисках себя во времени / Л.В. Дериглазова // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21, № 5. – С. 124-143.

[93] Clark C. Time and Power: Visions of History in German Politics, from the Thirty Years' War to the Third Reich / C. Clark. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2019. – 293 p.

[94] McQueen A. Political Realism in Apocalyptic Times / A. McQueen. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 235 p.

[95] Sewell W.H. The Temporalities of Capitalism / W.H. Sewell // Socio-Economic Review. – 2008. – Vol. 6, no. 3. – P. 517–537; Sewell W.H. The Capitalist Epoch / W.H. Sewell // Social Science History. – 2014. – Vol. 38, no. 1–2. – P. 1–11.

[96] Rech W. The Death of God, Systemic Evolution, and the Event: On the Temporality of International Law / W. Rech // Telos. – 2018. – No. 185. – P. 165–185.

[97] Hassan R. Time and the politics of sovereignty / R. Hassan, P.J. Brendese, N. Widder // Contemporary Political Theory. – 2013. – Vol. 12, no. 3. – P. 215–252.

(Э. Бёрк[98], М. Мандельбаум[99], Б. Пелопидас[100]) и изменения климата (Ф. Хануш и С. Майш[101], Д. Роте[102]).

Стоит упомянуть, наконец, и ряд диссертаций о социально-философских и культурологических аспектах темпоральности: работы О.В. Головашиной[103], И.Г. Шестаковой[104], Е.О. Белоненко[105], С.Т. Кругликова[106].

Цель исследования – выявить основные характеристики темпорального измерения Вестфальской политической системы мира, а также объяснить логику его функционирования во взаимосвязи с институциональным измерением Вестфаля.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие **задачи**:

1) Показать, что Вестфальская политическая система мира как пример международного порядка представляет собой комплекс международных институтов и взаимосвязанных с ними идей и представлений;

2) Обосновать, что темпоральность является одним из основных элементов идейного измерения международных порядков;

---

[98] Burke A. Nuclear time: temporal metaphors of the nuclear present / A. Burke // Critical Studies on Security. – 2016. – Vol. 4, no. 1. – P. 73-90.

[99] Mandelbaum M. The Nuclear Revolution: International Politics before and after Hiroshima / M. Mandelbaum. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – 283 p.

[100] Pelopidas B. The Birth of Nuclear Eternity / B. Pelopidas // Futures / Ed. by S. Kemp, J. Andersson. – Oxford: Oxford University Press, 2021. – P. 484-500; Pelopidas B. Power, Luck, and Scholarly Responsibility at the End of the World(s) / B. Pelopidas // International Theory. – 2020. – Vol. 12, no. 3. – P. 459–470.

[101] Hanusch F. The Temporal Cleavage: The Case of Populist Retrotopia vs. Climate Emergency / F. Hanusch, S. Meisch // Environmental Politics. – 2022. – Vol. 31, no. 5. – P. 883-903.

[102] Rothe D. Governing the End Times? Planet Politics and the Secular Eschatology of the Anthropocene // Millenium: Journal of International Studies. – 2020. – Vol. 48, no. 2. – P. 143-164.

[103] Головашина О.В. Концептуализация социальной темпоральности: объектно-ориентированный подход : специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания» : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / О.В. Головашина; [Место защиты: Волгоградский государственный университет]. – Тамбов, 2020. – 362 с.

[104] Шестакова И.Г. Человек и социум в темпоральности цифрового мира : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / И.Г. Шестакова; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»]. – Санкт-Петербург, 2020. – 430 с.

[105] Белоненко Е.О. Темпоральные концепты и образы в культуре и философии модерна : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Е.О. Белоненко; [Место защиты: Белгородский государственный национальный исследовательский университет]. – Белгород, 2015. – 181 с.

[106] Кругликов С.Т. Темпоральные формы субъективности : специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / С.Т. Кругликов; [Место защиты: Санкт-Петербургский государственный университет]. – Санкт-Петербург, 2021. – 292 с.

3) Продемонстрировать, как основополагающие институты Вестфаля, с одной стороны, необходимым образом опираются на представления о бесконечности времени, а с другой стороны, способствуют воспроизводству бесконечной темпоральности;

4) Определить, как соотносятся с институтами Вестфаля проекты политической организации мира, порождаемые идеологиями с конечной темпоральностью (на примерах коммунизма и либеральной концепции «конца истории»);

5) Концептуализировать ситуацию столкновения институтов Вестфальской политической системы мира, связанных с бесконечной темпоральностью, с конечной темпоральностью глобальных экзистенциальных угроз;

6) Проверить предполагаемые тенденции развития ситуации «темпорального противоречия» на примерах международного сотрудничества в области ядерного оружия и изменения климата, а также выявить, какая из этих тенденций оказывается преобладающей.

Теоретико-методологические основы и методы исследования:

Непосредственной теоретической основой работы (в рамках теории международных отношений) выступают конструктивизм и теория международного общества[107]. Эти теоретические подходы разделяют ряд общих базовых положений – в частности, о социальной природе международных отношений и о конституирующей роли идей в формировании международных порядков –, что позволяет продуктивно совмещать их в ходе исследования[108]. Теория международного общества наиболее полезна для

[107] Также известная как «английская школа международных отношений».

[108] О конструктивизме см.: Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир / Т.А. Алексеева // Сравнительная политика. – 2014. – Т. 5, № 1. – С. 4-21; Wendt A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 432 p.
О теории международного общества см.: Linklater A. The English School of International Relation: A Contemporary Reassessment / A. Linklater, H. Suganami. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 320 p.
О соотношении этих двух теорий см.: Reus–Smit C. Imagining society: constructivism and the English School / C. Reus-Smit // The British Journal of Politics & International Relations. – 2002. – Vol. 4, no. 3. – P. 487-509; Aalberts T.E. Playing the game of sovereign states: Charles Manning's constructivism avant-la-lettre / T.E. Aalberts // European Journal of International Relations. – 2010. – Vol. 16, no. 2. – P. 247-268.

анализа Вестфальской политической системы мира как международного порядка и выделения её основополагающих институтов. В конструктивизме же несколько глубже проработаны механизмы влияния идей на международные институты, он также необходим для осмысления того, как одни и те же феномены материальной реальности (в нашем случае, ядерное оружие и изменение климата) могут наделяться различными смыслами и получать разную интерпретацию в зависимости от социокультурного контекста. Обе теории также имеют достаточно выраженный макро-исторический аспект, благодаря чему позволяют анализировать взаимосвязь идей (картин мира) и международных порядков не только в статике, но и в динамике их эволюционного развития[109]. Два исследования, выполненные в русле подобного макро-исторического синтеза конструктивизма и теории международного общества – монографии Бентли Аллана[110] и Кристиана Ройс-Смита[111] – во многом выступают для настоящей работы «парадигматическими» (по Томасу Куну) образцами.

В частности, настоящая работа заимствует у Аллана и Ройс-Смита идею «порождающей структуры» (*generative structure*), где «более глубокие уровни ограничивают возможности на более высоких уровнях»[112]. Применительно к международным порядкам это означает, что их идейное измерение (частью которого является темпоральность) выступает более глубоким уровнем структуры, ограничивающим диапазон возможных конфигураций институционального измерения[113]. Как это формулирует Джон Рагги, на которого и Аллан и Ройс-Смит в данном вопросе ссылаются: «более глубокие

---

[109] О макро-исторической тенденции в конструктивизме см., в частности: Алексеева Т.А. Агент-структурные отношения: методология конструктивизма / Т.А. Алексеева // Полис. Политические исследования. – 2022. – №4. – С. 77-93.
«Английская школа» с самого начала была исторически ориентированной, одним из наиболее ярких примеров может служить: Watson A. The Evolution of International Society / A. Watson. – London; New York: Routledge, 1992. – 337 p.
[110] Allan B.B. Scientific Cosmology and International Orders / B.B. Allan. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 358 p.
[111] Reus-Smit C. The Moral Purpose of the State: Culture, Social Identity, and Institutional Rationality in International Relations / C. Reus-Smit. – Princeton: Princeton University Press, 1999. – 208 p.
[112] Allan B.B. Scientific Cosmology and International Orders… – P. 33.
[113] Ibid.; Reus-Smit C. The Moral Purpose of the State… – P. 15.

структурные уровни обладают причинным приоритетом, и уровни структуры, находящиеся ближе к поверхности наблюдаемых явлений, оказывают влияние только в контексте, уже “предварительно структурированном” более глубокими уровнями»[114]. Важно также уточнить, что причинность понимается здесь не в неопозитивистском смысле влияния одного обособленного явления («независимой переменной») на другое («зависимую переменную»), а как конститутивная причинность, то есть, создание идеями (включая представления о времени) *условий возможности* для одних институтов, а соответственно, и условий невозможности для других[115].

В плане общей методологии социальных наук, исследование опирается на неоинституционализм в изводе, представленном в работах Мэри Дуглас[116]. Тезис неоинституционализма об институционально обусловленном характере индивидуального познания и воспроизводства идей в обществе позволяет скорректировать присущий упомянутым выше «парадигматическим» работам (как и большинству конструктивистских исследований международных отношений) акцент на конституирующем влиянии идей на институты при фактическом игнорировании обратного направления взаимосвязи. Для настоящей работы, поскольку она стремится продемонстрировать именно взаимное влияние – и бесконечной темпоральности на институты Вестфаля, и институтов Вестфаля на бесконечную темпоральность – это особенно важная корректировка.

Под ***темпоральностью*** в настоящем исследовании понимаются, вслед за Б. Алланом, существующие в определенной культуре «представления о природе и направленности течения времени»[117]. По сути, то же самое Франсуа Артог и, вслед за ним, Алейда Ассман называют «темпоральным режимом»: «Понятие темпорального режима позволяет сравнивать не только

---

[114] Ruggie J.G. Continuity and Transformation in the World Polity: Toward a Neorealist Synthesis / J.G. Ruggie // World Politics. – 1983. – Vol. 35, no. 2. – P. 283.
[115] См. о разнице между неопозитивистской и конститутивной моделью объяснения социальных явлений: Wendt A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 77-89.
[116] Дуглас М. Как мыслят институты / М. Дуглас; пер. с англ. – М.: Элементарные формы, 2020. – 250 с.
[117] Allan B.B. Scientific Cosmology and International Orders… – P. 35.

историографические концепции, но вообще разные способы отношения ко времени: формы восприятия времени здесь и в иных культурах, сегодня и вчера; способы бытия во времени. <…> Речь идет о видах историчности и о том, как человечество переживает свою историю»[118]. М.М. Фёдорова в схожем контексте употребляет и понятие «историческое сознание»[119]. В общем смысле, имеются в виду разные способы восприятия людьми времени и себя во времени. Основное разграничение нами проводится между конечной и бесконечной темпоральностью, что обусловлено гипотезой исследования. *Бесконечная темпоральность* – это такое восприятие времени, в рамках которого у течения времени отсутствует предзаданная конечная точка. Время здесь может мыслиться как повторяющееся (циклическое), либо просто бесконечно текущее вперёд. В свою очередь, *конечная темпоральность* – это представление о времени как текущем по направлению к некой конечной точке[120]. Эта точка может мыслиться как неизбежная и в целом желанная (например, в христианской эсхатологии и наследующих её структуру философиях истории Нового времени) или как контингентная, потенциально избегаемая и нежеланная (в случае структуры восприятия времени, задаваемой осознанием глобальных экзистенциальных угроз).

В исследовании применяются почти исключительно качественные методы, что обусловлено объективными сложностями операционализации культурно-мировоззренческих представлений до количественно измеримых индикаторов (особенно при историческом рассмотрении, исключающем опросный метод). Метод отслеживания процессов (*process-tracing*)[121] используется для выявления и демонстрации логики функционирования причинно-следственных механизмов, связывающих темпоральность и

---

[118] Цит. по: Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / А. Ассман; пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – С. 15-16.

[119] Федорова М.М. Историческое сознание эпохи модерна и политическая проективность / М.М. Федорова // Полилог. – 2021. – Т. 5. № 2. – статья №1.

[120] Определения сформулированы на основе: Hamilton S. Foucault’s End of History: The Temporality of Governmentality and Its End in the Anthropocene / S. Hamilton // Millennium: Journal of International Studies. – 2018. – Vol. 46, no. 3. – P. 375.

[121] Collier D. Understanding Process Tracing / D. Collier // PS: Political Science and Politics. – 2011. – Vol. 44, no. 4. – P. 823-830.

институты Вестфаля, а также для анализа тенденций развития ситуации темпорального противоречия между Вестфальской политической системой мира и глобальными экзистенциальными угрозами. Для наглядного представления и прояснения механизмов развития темпорального противоречия, а также для исходной концептуализации места темпорального измерения в институционально-идейной структуре Вестфальского порядка применяется метод теоретического моделирования[122]. Историко-генетический метод[123] применён для описания возникновения и распространения конечной темпоральности. С этой же целью единственный раз использован и автоматизированный количественный контент-анализ (через интерфейс *Google Books Ngram Viewer*[124]). В основном же, для выявления и описания интересующих нас представлений о времени, поскольку эти представления отражены преимущественно в различного рода текстах, применяется метод дискурс-анализа. В отличие от количественного контент-анализа, дискурс-анализ направлен на выявление смысла высказывания с учетом его контекста: взаимосвязей как с другими идеями, так и с социальными условиями[125]. Наконец, при анализе сценариев развития ситуации темпорального противоречия использован метод анализа кейсов *(case-study)*: поскольку задача здесь заключалась в первичной проверке новой теоретической модели, была выбрана поисковая стратегия отбора кейсов с выбором случаев, в которых изучаемые процессы проявятся с наибольшей вероятностью[126].

---

[122] Clarke K.A. A Model Discipline: Political Science and the Logic of Representations / K.A. Clarke, D.M. Primo. – New York: Oxford University Press, 2012. – P. 78-103.

[123] Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1987. – С. 170-172.

[124] Google Books Ngram Viewer: сайт. – URL: https://books.google.com/ngrams/ (дата обращения 20.09.2025).

[125] Angenot M. Social Discourse Analysis: Outlines of a Research Project / M. Angenot // Yale Journal of Criticism. – 2004. – Vol. 17, no. 2. – P. 199–215.

В данном случае применялся скорее критический, чем дескриптивный, дискурс-анализ, поскольку, хотя в анализируемых текстах и не предполагается манипулятивная интенция, задача заключается в выявлении имплицитных темпоральных представлений, структурирующих восприятие и определяющих институциональные границы возможного. См. об особенностях разных видов дискурс-анализа: Ильин М. В. Дискурс-анализ / М.В. Ильин, К.А. Пахалюк*, И.В. Фомин // Современная политическая наука: Методология: Научное издание / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – С. 464-483. *Внесён Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов.

[126] Gerring J. Case Study Research: Principles and Practice / J. Gerring. – 2nd edition. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – P.65-68.

Объектом исследования выступает Вестфальская политическая система мира, а **предметом исследования** являются основные характеристики и закономерности функционирования темпорального измерения Вестфальской политической системы мира.

Территориально-хронологические рамки диссертационного исследования определяются его предметом. Хронологически работа охватывает период становления и существования Вестфальской политической системы мира – с XVII века по настоящее время[127]. В территориальном плане работа опирается на традиционную концепцию эволюции Вестфаля: он зарождается в Европе и остаётся европейским феноменом до начала XIX века, в XIX веке распространяется на западное полушарие, а в течение XX века – и на остальные регионы, тем самым становясь глобальным[128].

Область исследования, таким образом, соответствует паспорту специальности ВАК «5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования», а именно пункту «1. Теория и методология, методы анализа, развитие понятийного аппарата исследования международных отношений и мировой политики. Западные и незападные исследовательские традиции. Международно-политический анализ». Работа также соответствует приоритетному направлению научных исследований МГИМО «1. Международные отношения, безопасность, политика / International Relations, Security, Politics» и пункту «30. Государство как актор международных отношений: перспективы и современное состояние» перечня перспективных тематик кандидатских диссертаций Факультета управления и политики МГИМО МИД России.

---

[127] Дискуссии о статусе Вестфаля (закончился он или продолжается) активно шли в 1990-е – начале 2000-х гг. Со второй половины 2000-х гг. в российских исследованиях становится преобладающей точка зрения, что суверенные государства и базовые принципы взаимодействия между ними по-прежнему составляют ядро политической организации мира. См.: Лебедева М.М. Политическая организация мира в условиях современных мегатрендов: сценарии развития / М.М. Лебедева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 10–21; Фельдман Д.М. Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв… / Д.М. Фельдман, О.Н. Барабанов // Международные процессы. – 2007. – Т.5, №3. – С. 104-113.
Более подробное обоснование хронологических рамок Вестфальской политической системы мира приведено в главе 1.

[128] The Expansion of International Society / Ed. by H. Bull, A. Watson. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – 479 p.

Источниковая база исследования может быть разделена на следующие группы источников:

1) Опубликованные собрания материалов международных конференций (включающие записи выступлений сторон): Первой Гаагской конференции 1899 года[129], Конференции по кодификации международного права 1930 года[130], Конференции ВМО и ЮНЕП по проблемам атмосферных изменений 1988 года[131], Конференции ООН по окружающей среде и развитию 1992 года[132].

2) Отдельные советские источники конца 1910-х – начала 1920-х годов[133] и американские источники периода после 1991 года[134], иллюстрирующие процессы адаптации исходно альтернативных Вестфалю проектов политической организации мира к условиям общества государств.

3) Международные соглашения: основные двусторонние и многосторонние договоры по контролю над вооружениями (ДНЯО, ДВЗЯИ, ДЗЯО, ПРО, ОСВ-I, ОСВ-II, ДРСМД, СНВ-I, СНВ-II, СНП, СНВ-III), а также

---

[129] The Proceedings of The Hague Peace Conferences. Translation of the Official Texts. The Conference of 1899. – New York: Oxford University Press, 1920. – 883 p.

[130] League of Nations. Acts of the Conference for the Codification of International Law. Held at The Hague from March 13th to April 12th, 1930. Vol. I. Plenary Meetings. – Geneva, August 19th, 1930. – 178 p. – URL: https://icsid.worldbank.org/sites/default/files/parties_publications/C8394/Claimants%27%20documents/CL%20-%20Exhibits/CL-0236.pdf (дата обращения 20.09.2025).

[131] World Meteorological Organization. Conference Proceedings: The Changing Atmosphere: Implications for Global Security. Toronto, Canada, 27–30 June 1988. – Geneva: Secretariat of the World Meteorological Organization, 1989. – 483 p. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/106359 (дата обращения 20.09.2025).

[132] UN. Report of the United Nations Conference on Environment and Development. Rio de Janeiro, 3-14 June 1992. Volume II: Proceedings of the Conference. – New York: United Nations, 1993. – 75 p. – URL: https://docs.un.org/en/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.II) (дата обращения 20.09.2025); UN. Report of the United Nations Conference on Environment and Development. Rio de Janeiro, 3-14 June 1992. Volume III: Statements Made by Heads of State or Government at the Summit Segment of the Conference. – New York: United Nations, 1993. – 265 p. – URL: https://docs.un.org/en/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.III) (дата обращения 20.09.2025).

[133] Декрет о мире. 26 октября (8 ноября) 1917 года // Международные отношения и внешняя политика СССР (1871-1957 гг.): Сб. док. / Сост. Л.А. Харламова. – М.: Высш. парт. школа при ЦК КПСС, 1957. – С. 48-50; Дополнительные соображения тов. Чичерина по вопросу о тактике российской делегации в Генуе. [Москва], 25 февраля 1922 года // Коминтерн и идея мировой революции: Документы / Отв. ред. Я.С. Драбкин. — М.: Наука, 1998. – С. 347-351; Письмо А. Иоффе В. Ленину о Генуэзской конференции. Петроград, 13 февраля 1922 года // Коминтерн и идея мировой революции: Документы / Отв. ред. Я.С. Драбкин. — М.: Наука, 1998. – С. 337-341.

[134] Lake A. From Containment to Enlargement / Remarks of A. Lake, Assistant to the President for National Security Affairs. – Washington, D.C.: John Hopkins University, September 21, 1993. – 15 p. – URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015051567645&seq=1 (дата обращения 20.09.2025); National Security Strategy of the United States of America, December 2017 // Trump White House Archive. – URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (дата обращения 20.09.2025).

Рамочная конвенция ООН об изменении климата и Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию 1992 года[135].

4) Документы международных организаций: Устав Организации Объединенных Наций[136], отдельные резолюции Генеральной Ассамблеи ООН[137], доклад Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» 1987 года[138], оценочные доклады МГЭИК[139], два консультативных заключения Международного суда ООН: по вопросу легальности угрозы или применения ядерного оружия 1996 года[140] и по вопросу об обязательствах государств в отношении изменения климата 2025 года[141].

5) Официальные отчеты о пленарных заседаниях Генеральной Ассамблеи (выборочно за вторую половину 1940-х: только обсуждения вопросов контроля над ядерным оружием; выборочно за период 1950-1960 годы: только выступления по случаям принятия в ООН новых членов) и о заседаниях Совета Безопасности (выборочно за вторую половину 1940-х: только обсуждения вопросов контроля над ядерным оружием)[142].

6) Отдельные американские, советские и ооновские источники второй половины 1940-х годов по проблеме контроля над ядерным оружие (в

---

[135] Ссылки приведены в соответствующем параграфе (параграф 3.3).

[136] Устав ООН (полный текст) // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения 20.09.2025).

[137] ООН. Резолюция ГА ООН от 21 ноября 1947 г. №174(II) «Учреждение Комиссии международного права» // Организация Объединенных Наций. – URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/174(II) (дата обращения 20.09.2025); ООН. Резолюция ГА ООН от 23 ноября 1949 г. №299(IV) «Международный контроль над атомной энергией» // Организация Объединенных Наций. – URL: https://undocs.org/ru/A/RES/299(IV) (дата обращения 20.09.2025).

[138] UN. Report of the World Commission on Environment and Development “Our Common Future”, 4 August 1987 // United Nations. – 373 p. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/139811 (дата обращения 20.09.2025).

[139] IPCC. IPCC Second Assessment. Climate Change 1995: A Report of The Intergovernmental Panel on Climate Change // WMO; UNEP. – 73 p. – URL: https://archive.ipcc.ch/pdf/climate-changes-1995/ipcc-2nd-assessment/2nd-assessment-en.pdf (дата обращения 20.09.2025).

[140] ICJ. Obligations Of States in Respect of Climate Change, 23 July 2025, Advisory Opinion // International Court of Justice. – 133 p. – URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/187/187-20250723-adv-01-00-en.pdf (дата обращения 20.09.2025).

[141] ICJ. Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion of 8 July 1996 // International Court of Justice Reports 1996. – P. 226-267. – URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/95/095-19960708-ADV-01-00-EN.pdf (дата обращения 20.09.2025).

[142] Ссылки на конкретные цитируемые отчеты приведены в соответствующих параграфах (параграфы 2.1 и 3.2).

частности, «доклад Франка»[143], «доклад Ачесона-Лилиенталя»[144], материалы работы Комиссии ООН по атомной энергии[145]).

7) Отдельные официальные комментарии и заявления России и США по вопросам контроля над вооружениями: комментарии США по случаям выхода из договоров по ПРО[146] и РСМД[147], Послание Президента России Федеральному Собранию 2023 года[148], совместное советско-американское заявление по итогам Женевского саммита 1985 года[149] и совместное заявление Президентов России и США по стратегической стабильности 2021 года[150].

8) Отдельные материалы неправительственных международных организаций и движений: Устав Института международного права в Генте 1873 года[151], Манифест Рассела-Эйнштейна 1955 года[152], информационные материалы «Международной кампании за запрещение ядерного оружия»[153].

---

[143] Report of the Committee on Political and Social Problems, Manhattan Project "Metallurgical Laboratory", University of Chicago. (The Franck Report) / J. Franck, D.J. Hughes, J.J. Nickson [et al.]. – June 11, 1945. – URL: https://www.atomicarchive.com/resources/documents/manhattan-project/franck-report.html (дата обращения 20.09.2025).

[144] A Report on the International Control of Atomic Energy / Ch.I. Barnard, J.R. Oppenheimer, Ch.A. Thomas, H.A. Winne, D.E. Lilienthal; [Prepared for the Secretary of State's Committee on Atomic Energy]. – Washington, D. C., March 16, 1946. – 60 p. – URL: https://fissilematerials.org/library/ach46.pdf (дата обращения 20.09.2025).

[145] Address by the Soviet Representative (Gromyko) to the United Nations Atomic Energy Commission, June 19, 1946 // Documents on Disarmament, 1945-1959. Volume 1: 1945-1956. – Washington, D.C.: Department of State, 1960. – P. 17-24; The Baruch Plan: Statement by the United States Representative (Baruch) to the United Nations Atomic Energy Commission, June 14, 1946 // Documents on Disarmament, 1945-1959. Volume 1: 1945-1956. – Washington, D.C.: Department of State, 1960. – P. 7-16.

[146] U.S. Withdrawal from the ABM Treaty: President Bush's Remarks and U.S. Diplomatic Notes // Arms Control Association. – 13.12.2001. – URL: https://www.armscontrol.org/act/2002-01/us-withdrawal-abm-treaty-president-bushs-remarks-and-us-diplomatic-notes (дата обращения 20.09.2025).

[147] Pompeo M.R. U.S. Withdrawal from the INF Treaty on August 2, 2019 / M.R. Pompeo // US Department of State. – 02.08.2019. – URL: https://2017-2021.state.gov/u-s-withdrawal-from-the-inf-treaty-on-august-2-2019/ (дата обращения 20.09.2025).

[148] Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023 г. б/н (Выступление Президента Российской Федерации В.В.Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации) / В.В. Путин // Президент России. – 21.02.2023 – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010 (дата обращения 20.09.2025).

[149] Joint Soviet-United States Statement on the Summit Meeting in Geneva, November 21, 1985 // The American Presidency Project. – URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/joint-soviet-united-states-statement-the-summit-meeting-geneva (дата обращения 20.09.2025).

[150] Совместное заявление Президентов России и США по стратегической стабильности, 16 июня 2021 г. // Президент России. – URL: http://kremlin.ru/supplement/5658 (дата обращения 20.09.2025).

[151] Statuts votés par la Conférence Juridique internationale de Gand, le 10 Septembre 1873 // Institut De Droit International. Annuaire. Tome 1. 1877. – Bad Feilnbach: Schmidt Periodicals Gmbh, 1994. – P. 1-5. – URL: https://www.idi-iil.org/app/uploads/2017/04/1877-vol_1_Sessions-de-Gen%C3%A8ve-1874-et-de-La-Haye-1875.pdf (дата обращения 20.09.2025).

[152] Манифест Рассела - Эйнштейна, 1955 г. // Российский Пагуошский комитет при Президиуме РАН. – URL: http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html (дата обращения 20.09.2025).

[153] International Campaign to Abolish Nuclear Weapons: сайт. – URL: https://www.icanw.org/ (дата обращения 20.09.2025).

9) Отдельные труды по политической мысли и международному праву выдающихся авторов, которые потому могут рассматриваться как отражение существовавших в соответствующие эпохи идей о международной политике. Эта группа источников используется для анализа представлений о времени, связанных с основными институтами Вестфаля, а также для анализа политических проектов, следующих из философий истории с конечной темпоральностью. Рассмотренные авторы[154] охватывают период с конца XVI века до настоящего времени и представляют большинство держав, бывших в те или иные моменты ключевыми акторами Вестфальского порядка.

Научная новизна исследования заключается, во-первых, в характеристике темпоральности как неотъемлемого элемента идейного измерения международных порядков. Далее, новым является систематическое описание бесконечной темпоральности Вестфальской политической системы мира: в работе показана взаимосвязь четырёх основополагающих институтов Вестфаля – суверенитета, баланса сил, многосторонности, международного права – с представлениями о бесконечности времени. Обоснован инвариантный характер этой взаимосвязи: на примере христианской эсхатологии и телеологических философий истории эпохи модерна показано, что картины мира, подразумевающие конечную темпоральность, несовместимы с Вестфальскими институтами.

Кроме того, в диссертационном исследовании предложены авторские концепции «темпорального противоречия» и «этернализации», которые позволяют объяснить логику развития институтов и темпоральности Вестфаля в ситуации столкновения с альтернативной – конечной – темпоральностью глобальных экзистенциальных угроз. При помощи этих концепций проанализированы ранние этапы международного взаимодействия по ядерной и климатической проблемам. Показан эвристический потенциал концепций

[154] Жан Боден, Гуго Гроций, Томас Гоббс, Жак-Бенинь Боссюэ, Франсуа Фенелон, Эмер де Ваттель, Дэвид Юм, Фридрих фон Генц, Генри Уитон, Г.Ф.В. Гегель, Джузеппе Мадзини, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, Ф.Ф. Мартенс, Ласса Оппенгейм, Генри Киссинджер, Фрэнсиса Фукуяма. Ссылки на конкретные рассмотренные труды приведены в главе 2.

«темпорального противоречия» и «этернализации» для объяснения глубинных причин низкой эффективности международного сотрудничества по борьбе с глобальными экзистенциальными угрозами ядерной войны и изменения климата. Предложена авторская модель, описывающая основные идейные, институциональные и материальные факторы этернализации глобальных угроз.

Теоретическая значимость работы видится троякой. Во-первых, показана продуктивность применения к международным порядкам неоинституционалистской методологической установки о влиянии институтов на процессы воспроизводства преобладающих идей и картин мира, что имеет важные последствия для понимания как устойчивости порядков при стабильных условиях, так и сложностей их адаптации к резким изменениям внешней среды. Во-вторых, обосновано, что темпоральность является важным и неотъемлемым измерением любого международного порядка – это открывает перспективы дальнейшего сравнительного изучения темпоральностей разных международных порядков и выявления закономерностей соотношения различных институциональных структур с разными представлениями о времени. В-третьих, предложенные концепции «темпорального противоречия» и «этернализации» могут быть использованы для изучения диалектического процесса трансформации/устойчивости Вестфаля не только при столкновении с ядерным оружием и изменением климата, но и другими глобальными экзистенциальными угрозами, настоящими (например, пандемиями) и будущими (например, потенциальными катастрофическими сценариями развития технологий искусственного интеллекта).

Вряд ли целесообразно искать у настоящей работы, выполненной в жанре фундаментального теоретического исследования, немедленную прикладную полезность. Это, однако, не означает полного отсутствия **практической значимости.** Выявленные в работе теоретические закономерности могут быть в дальнейшем применены для сравнительной

оценки различных подходов к противодействию глобальным угрозам экзистенциального характера и для выработки рекомендаций относительно оптимального институционального устройства соответствующих механизмов международного сотрудничества[155].

Положения, выносимые на защиту:

1. Темпоральность – представления о природе, направленности течения времени и месте человека во времени – является одним из основных элементов идейного измерения социальных порядков и, следовательно, международных порядков. Как и другие элементы идейного измерения международных порядков, темпоральность двояким образом связана с их институциональным измерением: с одной стороны, представления о времени натурализуют и легитимируют соответствующие им институты; с другой стороны, институты, в силу социальной обусловленности индивидуального познания, способствуют воспроизводству соответствующих им темпоральных представлений.

2. Вестфальская политическая система мира, будучи примером международного порядка, также имеет темпоральное измерение: она взаимосвязана с характерными для эпохи модерна представлениями о бесконечности времени. Бесконечная темпоральность выполняет конституирующую роль в отношении основополагающих институтов Вестфаля: суверенитета, баланса сил, мультилатерализма, международного права. Все эти институты не предполагают ориентации на какую-либо конечную точку течения времени; они становятся мыслимыми и воплотимыми в социальной практике только в горизонте бесконечного времени. В свою очередь, эти институты, в силу задаваемой ими логики социальных отношений, обеспечивают воспроизводство бесконечной темпоральности в картине мира вовлеченных в них акторов.

---

[155] Отдельные авторские соображения на этот счёт изложены в статьях: Учаев Е.И. Катехоническая темпоральность и политическая форма: к обоснованию двойного представительства / Е.И. Учаев // Социологическое обозрение. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 163-167; Учаев Е.И. Переосмысляя катехон: к политической теологии ядерной эпохи / Е.И. Учаев, И.А. Николаев // Стасис. – 2023. – Т. 11, №1-2. – С. 151-158.

3. Темпоральное измерение Вестфаля проходит, вместе с его институтами, два различимых этапа эволюции: в XVII-XVIII веках преобладает циклически-статический вариант бесконечной темпоральности, который соответствует династическому принципу легитимации суверенитета, балансу сил и естественному международному праву; с XIX века основным постепенно становится прогрессивный вариант бесконечной темпоральности, который взаимосвязан с распространяющимися тогда же национальным принципом легитимации суверенитета, мультилатерализмом и позитивным международным правом. Вместе с тем, несмотря на внутреннюю вариативность, сама по себе общая идея бесконечности времени является инвариантом темпорального измерения Вестфальской политической системы мира, она не совместима с картинами мира, подразумевающими конечную темпоральность: ни с религиозной эсхатологией, ни со структурно аналогичными эсхатологии модерными философиями истории. Акторы, мыслящие в рамках таких картин мира, стремятся трансформировать политическую систему мира.

4. Появление начиная с середины XX века материальных свидетельств потенциальной конечности времени человечества в виде глобальных экзистенциальных угроз и распространяющееся осознание этих свидетельств создают вызов для бесконечной темпоральности Вестфальской политической системы мира. Возникшая таким образом ситуация темпорального противоречия порождает две разнонаправленные тенденции её разрешения: осознание конечной темпоральности приводит акторов к попыткам трансформации политической системы мира и преодоления Вестфаля, тогда как давление институциональной логики Вестфаля подталкивает к этернализации глобальных угроз – их переосмыслению как не носящих экзистенциального характера. Вторая тенденция оказывается возможна благодаря тому, что материальная реальность всегда допускает множественность смысловых интерпретаций. Обе указанные тенденции

проявляются при столкновении Вестфальской политической системы мира с угрозами ядерной войны и изменения климата.

5. Преобладающей тенденцией разрешения темпорального противоречия в случаях ядерной угрозы и угрозы изменения климата к настоящему моменту оказывается этернализация. Она формируется уже на ранних этапах обсуждения международных подходов по борьбе с угрозой и выражается в том, что отстаивание и последующее принятие мер противодействия угрозе, остающихся полностью в рамках Вестфальских институтов, сопровождалось не-экзистенциальными интерпретациями ядерного оружия и изменения климата. Этернализация не является абсолютно устойчивой, так как конечная темпоральность периодически актуализируется, возвращая акторов Вестфаля в ситуацию темпорального противоречия – которое, однако, вновь разрешается преимущественно через этернализацию. Такое преобладание этернализации объясняется совокупностью институциональных и материальных факторов, которые выступают способствующими условиями, и идейных факторов, непосредственно обеспечивающих переосмысление глобальных угроз. Среди институциональных факторов одним из важнейших оказывается влияние Вестфальской политической системы мира на воспроизводство соответствующей ей бесконечной темпоральности в сочетании с глобальным охватом Вестфальских институтов и присущей им высокой степенью инфраструктурной власти. К основным идейным факторам этернализации относятся относительно широкая распространенность: идеологий прогресса, религиозных представлений о существовании «иного» мира и постмодернистского подозрения к метанарративам.

Основные результаты исследования **получили апробацию** в пяти публикациях в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в международных базах данных, определяемых в соответствии с рекомендацией Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, одной публикации в издании из списка

Russian Science Citation Index, а также в докладах на международных и всероссийских научных конференциях. Многие из основных результатов были получены и, соответственно, апробированы в рамках выполнения поддержанного Российским научным фондом проекта № 22-28-01054 «Темпоральное измерение международных отношений в контексте глобальных угроз ядерной войны и изменения климата» (научный руководитель проекта – М.В. Харкевич; срок реализации – 2022-2023 годы, проект успешно завершён). Три из шести приведенных ниже публикаций (две – в соавторстве с А.А. Квартальновым, одна – в соавторстве с М.В. Харкевичем) также были подготовлены в рамках данного проекта.

Некоторые из результатов исследования также были использованы в процессе преподавания на Факультете управления политики МГИМО МИД России в 2023/24 и 2024/25 учебном годах дисциплин «Глобальное управление» (для бакалавриата по направлению подготовки «Международные отношения») и «Мировой порядок и инструменты глобального регулирования» (для магистерской программы «Международное гуманитарное сотрудничество»).

Публикации по теме диссертации в изданиях Перечня ВАК и изданиях из списка RSCI:

1. Учаев Е.И. Катехоническая темпоральность и политическая форма: к обоснованию двойного представительства // Социологическое обозрение. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 146-176.

2. Учаев Е.И., Квартальнов А.А. Препятствия к макросекьюритизации глобальных угроз: кейсы ядерного оружия и изменения климата // Сравнительная политика. – 2024 – Т. 15, № 3. – С. 141-164.

3. Учаев Е.И., Харкевич М.В. Немыслимость тотальной катастрофы: постапокалиптическая природа модерного политического реализма // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2023. – №1. – С. 40-63.

4. Учаев Е.И., Квартальнов А.А. Темпоральный подход к проблеме устойчивости ядерной анархии // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – Т. 15, №6. – С. 112-134.

5. Учаев Е.И. Сохранить человечество в эпоху Антропоцена // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20, №1. – С. 35-50.

6. Uchaev Ye.I. The Anthropocene Consensus: Transforming International Politics in the Age of Global Existential Threats // Russia in Global Affairs. – 2021. – Vol. 19, no. 3. – P. 206-227.

Доклады по теме диссертации на международных и всероссийских научных конференциях:

1. Междисциплинарная научная конференция «Политическая теология III: Время, остающееся до нового начала», Москва, Центр фундаментальной социологии НИУ ВШЭ, май 2024 г.: доклад «Катехоническая темпоральность и политическая форма: к обоснованию двойного представительства».

2. XV Конвент РАМИ (секция «Социальная онтология международных отношений»), Москва, октябрь 2023 г.: доклад «О чём не хочет знать Вестфаль? К вопросу о взаимообусловленности институциональных и идеационных структур в международных отношениях».

3. 2022 Toronto Conference on Earth System Governance, online, October 2022: “‘Eternalization’ of the Anthropocene: The Contested Temporality of Earth System Governance”.

4. XIV Конвент РАМИ (секция «Стратегия, статус и этика в международном обществе»), Москва, октябрь 2022 г.: доклад «Предотвратима ли ядерная война в условиях международной анархии? Взгляд через призму темпоральности».

5. XIV Конвент РАМИ (секция «Теория международных отношений: актуальная повестка»), Москва, октябрь 2022 г.: «Постапокалиптическая генеалогия нововременного реализма: немыслимость тотальной катастрофы».

6. VI Всероссийский форум молодых политологов СМП РАПН, Москва, декабрь 2021 г.: «Глобальные проблемы современности: темпоральный вызов Вестфальской системе?».

7. 2021 Millennium Conference, online, October 2021: “Counter-Eschatology of the Anthropocene and the (Re)grounding of IR”.

8. XIII Конвент РАМИ (секция «Новая Россия в глобальном управлении»), Москва, октябрь 2021 г.: «“Мы как мученики попадём в рай”: о бесконечной темпоральности современных международных отношений».

Структура и основное содержание работы:

Исследование состоит из введения, трёх глав, разделенных в совокупности на 12 параграфов, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений и условных обозначений и трёх приложений.

В первой главе *«Темпоральное измерение международных порядков»* обосновывается сущностная взаимосвязь международных порядков с соответствующими им идейными представлениями; выделяются основные институты Вестфальской политической системы мира как международного порядка; показывается, что темпоральность выступает одним из важных элементов идейного измерения международных порядков.

В первых четырёх параграфах второй главы *«Бесконечная темпоральность Вестфальской политической системы мира»* последовательно раскрывается, с одной стороны, как существование и функционирование четырёх основных институтов Вестфаля (суверенитета, баланса сил, мультилатерализма, международного права) зависит от представлений о бесконечности времени, и с другой стороны, как эти институты обеспечивают воспроизводство бесконечной темпоральности. Пятый параграф второй главы посвящен рассмотрению противоречий, возникающих между институтами Вестфаля и проектами политической организации мира, основанными на философиях истории с конечной темпоральностью (на примерах раннего СССР и США в постбиполярный период).

В третьей главе *«Темпоральность Вестфальского порядка в эпоху глобальных экзистенциальных угроз: вызовы и устойчивость»* в первом параграфе вводится концепция «темпорального противоречия» для обозначения ситуации, когда основанный на бесконечной темпоральности Вестфальский порядок сталкивается с глобальными экзистенциальными угрозами, подразумевающими конечную темпоральность. Второй параграф демонстрирует, как порождаемые ситуацией темпорального противоречия тенденции, с одной стороны, к трансформации Вестфаля и, с другой стороны, к «этернализации» глобальных угроз проявлялись на ранних этапах выработки подходов к международному сотрудничеству по ядерной и климатической проблемам. В третьем параграфе показывается, что политика ядерного сдерживания с 1950-х годов по сегодняшний день характеризуется темпоральным противоречием, что порождает те же самые две тенденции. Четвертый параграф посвящен объяснению, почему в рассмотренный период преобладающей из двух тенденций оказывается этернализация.

В *заключении* диссертации на основе обобщения результатов исследования сформулированы основные выводы, а также указаны перспективные направления дальнейшего развития темы.

В приложения А и Б вынесено более развернутое обоснование отдельных вспомогательных положений исследования. В приложение В пришлось вынести одну иллюстрацию, которую по соображениям формата было бы нецелесообразно разместить в основной части.

ГЛАВА 1. ТЕМПОРАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОРЯДКОВ

Настоящее исследование исходит из следующих основных теоретических положений:

1) Вестфальская политическая система мира может быть рассмотрена как международный порядок, иначе говоря, как устойчивая совокупность существующих на международном уровне институтов;

2) любой социальный порядок, включая международный, помимо институционального измерения обладает также и идейным, причем эти два измерения необходимым образом взаимосвязаны: картины мира и ценности легитимируют определенные, соответствующие им институты, а институты, в свою очередь, в процессе своего функционирования способствуют воспроизводству определенных, соответствующих им ценностей и картин мира;

3) неотъемлемой составляющей идейного измерения социальных порядков (включая международные) выступает темпоральность, понимаемая как совокупность разделяемых людьми представлений о времени (его природе, направленности течения, месте человека во времени).

Последовательному обоснованию данных положений и посвящена предлагаемая читателю первая глава.

1.1. Вестфальская политическая система мира как международный порядок

1.1.1. Понятие «Вестфальской политической системы мира»

Понятие «политической системы мира» (или «модели мира») используется в российской науке о мировой политике для обозначения фундаментального, основополагающего уровня организации мирополитического пространства. По формулировке М.М. Лебедевой, М.В. Харкевича и П.И. Касаткина, это понятие указывает на «те принципы,

которые лежат в основе различных систем международных отношений, являются базисными, определяющими принципы и границы межгосударственного взаимодействия, подобно тому как фундамент дома определяет его архитектуру»[156]. Вернее было бы даже сказать, что речь идет о принципах и границах взаимодействия между акторами, поскольку само по себе выделение суверенного государства как ключевого, а на протяжении долгого времени и единственного легитимного актора мировой политики выступает центральным принципом конкретной – Вестфальской – политической системы мира[157]. В свою очередь, «до Вестфаля были и другие модели политической организации. Это и Древняя Греция с ее городами-полисами, и Римская империя, и мусульманский халифат, и т.д. Везде принципы, лежавшие в основе этих систем, были различны»[158].

Что касается принципов непосредственно Вестфальской модели мира, их перечень у разных российских авторов незначительно отличается. Так, М.М. Лебедева подчеркивает центральность принципа суверенитета[159], но также отмечает, к примеру, и баланс сил[160]. О.Н. Барабанов в известной дискуссии с Д.М. Фельдманом дополняет список суверенным равенством (отличным в его трактовке от собственно суверенитета) и правом межгосударственных договоров[161], но всё же уточняет, что именно суверенитет, понимаемый как «отсутстви[е] иерархии в межгосударственных отношениях как раз и *составляет историческую специфику* Вестфальской модели мира [курсив мой. – *Е.У.*]»[162].

---

[156] Лебедева М.М. Глобальное управление: монография / М.М. Лебедева, М.В. Харкевич, П.И. Касаткин. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – С. 91.
[157] Лебедева М.М. Современные государства в политической системе мира / М.М. Лебедева // Сравнительная политика. – 2011. – Т. 2, № 4. – С. 21.
[158] Лебедева М.М. Глобальное управление: монография… – С. 90.
[159] Лебедева М.М. Система политической организации мира: «идеальный шторм» / М.М. Лебедева // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 2. – С. 126; Лебедева М.М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры / М.М. Лебедева // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 4. – С. 27.
[160] Лебедева М.М. Глобальное управление: монография… – С. 89.
[161] Фельдман Д.М. Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв… / Д.М. Фельдман, О.Н. Барабанов // Международные процессы. – 2007. – Т.5, №3. – С. 104.
[162] Там же. – С. 108.

Представляется, что приведённое краткое изложение подхода российской школы мирополитических исследований к Вестфальской политической системе мира – в частности, выделение в качестве принципов Вестфаля, наряду с суверенитетом, международного права и баланса сил – даёт основание провести параллель с теорией международного порядка и концепцией «международного общества» в так называемой «английской школе» теории международных отношений. Согласно классической работе Хэдли Булла «Анархическое общество», в основе любого международного порядка лежит «комплекс правил, устанавливающий то, что можно назвать фундаментальным или учредительным (*constitutional*) нормативным принципом мировой политики»[163]. В современности таким принципом выступает «идея общества государств, противопоставленная таким альтернативам как идеи универсальной империи, космополитического сообщества отдельных людей или гоббсианского естественного состояния или состояния войны»[164].

Понятие «учредительного нормативного принципа мировой политики» у Х. Булла, таким образом, оказывается в целом аналогично понятию «политической системы мира» в российских исследованиях – в обоих случаях речь идёт о базовых принципах организации мирового политического пространства: существует оно как множественность взаимодействующих государств, как единая всемирная империя или в каком-либо ещё виде. В свою очередь, понятие «общества государств» (или «международного общества») служит аналогом «Вестфальской политической системы мира» – оно указывает на характерный для эпохи Модерна конкретный способ политической организации мира, ядром которого выступает принцип суверенитета и вытекающая из него множественность сосуществующих и взаимно признающих друг друга государств.

---

[163] Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics, 4th ed. / H. Bull. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. – P. 65.
[164] Ibid.

Как известно, Х. Булл выделил пять основных институтов, обеспечивающих воспроизводство и функционирование общества государств: баланс сил, международное право, дипломатия, великодержавное управление, война[165]. Как этот конкретный перечень, так и общий подход Х. Булла – в частности, отсутствие у него четких критериев идентификации институтов – в дальнейшем подверглись разнообразной критике со стороны других авторов. Вместе с тем, прежде чем переходить к выявлению и классификации конкретных институтов Вестфаля, необходимо прояснить смысл самого понятия института, а также понятия международного порядка, в контексте настоящего обсуждения.

1.1.2. Понятие международного института

Будет уместно, поскольку он уже был затронут выше, начать с подхода самого Х. Булла, который разграничивал правила (*rules*), предписывающие определенное поведение, и институты, обеспечивающие действенность правил[166]. Непосредственно институт при таком подходе определялся им как «набор привычек и практик, направленных на реализацию общих целей»[167]. Такое разграничение, однако, не стало общепринятым, напротив, многие авторы (причем принадлежащие к самым разным теоретическим направлениям) как раз включают «правила» в определение понятия института. Так, конструктивист (испытавший также влияние «английской школы») Кристиан Ройс-Смит понимает институты как «устойчивые наборы норм, правил и принципов»[168]; для реалиста Джона Миршаймера «международные институты <…>, по сути, являются правилами, которые великие державы разрабатывают и которым они соглашаются следовать»[169], а согласно неоинституционалистам Джеймсу Марчу и Йохану Олсену институт можно

[165] Ibid. – P. 71.
[166] Ibid. – P. 63.
[167] Ibid. – P. 71.
[168] Reus-Smit C. The Moral Purpose of the State: Culture, Social Identity, and Institutional Rationality in International Relations / C. Reus-Smit. – Princeton: Princeton University Press, 1999. – P. 12.
[169] Mearsheimer J.J. Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order / J.J. Mearsheimer // International Security. – 2019. – Vol. 43, no. 4. – P. 9.

рассматривать как «относительно устойчивую совокупность практик и правил, определяющих надлежащее поведение для определенных групп акторов в определенных ситуациях»[170].

Все эти определения находятся в русле условно «широкого» подхода к пониманию институтов, сложившегося в социологии и институциональной экономике в последней четверти XX века. Одним из самых известных примеров такого подхода является определение Дугласа Норта: «Институты — это “правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми»[171]. В такой трактовке «институт» выступает как общий, зонтичный термин, включающий в себя нормы, принципы, договоренности, установления и прочие социальные конвенции, как формальные, так и неформальные. В настоящей работе мы также придерживаемся этого широкого подхода и, отталкиваясь от приведенного определения Д. Норта, предлагаем понимать *международные институты как правила, предписывающие и производящие организованные формы отношений между акторами мировой политики.*

Прояснить смысл такого подхода к «институтам» можно, если, вслед за Робертом Коксом, поместить их в единую треугольную схему вместе с «идеями» и «материальными условиями»[172]. На ту же конфигурацию элементов, по сути, указывают Дж. Марч и Й. Олсен, утверждая, что институты, во-первых, встроены в объясняющие и легитимирующие их «структуры смысла и схемы интерпретации», а во-вторых, укоренены в распределении ресурсов, которое делает возможным надлежащее усвоение и исполнение индивидами предписанных правил[173]. Для целей всего дальнейшего исследования сейчас особенно важно: а) уточнить разграничение

---

[170] March J.G. The Institutional Dynamics of International Political Orders / J.G. March, J.P. Olsen // International Organization. – 1998. – Vol. 52, no. 4. – P. 948.
[171] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики \ Д. Норт; пер. с англ. — М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. – С. 17.
[172] Cox R.W. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory / R.W. Cox // Millennium: Journal of International Studies. – 1981. – Vol. 10, no. 2. – P. 135-136.
[173] March J.G. The Institutional Dynamics of International Political Orders… – P. 948.

между институтами и идеями; б) продемонстрировать отличие во взаимосвязи между институтами и идеями, с одной стороны, и институтами и материальными условиями, с другой.

В определенном смысле, любой институт – это тоже идея[174], он существует постольку, поскольку люди об этом условились, и существует, во многом, в их сознании. Однако институт – это, во-первых, не любая идея, но идея об определенной форме отношений между людьми, а во-вторых, не только и не просто идея, а идея в сочетании с её воплощением в социальной практике (во взаимодействии между людьми, или, в случае международных институтов, между акторами мировой политики). Проиллюстрируем на примерах: «Бог», «теория эволюции» или «свобода» – это идеи, тогда как церковь, университет или парламент (при условии практического воплощения) – институты[175]. Институты онтологически интерсубъективны, идеи онтологически субъективны – от количества людей, разделяющих идею, зависит степень её влияния на общество, но не сам факт её существования.

Вместе с тем, институты никогда не существуют сами по себе, но в сущностной взаимосвязи с идеями: картинами мира и ценностными представлениями. Эта взаимосвязь убедительно обосновывается, в частности, в институциональной теории Мэри Дуглас: «Закрепление идеи – социальный процесс. <…> И наоборот, закрепление института является по сути интеллектуальным процессом…»[176]. Институты не могут существовать без легитимирующих их идей, поскольку сама по себе «социальная конвенция слишком прозрачна. Нужен натурализующий принцип, наделяющий [её] легитимностью…»[177]. Кроме того, далее работает механизм положительной обратной связи: «Институты систематически направляют индивидуальную

[174] Steinberger P.J. The Idea of the State / P.J. Steinberger. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 13-24.
[175] С этой точки зрения полезным также представляется предложенное Калеви Холсти понимание институтов как единства трёх составляющих: практик, идей и нормативных предписаний. См.: Holsti K.J. Taming the Sovereigns: Institutional Change in International Politics / K.J. Holsti. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 21-22.
[176] Дуглас М. Как мыслят институты / М. Дуглас; пер. с англ. – М.: Элементарные формы, 2020. – С. 113.
[177] Там же. – С. 123.

память и заключают наше восприятие в формы, совместимые с санкционируемыми ими отношениями»[178]. Таким образом, не только институты невозможны без идейной легитимации, но и широко распространенные в обществе идеи также не могут существовать без институтов, поскольку институты содействуют воспроизводству тех идей и представлений, которые их легитимируют, и забвению тех, которые им противоречат.

Взаимосвязь между институтами и материальными условиями также существует: любые отношения между людьми протекают не в вакууме, а в каком-то природном и технологическом контексте, причем устойчивые институты должны, как правило, своему материальному контексту соответствовать. Но всё же это соответствие не носит столь же сущностного и необходимого характера, как взаимосвязь между институтами и идеями. Адаптировать социальную жизнь к природным и технологическим условиям можно разными способами, и конкретное возникающее соответствие зависит не только от «объективных» свойств материальной реальности, но и от её культурного осмысления[179].

1.1.3. Понятие международного порядка

Отталкиваясь от приведенного выше определения международных институтов и отмеченной сущностной взаимосвязи между институтами и идеями, мы теперь можем предложить определение *международного порядка как относительно устойчивой совокупности международных институтов и связанных с институтами идей*[180]. Таким образом, у всякого международного

---

[178] Там же. – С. 180-181.

[179] Так, в сходных ирригационных контекстах на Филиппинах и Шри-Ланке сформировались, под влиянием социокультурных факторов, разные институты управления водопользованием. См.: Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности / Э. Остром; пер. с англ. – М.; Челябинск: ИРИСЭН, 2025. – С. 164-174,296-314.

[180] Сразу необходимо отметить, что ***прилагательное «международный»*** (как следовало уже из предложенного определения международных институтов) ***используется здесь в расширительном значении для обозначения отношений не только между государствами, но между любыми акторами мировой политики.*** С этой точки зрения, возможно, несколько более предпочтительным было бы понятие «мировой порядок», однако мы предпочли сохранить созвучие с понятием «международных институтов». Отсюда также следует, что ***в настоящем исследовании не проводится различия между понятиями «мировой порядок» и «международный порядок».*** Поэтому при пересказе позиций исследователей, которые пользуются

порядка можно выделить два измерения: институциональное и идейное. Подобное понимание международного порядка оказывается крайне сходно с подходом Эндрю Филлипса, который определяет международный порядок как «совокупность учредительных норм и фундаментальных институтов, посредством которых обеспечивается сотрудничество и ограничиваются конфликты между различными политическими сообществами»[181]. Важно отметить, что под «учредительными нормами» здесь понимаются ценности и идеологические представления[182] – то есть, идеи. Э. Филлипс также указывает, что составляющие порядок идеи и институты «покоятся на материальных основаниях, выступающих способствующим условием возможности порядка (*permissive order-enabling material foundation*)»[183], однако не включает материальные основания непосредственно в определение порядка – что вновь хорошо согласуется с изложенным нами выше пониманием соотношения между институтами, идеями и материальными условиями.

Предложенное нами определение расходится с достаточно распространенным в российской науке о международных отношениях пониманием международного/мирового порядка преимущественно в категориях полярности и отношений между центрами силы. Такой подход выражен, в частности, в работах Н.А. Симонии и А.В. Торкунова[184],

термином «мировой порядок» (вкладывая в него аналогичное содержание), обычно сохранена их авторская терминология. Те целенаправленные разграничения, которые проводили между понятиями «мировой порядок» и «международный порядок» отдельные исследователи, например, Х. Булл или Г. Киссинджер, для целей настоящего исследования интереса не представляют. См.: Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics… – P. 8,19; Киссинджер Г. Мировой порядок / Г. Киссинджер; пер. с англ. – М.: АСТ, 2018. – С. 17.

[181] Phillips A. War, Religion and Empire: The Transformation of International Orders / A. Phillips. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – P. 5.

[182] Ibid. – P. 7-8.

[183] Ibid. – P. 23-24.

[184] Симония Н.А. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности / Н.А. Симония, А.В. Торкунов // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 3. – С. 27-37.

Т.А. Шаклеиной[185], В.Г. Барановского[186], а параллели ему (и, возможно, его частичные истоки) можно обнаружить у основателя структурного реализма Кеннета Уолтца, согласно которому изменения в распределении силового потенциала между государствами являются единственным значимым параметром изменений международной системы в целом[187]. Стоит, вместе с тем, сразу отметить, что у К. Уолтца речь идет о международной *системе* (причем в его специфической трактовке[188]), а не о международном *порядке*.

Наше основное возражение против такой трактовки международного порядка заключается в том, что определение количества и относительной мощи великих держав само по себе ещё ничего не говорит о содержании отношений между ними – собственно о том, как эти отношения *упорядочены*. Неслучайно даже в упомянутых выше работах, несмотря на заявленный акцент на проблематике полярности/центричности, авторы оказываются вынуждены периодически расширять фокус анализа. Так, Т.А. Шаклеина находит важным отметить отсутствие в мире «универсальност[и] ценностей»[189], рассматривает «позиции ведущих держав по вопросам соблюдения или защиты национального суверенитета и целостности государств»[190], упоминает некие «новые структуры и нормы»[191]. В.Г. Барановский анализирует «институциональный компонент» международной жизни[192]. Дело в том, что распределение силового потенциала между основными акторами, несомненно,

---

[185] «Можно констатировать, что после окончания эпохи биполярного порядка фигурировали две основные концепции нового мирового порядка: американо-европейская — однополярного (моноцентричного или американоцентричного) и российско-китайская — многополярного (полицентричного) порядка» (Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике / Т.А. Шаклеина. – 2-ое изд., испр, и доп. – М.: Аспект Пресс, 2017. – С. 33-34). См. также: Шаклеина Т.А. Какая Америка нужна миру? / Т.А.Шаклеина // Международные процессы. — 2018 — Т. 16, №1. — С. 40-52.

[186] «Если мы обозначили разные контуры мирового порядка через наличие одного, двух или трех главных центров силы (влияния), то в этой логике отчетливо просматривается общий вектор – в направлении многополярности» (Барановский В.Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? / В.Г. Барановский // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, №5. – С. 13).

[187] Waltz K.N. The Theory of International Politics / K.N. Waltz. –Reading, MA: Addison-Wesley, 1979. – P. 97-101.

[188] О специфике структурного реализма К. Уолтца и критике его подхода с позиций теории сложных систем см. недавнюю книгу Джека Доннелли: Donnelly J. Systems, Relations, and the Structures of International Societies / J. Donnelly. – Cambridge: Cambridge University Press, 2023. – P. 81-174.

[189] Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике… – С. 29.

[190] Там же.

[191] Там же. – С. 34.

[192] Барановский В.Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация… – С. 13-14.

выступает важным материальным условием существования международного порядка и оказывает влияние на его сохранение и/или трансформацию. Однако никакое распределение сил само по себе не порождает порядок, поэтому представляется более аналитически продуктивным рассматривать различные конфигурации полярности именно как внешний фактор международного порядка, а не как его содержание.

По той же причине данное исследование не опирается на известное определение международного порядка, предложенное А.Д. Богатуровым: «Под “порядком” в дальнейшем изложении будет пониматься система межгосударственных отношений, регулируемых совокупностью принципов внешнеполитического поведения [1]; согласованных на их основе конкретных установлений [2]; набора признаваемых моральными и допустимыми санкций за их нарушения [3]; потенциала уполномоченных стран или институтов эти санкции осуществить [4]; политической воли стран-участниц этим потенциалом воспользоваться [5]»[193]. Хотя первые три составляющих определения (принципы, установления, санкции) относятся к институтам, силовой потенциал акторов (четвертая составляющая) здесь вновь включён непосредственно в содержание порядка, а не рассматривается как внешнее условие его поддержания/изменения[194]. Кроме того, как видно из определения, А.Д. Богатуров никаким образом не учитывает идейное измерение порядка.

Аналогичный недостаток – исключение из определения международного порядка его идейного измерения – присущ некоторым

---

[193] Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995) / А.Д. Богатуров. – М.: Конверт – МОНФ, 1997. – С. 40.

[194] Сходного по смыслу подхода, определяющего международный порядок через сочетание институционального и центросилового измерений, придерживаются, к примеру, Г. Киссинджер и А.В. Фененко. Согласно Киссинджеру, порядок «базируется на двух компонентах: совокупности общепринятых правил, определяющих пределы допустимых действий, и на балансе сил, необходимом для сдерживания в условиях нарушения правил, что не позволяет одной политической единице подчинить себе все прочие» (Киссинджер Г. Мировой порядок / Г. Киссинджер; пер. с англ. – М.: АСТ, 2018. – С. 17). А.В. Фененко, хотя и непосредственно определяет порядок «как совокупность правил и норм, определяющих характер взаимодействия участников системы международных отношений», в ходе дальнейшего обсуждения выделяет в структуре мирового порядка, наряду с нормативно-ценностным, также и иерархический компонент, понимаемый как «соотношение сил между государствами» (Фененко А.В. Мировой порядок как теоретико-методологическая категория / А.В. Фененко // Международные процессы. – 2023. – Т. 21, № 1. – С. 21-24).

подходам, которые концентрируются только на институциональном измерении. Свежим примером здесь может служить статья Айше Заракол, где мировой порядок определяется как «созданные людьми правила, договоренности и институты, которые регулируют (и упорядочивают) отношения между акторами мировой политики»[195]. Похожие определения можно найти у Джона Айкенберри[196] и Джона Миршаймера[197]. Следует, впрочем, признать, что с содержательной точки зрения в работах той же А. Заракол идейные аспекты международного порядка затрагиваются[198]. Таким образом, в случае данной группы подходов расхождение в формальном определении не обязательно означает общую нерелевантность для целей нашего исследования.

Наконец, необходимо прокомментировать и специфическое определение Х. Булла, который понимал под международным порядком «паттерн деятельности, который обеспечивает достижение элементарных или первичных целей общества государств»[199]. Вторая часть этого определения вполне могла бы трактоваться нами как отсылающая к легитимации и, следовательно, к идейному измерению, но главный интерес представляет не она, а начало формулировки. Х. Булл целенаправленно определял порядок сам по себе именно через «паттерн деятельности», поскольку считал правила/институты не содержанием порядка, но наиболее распространенным способом его создания и поддержания[200]. С его точки зрения, гипотетически социальный порядок может поддерживаться и без помощи правил, например, посредством обусловленных рефлекторных действий или, в случае малых

---

[195] Zarakol A. Rethinking International Order / A. Zarakol // Ethics & International Affairs. – 2024. – Vol. 38, no. 2. – P. 204-205.

[196] «Международный порядок проявляется в установленных правилах и договоренностях между государствами, которые определят и направляют их взаимодействие». См.: Ikenberry G.J. Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order / G.J. Ikenberry. – Princeton: Princeton University Press, 2011. – P. 12.

[197] «Порядок – это организованная совокупность международных институтов, которая помогает регулировать отношения между государствами-членами» См.: Mearsheimer J.J. Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order / J.J. Mearsheimer // International Security. – 2019. – Vol. 43, no. 4. – P. 9.

[198] См., например: Zarakol A. Before the West: The Rise and Fall of Eastern World Orders / A. Zarakol. – Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – 313 p.

[199] Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics… – P. 8.

[200] Ibid. – P. 52.

групп, посредством конкретных приказов лидера группы[201]. Второй пример, однако, при внимательном рассмотрении обнаруживает в себе институт лидерства и связанное с ним правило подчинения указаниям лидера. Тогда как аргумент о возможности рефлекторного поддержания социального порядка игнорирует сознательность (рефлексивность/разумность) как ключевой и неотъемлемый элемент природы человека[202]. Даже если какой-то паттерн социальных отношений и возникает спонтанно, далее он либо столь же спонтанно исчезает, либо осознается и закрепляется в качестве института[203]. Поэтому в случае *социального* порядка (в отличие от порядка в природе, который действительно может возникать спонтанно[204]) вполне обоснованно рассматривать институты не как механизм поддержания порядка, но как его непосредственное содержание.

***

Итак, мы определили международный порядок как относительно устойчивую совокупность международных институтов и связанных с институтами идей, а международные институты – как правила, предписывающие и производящие организованные формы отношений между акторами мировой политики. При таком подходе *Вестфальская политическая система мира может быть рассмотрена как пример международного порядка*, поскольку, как было показано в начале главы, под политической системой мира в литературе понимаются основополагающие принципы взаимодействия акторов мировой политики[205].

---

[201] Ibid.

[202] См. раздел «5.3. Reason as the unique structural property» в: Roughley N. Human Nature / N. Roughley // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – 15.03.2021. – URL: https://plato.stanford.edu/entries/human-nature/ (дата обращения 20.09.2025).

[203] Дуглас М. Как мыслят институты / М. Дуглас; пер. с англ. – М.: Элементарные формы, 2020. – С. 113-125.

[204] Prigogine I. Order Out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature / I. Prigogine, I. Stengers. – New York: Bantam Books, 1984. – 350 p.

[205] Рассмотрение Вестфаля как международного порядка не является новшеством. Например, в 2000 году тематический выпуск журнала Ассоциации международных исследований *International Studies Review* был посвящен теме «Преемственность и изменения в Вестфальском порядке» (Continuity and Change in the Westphalian Order (Special Issue) / Ed. by J. Caporaso // International Studies Review. – 2000. – Vol. 2, no. 2. – P. 1-210). Поиск в базе *Google Scholar* всего обнаруживает около 5900 публикаций, использующий термин “Westphalian order” (по состоянию на 20.07.2025).

1.2. Вестфальская политическая система мира: институциональное и идейное измерение

Обоснованное в предыдущем параграфе подведение Вестфальской политической системы мира под категорию международного порядка было осуществлено главным образом для того, чтобы для рассмотрения её институционального и идейного (а в рамках последнего, конкретнее, темпорального) измерений иметь возможность привлечь, без дополнительных оговорок и уточнений в каждом отдельном случае, широкий спектр существующих исследований об институциональной структуре международных порядков и лежащих в их основе картинах мира.

1.2.1. Институциональное измерение Вестфаля

1.2.1.1. Территориальный суверенитет

В основе Вестфальской политической системы мира лежат два взаимосвязанных, но аналитически отделимых друг от друга института: суверенитет и территориальность[206]. Суверенитет означает наличие высшей, никому и ничему более неподотчетной власти, обладающей монополией на легитимное управление, а территориальность указывает на то, что эта власть осуществляется в определенных, территориально очерченных пределах. В совокупности суверенитет и территориальность составляют отличительные сущностные характеристики государства, и тем самым выполняют конституирующую функцию: учреждают государство как особый тип политической организации[207]. Отдельные авторы даже рассматривают централизацию верховной власти и её территориальную ограниченность как разные аспекты единого института суверенитета[208]. В общем концептуальном плане, это, вероятно, не вполне обосновано (так, власть Папы Римского в рамках Католической церкви верховная и неограниченная, но не

[206] Holsti K.J. Taming the Sovereigns: Institutional Change in International Politics / K.J. Holsti. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 24-26.
[207] Лахман Р. Государства и власть / Р. Лахман; пер. с англ. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2021. – С. 20-23.
[208] Zarakol A. Before the West: The Rise and Fall of Eastern World Orders / A. Zarakol. – Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – P. 12.

территориальная), однако в случае государства модерна верховенство власти и территориальность действительно настолько тесно переплетаются, что в дальнейшем мы преимущественно будем их рассматривать как единый институт суверенитета. Логику этого переплетения наглядно раскрывает С.И. Каспэ: «…чтобы стать монопольным распорядителем чего бы то ни было, необходимо исключить любые посягательства со стороны онтологически равных конкурентов (правда, признав и за ними такое же право на замыкание их собственных пространств)»[209]. Отсюда следует, что, помимо конститутивной, территориальный суверенитет имеет также и регулятивную функцию: определяет для учреждаемых им государств правило признания друг друга равными в своем суверенном статусе. Иначе говоря, суверенитет и территориальность конституируют не просто государство в единственном числе, но общество государств[210] – то есть, собственно, Вестфальскую политическую систему мира.

Когда она формируется? В буквальном прочтении прилагательное «Вестфальская» указывает на 1648 год и заключенный тогда «Вестфальский» мир, окончивший Тридцатилетнюю войну. Вместе с тем, с начала нынешнего столетия появилось сразу несколько работ, оспаривающих значение 1648 года и в целом XVII века как рубежного момента в эволюции мировой политики. Датировка складывания общества государств, основанного на институтах суверенитета и территориальности, в этих работах сдвигается на конец XVIII – начало XIX века[211].

Представляется, однако, что этот ревизионистский подход частично смешивает два явления: а) возникновение территориальных суверенных

---

[209] Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма / С.И. Каспэ. – М.: Московская школа политических исследований, 2007. – С. 133.

[210] На это же указывает, в частности, Мишель Фуко: «Государство существует только как государства, во множественном числе». См.: Фуко М. Рождение биополитики: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году/ М. Фуко; пер. с фр. – СПб.: Наука, 2010. – С. 17.

[211] Куприянов А.В. «Вестфальский миф»: история и критика / А.В. Куприянов // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2019. – № 3. – С. 37-50; Куприянов А.В. «Вестфальский миф» и «вестфальский» суверенитет / А.В. Куприянов // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2019. – № 4. – С. 11-23; Osiander A. Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth / A. Osiander // International Organization. – 2001. – Vol. 55, no. 2. – P. 251–287; Teschke B. The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations / B. Teschke. – London, NY: Verso Books, 2003. – 312 p.

государств и б) трансформацию этих государств из династически-абсолютистских в национальные (*nation-states*). Эпоха национализма и национальных государств действительно наступает только в XIX веке, тогда как формирование в Европе территориального государства и его становление доминирующей политической формой в конкуренции с альтернативными проектами в целом завершаются уже ко второй половине XVII века[212].

Средневековая Европа представляла собой сложную гетерархическую систему переплетающихся юрисдикций, во главе которой находились Папа Римский и император Священной Римской Империи. В рамках феодальных структур власть принципиально заключалась в отношениях личной зависимости и не носила сущностно территориального характера; и папство, и империя стремились к универсальному господству над всей *Respublica Cristiana*, но не обязательно прямому – в их картину мира вполне вписывалось существование промежуточных уровней власти в виде, к примеру, королевств и герцогств[213]. На волне экономического динамизма позднего средневековья также складываются такие формы политической организации как города-государства и городская лига (Ганза). Тогда же – в позднее средневековье – начинаются и те процессы территориальной централизации власти, которые впоследствии завершатся формированием суверенных государств[214].

Согласно Майклу Манну, последней серьезной феодальной альтернативой территориальной централизации было герцогство Бургундия, конец которого наступает в 1477 году с гибелью герцога Карла Смелого, не оставившего наследников мужского пола[215]. Аугсбургский мир 1555 года и раздел владений Габсбургов Карлом V между двумя сыновьями в 1556 году

---

[212] Обоснование такой двухэтапной схемы эволюции модерного общества государств см., например, в: Cederman L.-E. Testing Clausewitz: Nationalism, Mass Mobilization, and the Severity of War / L.-E. Cederman, T.C. Warren, D. Sornette // International Organization. – 2011. – Vol. 65, no. 4. – P. 607-615.

[213] Phillips A. War, Religion and Empire: The Transformation of International Orders / A. Phillips. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – P. 64-70; Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма… – С. 87-119.

[214] Spruyt H. The Sovereign State and Its Competitors: An Analysis of Systems Change / H. Spruyt. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – P. 59-150.

[215] Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т.1. История власти от истоков до 1760 года / М. Манн; пер. с англ. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2020. – С. 616-620.

знаменовали неудачу последней относительно реалистичной попытки имперской консолидации Европы[216]. Возможности Римской церкви по реализации своих универсалистских амбиций окончательно подрывает Реформация[217]; экстенсивная власть (т.е., широкомасштабное влияние на социальный порядок за рамками собственно духовной сферы) христианства на протяжении XVI-XVII веков в целом сокращается, в том числе на международном уровне[218]: в 1577 году Папа Григорий XIII не смог созвать новый крестовый поход против Османской империи и больше таких попыток Святой Престол не предпринимал[219], в Тридцатилетней войне католическая Франция участвовала на стороне протестантов, а в 1652-1674 годах трижды воевали между собой протестантские Англия и Нидерланды (что демонстрировало слабость транснациональных религиозных идентичностей по сравнению с соображениями «государственного интереса») [220]. Ганзейская лига окончательно распалась в конце 1660-х[221], а среди итальянских городов-государств только Венеция, перенявшая многие элементы устройства территориального суверенного государства, осталась значимым европейским актором после XVI века[222].

Таким образом, все основные конкуренты государства сходят с арены к середине XVII века. Примерно на тот же хронологический рубеж указывают и изменения в семантике и концептуальном языке политической мысли. «Переход к Новому времени – как отмечает С.И. Каспэ, – состоял прежде всего в смене интенции»[223]: с построения универсального христианского порядка во главе с Церковью и/или империей на построение множества «самодостаточных локальных порядков»[224]. Эта смена интенции наглядно проявляется, во-первых, в том, что к концу XVI века «понятие государства

[216] Phillips A. War, Religion and Empire: The Transformation of International Orders… – P. 93-106.
[217] Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры… – С. 139-150.
[218] Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т.1. История власти от истоков до 1760 года… – С. 649-660
[219] Phillips A. War, Religion and Empire: The Transformation of International Orders… – P. 59.
[220] Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т.1. История власти от истоков до 1760 года… – С. 657.
[221] Spruyt H. The Sovereign State and Its Competitors: An Analysis of Systems Change… – P. 154,171-172.
[222] Ibid. – P. 173-178.
[223] Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры… – С. 150-151.
[224] Там же. – С. 151.

приобретает узнаваемые нововременные черты»[225], среди которых как раз идеи суверенитета и территориального разграничения независимых суверенных политий[226], а во-вторых, в широком распространении в ходе XVII века концепции «государственного интереса» (фр. *raison d'etat* / лат. *ratio status*), который становился предельным обоснованием политического действия[227].

Таким образом, мы всё же можем, вопреки ревизионистскому подходу, датировать становление общества государств XVII веком. Значение конкретно Вестфальского мира действительно было преувеличено в традиционном нарративе, хотя полностью отрицать его также не стоит[228]. Итак, если помнить, что речь идёт не о моментальном изменении, но о происходящей в раннее Новое время постепенной трансформации, в процессе которой мирные соглашения 1648 года были одним из важных этапов, то нет большого исторического преступления в наименовании общества государств, основанного на принципах суверенитета и территориальности, «Вестфальской политической системой мира».

Настоящее исследование также исходит из предпосылки, что Вестфальская политическая система мира является не исключительно историческим, а актуальным феноменом и продолжает сегодня оставаться ядром политической организации мира. Несомненно, в последней трети XX – начале XXI века экономическая глобализация, рост числа и влияния транснациональных акторов и международных организаций в определенный момент поставили центральность государства под вопрос. Однако даже в сферах, где выстраивание сложных многоуровневых механизмов управления с участием негосударственных акторов зашло наиболее далеко, государства

---

[225] Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса / К. Скиннер; пер. с англ. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2018. – С. 8.
[226] Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 2: Эпоха Реформации / К. Скиннер; пер. с англ. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2018. – С. 519-524.
[227] Фуко М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977—1978 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. – СПб.: Наука, 2011. – С. 313-337.
[228] Нефёдов Б.И. Критика значения Вестфальского мира / Б.И. Нефёдов // Международные процессы. – 2022. – Т. 20, №3. – С. 6-27; Phillips A. The Peace of Westphalia / A. Phillips // The Oxford Handbook of History and International Relations / Ed. by M. Bukovansky et al. – Oxford: Oxford University Press, 2023. – P. 544-559.

всё равно сохранили роль «первого среди равных»[229]. Что ещё более принципиально, государства, даже соглашаясь на сокращение своего непосредственного *контроля* над общественной жизнью, ревностно охраняли свою *монополию на легитимность*[230] – иначе говоря, на то, чтобы быть конечной и не-обходимой точкой авторизации принимаемых решений и регулирования процессов управления с участием прочих акторов[231].

Тенденции же последних десяти лет продолжают развеивать сомнения в том, что «если Вестфаль и болен, то больной “скорее жив, чем мертв”[232]. О государствоцентричности современной политической системы мира свидетельствуют, в частности: ключевая роль государства в реагировании на пандемию COVID-19[233]; кризис экономической глобализации на фоне обострения «соперничества великих держав»[234]; сохраняющая важность границ[235], наглядно проявляющаяся, к примеру, в сопротивлении сколь-нибудь содержательным инициативам по международному регулированию миграции[236], а также в тенденции к «территориализации» (дроблению виртуальными «границами» на национальные сегменты), вследствие

---

[229] Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее, будущее / Б. Джессоп; пер. с англ. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2019. – С. 347. См. также: Харкевич М.В. Специфика государства как актора современной мировой политики: специальность 23.00.04: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / М.В. Харкевич; [Место защиты: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России]. – Москва, 2010. – С. 19.

[230] Лахман Р. Государства и власть… – С. 20-22,327-328.

[231] Вот как это описывает Боб Джессоп: «…государственные власти обеспечивают основные правила для управления и регулятивный порядок, посредством которого партнеры по управлению могут достигать своих целей. Они гарантируют совместимость или связность различных механизмов и режимов управления. <…> И они также принимают политическую ответственность как адресаты в последней инстанции в случае фиаско управления в сферах, выходящих за пределы государства». См.: Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее, будущее… – С. 326-327.

[232] Фельдман Д.М. Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв… – С. 113.

[233] Каспэ С.И. Жизнь, смерть и государство / С.И. Каспэ // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20. № 1. – С. 13-25; Силаев Н.Ю., Проценко Н.П. Снова модерн? COVID-19 возвращает государству его изначальную природу / Н.Ю. Силаев, Н.П. Проценко // Международная аналитика. – 2020. – Т. 11, № 1. – С. 11-26.

[234] Данилин И.В. Американо-китайская технологическая война через призму технонационализма / И.В. Данилин // Пути к миру и безопасности. – 2021. – № 1. – С. 29-43; Johannessen J.-A. Deglobalization: China-US Rivalry in the Innovation Economy / J.-A. Johannessen. – London; New York: Routledge, 2023. – 200 p.

[235] Simmons B.A. Built on Borders: Tensions with the Institution Liberalism (Thought It) Left Behind / B.A. Simmons, H.E. Goemans // International Organization. – 2021. – Vol. 75, no. 2. – P. 387–410.

[236] Малахов В.С. Глобальное управление в сфере миграции: теория, институты, политика / В.С. Малахов // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 10. – С. 89-96.

целенаправленных усилий ведущих государств, исходно единого глобального цифрового пространства[237].

Известная – и по-своему справедливая – критика Стивена Краснера в адрес основополагающей роли суверенитета, указывающая на «лицемерный» характер данного института, который в действительности якобы скрывает за собой неизбежное фактическое неравенство государств и частое вмешательство во внутренние дела[238], в данном случае также не затрагивает главного. Главное – это состояние взаимного признания несколькими суверенными инстанциями друг друга в качестве таковых. Именно в этом заключается принципиальная черта Вестфаля, его историческая уникальность. Нагляднее увидеть это позволяет, к примеру, обращение к описываемым В.В. Бартольдом спорам вокруг признания независимости Крымского ханства в 1770-е годы. Такое требование Екатерины II «встретило со стороны турецких уполномоченных упорное противодействие <…> С турецкой стороны доказывали, что такое признание противоречит шариату, что есть только один халиф – турецкий султан – и что только вследствие отдаленности таких мусульманских стран как Бухара, Марокко и Индия, его халифат не простирается на эти страны»[239]. Достичь согласия позволило разделение духовной и светской власти султана – концепция, привнесенная из европейского права участвовавшими в процессе французскими дипломатами[240]. Для самой же суннитской мысли той эпохи идея о возможности сосуществования нескольких высших (каждая на своей территории) властей была принципиально непредставима. Аналогичным образом Айше Заракол описывает ситуацию, сложившуюся в монгольской ойкумене во второй половине XIII века: единая империя после 1260 года распалась на четыре ханства, ни одно из которых не могло на практике

[237] Hulvey R.A. Borders in Cyberspace: Digital Sovereignty Through a Bordering Lens / R.A. Hulvey, B.A. Simmons // International Studies Quarterly. – 2025. – Vol. 69, no. 3. – Article no. sqaf047.
[238] См.: Krasner S.D. Sovereignty: Organized Hypocrisy / S.D. Krasner. – Princeton: Princeton University Press, 1999. – 280 p.
[239] Бартольд В.В. Халиф и султан // Работы по истории ислама и Арабского халифата / В.В. Бартольд. – М.: Восточная литература, 2002. – С. 73-74.
[240] Там же. – с. 75.

подчинить себе другие. Однако взаимное признание ими друг друга как равных (и одновременно верховных) властей было немыслимо: в монгольской картине мира обязан был существовать «Великий хан», имеющий мандат неба на универсальную власть над всем известным миром. Ситуация сосуществования нескольких де-факто независимых ханств подрывала легитимность, в том числе внутреннюю, властей каждого из них[241]. Подобная имперская логика в значительной степени характеризовала международные порядки в Южной и Восточной Азии (Империя Великих Моголов и династия Цин, соответственно) как минимум, с раннего Нового времени до установления европейской колониальной системы[242].

По этой причине Вестфальский порядок выше и был назван исторически уникальным. Историческая норма – имперские, а не межгосударственные порядки. В этом контексте, заметим, оказываются полностью объяснимы результаты исследования Уильяма Уолфорта, Ричарда Литтла и соавторов, показывающие отчетливую гегемонистскую тенденцию в развитии восьми проанализированных ими исторических международных порядков[243]. За пределами Европы Нового времени, судя по всему, просто не было социокультурных систем, в рамках которых мог бы быть легитимирован и натурализован принцип территориального суверенитета. Несколько упрощая, можно, таким образом, рассматривать Вестфальский межгосударственный порядок и имперские порядки как две основных модели политической организации мира[244]. Сходного подхода придерживается, например, Герфрид

---

[241] Zarakol A. Before the West: The Rise and Fall of Eastern World Orders / A. Zarakol. – Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – P. 79-82,85-87.

[242] О Южной Азии см.: Balabanlilar L. Imperial Identity in the Mughal Empire: Memory and Dynastic Politics in Early Modern South and Central Asia / L. Balabanlilar. – New York: I. B. Tauris, 2012. – 256 p.
О Восточной Азии см.: Phillips A. War, Religion and Empire: The Transformation of International Orders… – P. 149-195.

[243] Wohlforth W.C. Testing Balance-of-Power Theory in World History / W.C. Wohlforth, R. Little, S.J. Kaufman [et al.] // European Journal of International Relations. – 2007. – Vol. 13, no. 2. – P. 155-185.

[244] Главной слабостью этого упрощения оказывается, вероятно, выпадение из рассмотрения *города* как особой политической формы (см. об этом: Каспэ С.И. Политическая форма и политическое зло / С.И. Каспэ. – М.: Школа гражданского просвещения, 2016. – С. 23-27). Однако с точки зрения именно международного порядка, города – если только они, как Рим, не основывали империю – никогда не претендовали на создание состоящей только из них политической системы мира. Греческие полисы сосуществовали с Персией, города-государства ренессансной Италии были встроены в гетерархию *Respublica Cristiana*. О принципиальных отличиях древнегреческих и ренессансных «городов-государств» от государств модерна см. также: Osiander A. Before

Мюнклер, утверждающий, что «политические модели всегда сводились к выбору между государством и империей»[245], и описывающий разницу между ними следующим образом: «У империй нет соседей, которых они признавали бы равными, то есть *обладающими равными правами* [курсив в оригинале]; для государств, напротив, это в порядке вещей. <…> государства всегда существуют во множественном числе, а империи – в основном в единственном»[246]. О том же пишет и А.Ф. Филиппов: «Мир империи – *universum*. Мир государств – *pluriversum*»[247].

1.2.1.2. Баланс сил, мультилатерализм, международное право

Если территориальный суверенитет – это основополагающий или «учредительный» институт, конституирующий Вестфальскую политическую систему мира как особый международный порядок и задающий базовые правила взаимодействия между его участниками, то следующими по значимости будут институты, обеспечивающие воспроизводство этого порядка. Можно назвать их «защитными», поскольку их основная функция заключается в том, чтобы сохранять общество государств в тех случаях, когда один из его участников пытается изменить правила игры (например, установить имперский порядок) или когда сразу несколько государств сталкиваются с общим вызовом (допустим, ростом транснационального терроризма). Защитные институты, таким образом, выступают своего рода механизмами отрицательной обратной связи, которые купируют дестабилизирующие тенденции и поддерживают устойчивость Вестфаля.

Х. Булл в качестве такого института, предотвращающего превращение общества государств в универсальную империю, выделял баланс сил[248].

---

the State: Systemic Political Change in the West from the Greeks to the French Revolution / A. Osiander. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – P. 110-139; Spruyt H. The Sovereign State and Its Competitors: An Analysis of Systems Change… – P. 146-149.

[245] Munkler H. Empires: The Logic of World Domination from Ancient Rome to the United States / H. Munkler; trans. from the German. – Cambridge: Polity Press, 2007. – P. ix.

[246] Ibid. – P. 5.

[247] Филиппов А.Ф. Наблюдатель империи: империя как понятие социологии и политическая проблема / А.Ф. Филиппов // Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы. Том 1. – СПб.: Владимир Даль, 2014. – С. 61.

[248] Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics… – P. 102-103.

Понимание баланса сил как института отличается от его понимания как естественной закономерности тем[249], что имеет значение не только объективное распределение сил, но и, во-первых, субъективные представления акторов о распределении сил, а также их целенаправленные усилия по поддержанию баланса сил, выражающиеся как в противодействии гегемонистским амбициям других государств, так и в определенном самоограничении наращивания собственного потенциала[250].

Институт баланса сил складывается в ходе XVII века[251] и находит своё наглядное выражение, в частности, в Утрехтском мирном договоре 1713 года, в котором «справедливый баланс сил» характеризовался как «лучшее и самое прочное основание взаимной дружбы и продолжительного всеобщего согласия»[252]. Согласно Буллу, баланс сил функционирует на всём протяжении существования модерного общества государств, будучи в последней четверти XX века не менее актуален, чем в конце века семнадцатого[253]. В XXI веке можно увидеть его проявление в политике России, Китая (и, шире, стран БРИКС) по уравновешиванию влияния США (и, шире, «западных» стран)[254].

---

[249] Второе характерно, в частности, для неореализма К. Уолтца: Waltz K.N. The Theory of International Politics / K.N. Waltz. –Reading, MA: Addison-Wesley, 1979. – P. 116-123.

[250] Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics… – P. 99-102.

[251] См., в частности: Butterfield H. The Balance of Power / H. Butterfield // Diplomatic Investigations: Essays in the Theory of International Politic / Ed. by H. Butterfield, M. Wight. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1966. – P. 139–141; Sheehan M. The Balance of Power: History and Theory / M. Sheehan. – London; New York: Routledge, 1996. – P. 30–43.

[252] Wight M. The Balance of Power / M. Wight // Diplomatic Investigations: Essays in the Theory of International Politic / Ed. by H. Butterfield, M. Wight. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1966. – P. 153.

[253] Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics… – P. 107-112.

[254] Нам не удалось обнаружить систематических исследований функционирования баланса сил в современной (XXI века) международной политике именно как института (т.е. осознаваемого и практикуемого правила), а не просто механического паттерна или характеристики состояния системы международных отношений. Придется, поэтому, ограничиться рядом самостоятельно подобранных (и потому неизбежно несколько импрессионистских) примеров. Так, восприятие баланса сил как института наглядно отражено в Концепции внешней политики России 2023 года: «Россия <…> выполняет исторически сложившуюся уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил». См.: Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения 20.09.2025).

А вот, в целях хронологического разнообразия, выступление президента России В.В. Путина в 2005 году: «…Россия должна обладать всеми эффективными инструментами, которые гарантировали бы ее суверенитет, поддерживали баланс сил и стратегическую стабильность в мире». См.: Путин В.В. Выступление на встрече с высшими офицерами по случаю их назначения на вышестоящие должности и присвоения им высших воинских званий / В.В. Путин // Президент России. – 27.07.2005. – URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23102 (дата обращения 20.09.2025).

В документах БРИКС концепция баланса сил выражена менее явно, однако имплицитно также фиксируется: «Мы отмечаем появление новых центров силы, принятия политических решений и экономического роста, что

Вместе с тем, неслучайно Ганс Моргентау называл «золотым веком баланса сил» XVIII век[255], так как именно тогда этот институт в наибольшей мере выступал организующим началом международных отношений[256]. Уже применительно к XIX веку Пол Шредер указывал, что распространенный тогда язык «европейского равновесия» чаще отсылал к «стабильности, миру, верховенству права, взаимному соблюдению прав, предусмотренных договорами», чем к политике конкурентного уравновешивания сил по образцу предшествующего столетия[257]. В первой половине XX века создание Лиги Наций было целенаправленной попыткой отказаться от института баланса сил в пользу института коллективной безопасности, и в основе ООН с формальной точки зрения также лежит скорее концепция коллективной безопасности, пусть на практике она и реализовалась (особенно в эпоху Холодной войны) лишь в очень ограниченной мере[258].

Представляется, что коллективная безопасность может быть рассмотрена как частный случай более общего института – мультилатерализма (многосторонности)[259], который, таким образом, выступает вторым «защитным» институтом Вестфальской политической системы мира. В идеал-типическом смысле мультилатерализм представляет собой альтернативный, даже противоположный балансу сил механизм воспроизводства общества государств, однако на практике эти два института скорее сосуществуют, с разным соотношением их развитости и влиятельности в разные периоды. Можно, несколько упрощая, соотнести период династически-абсолютистских государств с преобладанием баланса сил, а эпоху национализма и

способно заложить основы для более справедливого, демократического и *сбалансированного* многополярного миропорядка [курсив мой. – *Е.У.*]». См.: БРИКС. Казанская декларация: Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности Казань. – Российская Федерация. 23 октября 2024 года. – URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf (дата обращения 20.09.2025).

[255] Morgenthau H.J. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace / H.J. Morgenthau. – New York: Alfred A. Knopf, 1948. – P. 139.

[256] Sheehan M. The Balance of Power: History and Theory… – P. 98-121.

[257] Schroeder P.W. The Nineteenth Century System: Balance of Power or Political Equilibrium? / P.W. Schroeder // Review of International Studies. – 1989. – Vol. 15, no. 2. – P. 137.

[258] Sheehan M. The Balance of Power: History and Theory… – P. 153-162.

[259] См. аналогичную точку зрения у Джона Рагги: Ruggie J.G. Multilateralism: The Anatomy of an Institution / J.G. Ruggie // International Organization. – 1992. – Vol. 46, no. 3. – P. 566,569-570.

национальных государств – с возрастающим значением института мультилатерализма. В рамках подхода «английской школы» можно также соотнести баланс сил и многосторонность с двумя типами общества государств – плюралистическим и солидаристским соответственно – особенно если, вслед за Б. Бузаном рассматривать эти два типа не как взаимоисключающие альтернативы, а как континуум от более конфликтных конфигураций к более кооперативным[260].

Многосторонность, следуя определению Дж. Рагги, это институциональный механизм, обеспечивающий «координацию действий между тремя или более государствами на основе обобщенных (*generalized*) принципов поведения»[261]. С сущностной точки зрения принципиален именно «обобщенный» характер устанавливаемых норм, что означает, во-первых, их недискриминационный характер и формальное равенство всех сторон и, во-вторых, непредсказуемость конкретных ситуаций, в которых от государств потребуется следовать соответствующим нормам[262]. Согласно Рагги, в качестве ранних примеров мультилатерализма можно рассматривать норму определения границ территориального моря в обычном морском праве и принцип экстерриториальности дипломатических представительств, а с XIX века этот институт становился всё более распространённым способом решения как проблем координации, так и проблем сотрудничества[263]. К. Ройс-Смит, считающий мультилатерализм фундаментальным институтом современного международного общества начиная с XIX века, указывает на значение Гаагских конференций 1899 и 1907 годов как момента, когда государства явно выразили свою приверженность многостороннему сотрудничеству[264]. В свою очередь, сегодня институт мультилатерализма лежит в основе ООН и множества механизмов сотрудничества в конкретных областях, будучи

[260] Buzan B. From International to World Society? English School Theory and the Social Structure of Globalisation / B. Buzan. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 139-160.
[261] Ruggie J.G. Multilateralism: The Anatomy of an Institution… – P. 571.
[262] Ibid. – P. 571-574.
[263] Ibid. – P. 575-584.
[264] Reus-Smit C. The Moral Purpose of the State: Culture, Social Identity, and Institutional Rationality in International Relations / C. Reus-Smit. – Princeton: Princeton University Press, 1999. – P. 131-134,140-145.

широко (хотя и не универсально)[265] разделяемым и поддерживаемым самыми разными государствами[266].

Ещё одним важнейшим институтом Вестфаля выступает международное право. Оно символизирует существование общества государств, закрепляя принципы суверенитета, территориальности и, в зависимости от эпохи, баланса сил и/или многостороннего сотрудничества[267]. Именно наличие разделяемого всеми набора обязательных[268] правил поведения наглядно свидетельствует о взаимном признании друг друга суверенными акторами и об образовании ими «общества», а не просто системы сталкивающихся бильярдных шаров. Теоретики «английской школы» поэтому неизменно включали международное право в перечень первичных институтов международного общества[269], а некоторые из них особо подчеркивали его ключевую роль. Так, Калеви Холсти относит международное право, наряду с суверенитетом и территориальностью, к основополагающим институтам (в отличие от дипломатии, войны или торговли, которые попадают у него в категорию институтов процедурных)[270], а Джеймс Майалл характеризует его как «краеугольный институт, от состояния которого зависит существование или распад идеи международного общества»[271]. Аналогичным образом Терри

---

[265] Наглядным примером отхода от многосторонности является внешняя политика США при Дональде Трампе. См: Sakwa R. The International System and Models of Global Order / R. Sakwa // Russia in Global Affairs. – 2019. – Vol. 17, no. 3. – P. 17-18.

[266] Ограничимся примерами из последних деклараций БРИКС и G20: 1) пункт 5: «Имея в виду необходимость лучше адаптировать современную архитектуру международных отношений к новым реалиям, мы подтверждаем свою приверженность многосторонности и соблюдению международного права и Устава Организации Объединенных Наций (ООН)…». См.: БРИКС. Декларация Рио-де-Жанейро: Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления. – Рио-де-Жанейро, Бразилия, 6 июля 2025 года. – URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf (дата обращения 20.09.2025); 2) пункт 62: «Вызовы, с которыми международное сообщество сегодня столкнулось, могут быть преодолены только посредством многосторонних решений во имя лучшего будущего и укрепления системы глобального управления как для нынешнего, так и последующих поколений». См.: G20. Рио-де-Жанейрская декларация лидеров «Группы двадцати» // Президент России. – 19.11.2024. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/75600 (дата обращения 20.09.2025)

[267] Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics… – P. 134-135; Reus-Smit C. The Moral Purpose of the State… – P. 131-134.

[268] В смысле признаваемых таковыми, но не всегда действительно исполняемых.

[269] См.: Buzan B. From International to World Society? English School Theory… – P. 174.

[270] Holsti K.J. Taming the Sovereigns: Institutional Change in International Politics / K.J. Holsti. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 26-27,144-146.

[271] Mayall J. World Politics: Progress and its Limits / J. Mayall. – Cambridge: Polity Press, 2000. – P. 94.

Нардин отмечает, что «международное право не просто регулирует международное общество, но учреждает его»[272]. Институт международного права в своей эволюции проходит два этапа: 1) период преобладания естественного международного права (XVI – сер. XVIII века), в наибольшей степени ассоциируемый с именем Гуго Гроция, когда правовые обязательства государств друг перед другом мыслились как вытекающие из самой по себе разумной природы вещей; 2) период преобладания позитивного международного права (XIX в. – н.в.), когда основным источником права начала считаться коллективное волеизъявление самих суверенных государств[273].

***

Выделенные выше четыре института, безусловно, не исчерпывают институционального измерения модерного общества государств: как минимум, оно включает в себя также дипломатию, войну, торговлю, великодержавное управление[274]. Однако эти остальные институты являются в большей степени «вспомогательными», в том смысле, что они обеспечивают повседневное функционирование общества государств, содействуя реализации правил взаимодействия, предполагаемых институтами основополагающими. Война, как отмечал Х. Булл, может быть необходимой для поддержания баланса сил[275]. Успех как многосторонности, так и баланса сил часто зависит от конструктивной вовлеченности великих держав[276].

---

[272] Nardin T. Legal Positivism as a Theory of International Society / T. Nardin // International Society: Diverse Ethical Perspectives / Ed. by D.R. Mapel, T. Nardin. – Princeton: Princeton University Press, 1998. – P. 20.

[273] Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics… – P. 28-32; Reus-Smit C. The Moral Purpose of the State… – P. 7-9.

Датировки перехода от доминирования естественного права к позитивному у Булла и Ройс-Смита несколько отличаются: у Булла позитивное международное право становится основным уже в XVIII веке, тогда как у Ройс-Смита – только в XIX веке. Такое расхождение можно объяснить переходным характером международного права второй половины XVIII – начала XIX века. О постепенных процессах трансформации естественного международного права раннего Нового времени в право позитивное см. также: Koskenniemi M. To the Uttermost Parts of the Earth: Legal Imagination and International Power, 1300-1870 / M. Koskenniemi. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2021. – 1125 p.

[274] Эти институты выделяются большинством теоретиков «английской школы» и близких к ней подходов. См. обобщения у Б. Бузана и Л. Шуенборга: Buzan B. From International to World Society? English School Theory… – P. 174; Schouenborg L. The English School and Institutions / L. Schouenborg // Guide to the English School in International Studies / Ed. by C. Navari, D.M. Green. – Chichester: Wiley Blackwell, 2013. – P. 80-83.

[275] Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics… – P. 182-183.

[276] Ibid. – P. 201; Ruggie J.G. Multilateralism: The Anatomy of an Institution… – P. 584-593.

Механизм постоянного дипломатического представительства в целом обеспечивает возможность коммуникации между членами общества государств[277]. По причине подобной функциональной иерархии *представляется достаточным (и, учитывая ограничения формата кандидатской диссертации, в чём-то необходимым) в дальнейшем сконцентрироваться на темпоральности четырёх наиболее важных институтов Вестфальского порядка: суверенитета (понимаемого территориально), баланса сил, мультилатерализма, международного права*.

1.2.2. Идейное измерение Вестфаля

Наиболее проработанную модель идейного измерения международных порядков, на которую в значительной степени опирается настоящее исследование, предлагает Бентли Аллан, который, в свою очередь, развивал исследования К. Ройс-Смита. Если Ройс-Смит изучал, как культурные различия в нормативных представлениях о должных целях политической власти («моральном предназначении государства», в его терминологии) определяют различия в основополагающих институтах международных порядков[278], то Б. Аллан дополнил эту схему космологическими представлениями, аргументируя, что «убеждения, нормы, цели и ценности черпают свое значение и привлекательность из идей об онтологии, эпистеме и других космологических элементах»[279]. Такой подход согласуется с выводами культурных антропологов, что «люди создают и модифицируют институты в соответствии с выработанными в их обществах системами ценностей», которые, в свою очередь, коренятся «в космологии членов данного социума – представлениях об устройстве мироздания, месте и предназначении, смысле существования в нем их самих, их общества и его институтов»[280]. Таким

[277] Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics… – P. 163-164.
[278] Reus-Smit C. The Moral Purpose of the State: Culture, Social Identity, and Institutional Rationality in International Relations / C. Reus-Smit. – Princeton: Princeton University Press, 1999. – 208 p.
[279] Allan B.B. Scientific Cosmology and International Orders / B.B. Allan. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – P. 33.
[280] Бондаренко Д.М. Принципы и формы организации обществ как систем институтов («концептуальная рамка» этой книги) / Д.М. Бондаренко // Принципы и формы социокультурной организации: исторические

образом, идейное измерение международных порядков рассматривается нами как состоящее из двух уровней: космологического и ценностного. Космологический уровень является более «глубинным» в том смысле, что он создаёт концептуальные условия возможности для формирования ценностей и этических представлений, а также обеспечивает их легитимацию[281].

Любая космология, согласно Б. Аллану, включает в себя следующие – в значительной степени взаимосвязанные – элементы: онтологию (идеи о том, какие категории объектов существуют в мире), эпистему (идеи о том, как и посредством каких процедур мы можем получать знание о мире), темпоральность (идеи о структуре и направленности времени), космогонию (идеи о происхождении мира) и представления о судьбе и месте человечества во вселенной[282]. Таким образом, темпоральность – основной предмет интереса настоящего исследования – является частью космологических представлений, лежащих в основе ценностей и институтов международных порядков.

Проиллюстрируем логику взаимосвязей между космологией, ценностями и институтами на примере одного из наиболее разработанных в существующей литературе аспектов идейного измерения Вестфаля – онтологического и ценностного индивидуализма. В раннее Новое время становится преобладающей индивидуалистическая картина мира, согласно которой мир на первичном уровне состоит из отдельных элементов, которые только затем вступают во взаимодействие и образуют целостности более высокого уровня. Соответственно, уходит на второй план холистическое представление о реальности, согласно которому целое первично по отношению к частям. Корни этого сдвига можно проследить до спора реализма и номинализма в средневековой схоластической философии по вопросу о статусе универсалий. Постепенное распространение номиналистских представлений, согласно которым реальны только единичные вещи, заложило

контексты взаимодействия / Под ред. Д.М. Бондаренко, Г.В. Александрова. – М.: Издательский дом ЯСК, 2024. – С. 23.

[281] Allan B.B. Scientific Cosmology and International Orders… – P. 33-34.

[282] Ibid. – P. 11,35.

основы для последующей трансформации картины мира[283], а ещё одним фактором этой трансформации стало переоткрытие античного атомизма[284]. В свою очередь, такое изменение онтологии, в сочетании с воздействием Реформации[285], сделали возможным и становление индивидуализма как ценности: если части первичны по отношению к целому, то и отдельный человек оказывается первичен по отношению к обществу и может претендовать на приоритетное уважение собственных свобод и прав[286].

Как эти изменения в идейном измерении международного порядка влияли на его измерение институциональное? Как указывает М. Фуко, случившееся в XVI веке разрушение «космологическо-теологического континуума», который соединял все явления этого мира в единую восходящую к Богу иерархическую цепь бытия, привело, в том числе, к переосмыслению природы королевской власти. Ранее и она была вписана в этот иерархический порядок, благодаря чему могла находить аналогии и образцы для собственной управленческой практики в природе или семье, а также сознавала себя ограниченной этими аналогиями[287]. В новой картине мира государство получает возможность найти – и даже оказывается вынуждено искать – особую, не выводимую ни из какой аналогии собственную рациональность, что в итоге приводит к формированию концепции государственного интереса[288]. Дж. Ragги также обращал внимание на разнообразные проявления подъема индивидуалистических представлений в раннее Новое время: распространение речи от первого лица, более четкая демаркация между

---

[283] Gillespie M.A. The Theological Origins of Modernity / M.A. Gillespie. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 2008. – P. 19-43.
[284] Greenblatt S. The Swerve: How the World Became Modern / S. Greenblatt. – New York; London: W. W. Norton & Company, 2011. – 356 p.
[285] Dumont L. A Modified View of Our Origins: Christian Beginnings of Modern Individualism / L. Dumont // Religion. – 1982. – Vol.12, no. 1. – P. 1-27.
[286] Коктыш К.Е. Становление когнитивного кода современности / К.Е. Коктыш // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 6. – С. 94-113.
Показательное описание того же сдвига в конкретном английском контексте см. в: Daly J. Cosmic Harmony and Political Thinking in Early Stuart England / J. Daly // Transactions of the American Philosophical Society (New Series). – 1979. – Vol. 69, no. 7. – P. 1-41.
[287] Фуко М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977—1978 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. – СПб.: Наука, 2011. – С. 308-310.
[288] Там же. – С. 312-314.

частным и публичным пространством, появление и распространение прямой перспективы в живописи. Территориально очерченный суверенитет, согласно Ругги, стал мыслим только в рамках такой картины мира, как приложение прямой перспективы, взгляда от первого лица к вопросу организации политического пространства[289]. Применительно же к индивидуализму как ценности К. Ройс-Смит показал, что как в исходном формировании общества государств, так и в его последующем распространении за пределы Европы важную роль играла борьба за индивидуальные права[290]. Кроме того, укрепление индивидуалистических ценностей в XIX веке стало предпосылкой окончательного складывания института многосторонности[291].

Рассмотрение данного примера позволяет нам внести важное уточнение в описанную выше схему Б. Аллана: космологический уровень идейного измерения порядка может влиять на его институциональное измерение в том числе напрямую, а не только опосредованно через ценностный уровень. (Речь, конечно, идёт о конституирующем влиянии в смысле создания условий возможности, а не о каузальном воздействии одного отдельно существующего объекта на другой). Поэтому в настоящем исследовании мы сконцентрируемся именно на прямых взаимосвязях между темпоральностью и выделенными ранее ключевыми институтами Вестфальского порядка, по большей части оставляя за скобками вопрос о соотношении темпоральности с другими элементами его идейного измерения. Такой фокус необходим ещё и потому, что он позволит – в русле обосновывавшейся выше концепции М. Дуглас – проследить обратное влияние институтов на воспроизводство идей. В этом ещё одно отличие нашего подхода от модели Аллана, которого интересует главным образом влияние изменений в космологии на динамику нормативных представлений о предназначении государства и появление новых институтов.

---

[289] Ruggie J.G. Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations / J.G. Ruggie // International Organization. – 1993. – Vol. 47, no. 1. – P. 157-160.

[290] Reus-Smit C. Individual Rights and the Making of the International System / C. Reus-Smit. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 236 p.

[291] Reus-Smit C. The Moral Purpose of the State… – P. 122-154.

Он как раз не анализирует обратное влияние институтов на идеи и, тем самым, оставляет за скобками роль институтов в воспроизводстве согласующихся с ними идей и подавлении противоречащих.

В силу такого акцента на взаимном влиянии темпоральности и институтов, из ценностного измерения мы кратко затронем лишь принципы, который обосновывают территориальный суверенитет как наиболее фундаментальный, учредительный институт Вестфальской политической системы мира – иначе говоря, принципы легитимации суверенитета. Традиционно считается, что в истории Вестфаля существовало два основных таких принципа: династический суверенитет (XVII-XVIII века) и народный/национальный суверенитет (с XIX века)[292]. В рамках династического принципа легитимации конечным обоснованием суверенитета выступало «божественное право королей» – концепция, согласно которой власть дана правителю непосредственно Богом. В контексте эпохи основными полемическими следствиями этой концепции были: опровержение претензий Папы Римского (и императора СРИ) иметь власть над королями, утверждение эксклюзивности королевской фигуры как носителя верховной власти, опровержение права подданных на восстание. Иначе говоря, обоснование внешнего и внутреннего суверенитета. При этом, «божественное право королей» не обязательно было абсолютистской теорией в смысле легитимации *ничем не ограниченной* королевской власти, оно могло совмещаться с признанием, во-первых, подчиненности правителя божественному и естественному праву, во-вторых, необходимости при осуществлении власти придерживаться освященных обычаем правил и норм[293]. Как отмечает Млада Буковански, значение последних во второй половине XVIII века возрастает[294], однако, даже будучи легитимными *ограничителями* власти, они в любом

[292] Wight M. International Legitimacy / M. Wight // Systems of States. – Leicester: Leicester University Press, 1977. – P. 153-173.
[293] Burgess G. The Divine Right of Kings Reconsidered / G. Burgess // The English Historical Review. – 1992. – Vol. 107, no. 425. – P. 837–861.
[294] Bukovansky M. Legitimacy and Power Politics: The American and French Revolutions in International Political Culture / M. Bukovansky. – Princeton: Princeton University Press, 2002. – P. 70-71.

случае не могли стать её *источниками*. Неслучайно стремление правителей, претендовавших на большее влияние и самостоятельность в международных делах, получить королевский статус – чего удавалось добиться, в частности, герцогу Пруссии в 1701 году и герцогу Савойи в 1713 году[295].

События конца XVIII – начала XIX веков – Американская и Французская революции, войны за независимость в южноамериканских колониях Испании – положили начало распространению идей национализма и народного суверенитета[296]. Конечным источником власти теперь становится народ, «границы» же народов (в смысле критериев принадлежности к ним) определяются преимущественно на основе идеи нации как особой историко-культурной общности[297]. Нация воспринимается как высшая политическая ценность, и потому от имени нации можно легитимно требовать суверенитета, откуда в итоге проистекает принцип «национального самоопределения»[298].

1.2.3. Аналитическая модель Вестфальской политической системы мира

Теперь, на основе проведенного анализа институционального и идейного измерения Вестфальского порядка, мы можем предложить аналитическую модель, которая проиллюстрирует логику дальнейшего исследования. Эта модель, представленная на Рисунке 1.1, обобщает содержание параграфов 1.2.1 и 1.2.2. Не подразумевается, что упомянутые нами институты и идеи полностью исчерпывают соответствующие измерения

---

[295] Osiander A. Before the State: Systemic Political Change in the West from the Greeks to the French Revolution / A. Osiander. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – P. 485-486.

[296] Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.; Bukovansky M. Legitimacy and Power Politics: The American and French Revolutions in International Political Culture / M. Bukovansky. – Princeton: Princeton University Press, 2002. – 255 p.

[297] Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.; Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры… – С. 168-174.

[298] Mayall J. Nationalism and International Society / J. Mayall. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – P. 35-69.

О сохраняющейся – и даже возрастающей – актуальности национализма и национальной идентичности, в том числе, в Европе, которая, казалось бы, дальше других регионов зашла по пути построения наднационального сообщества, см.: Malešević S. Grounded Nationalisms: A Sociological Analysis / S. Malešević. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 320 p.; Семененко И.С. Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе / И.С. Семененко // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 5. – С. 70-87.

Вестфаля, однако наиболее важные аспекты здесь, как представляется, ухвачены.

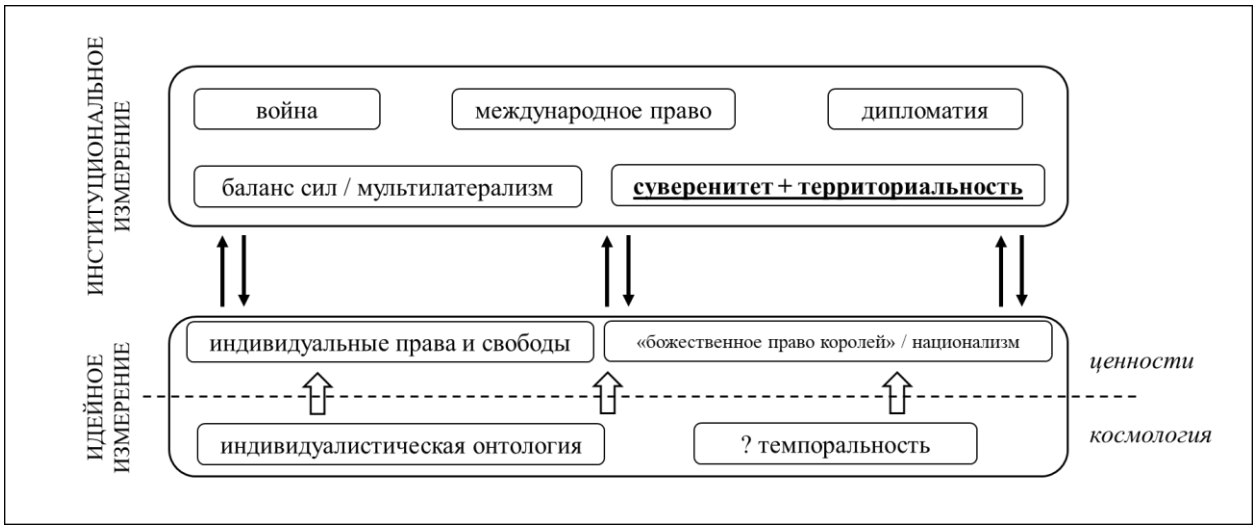

Рисунок 1.1. Модель структуры Вестфальской политической системы мира
Источник: составлено автором.

Теперь необходимо подробнее обосновать включение темпоральности в идейное измерение международных порядков в качестве одного из его ключевых элементов. Также будет полезно зафиксировать основные выводы существующих исследований, посвященных господствующим в эпоху Вестфальского порядка представлениям о времени.

1.3. Темпоральность как элемент идейного измерения международных порядков

1.3.1. Темпоральность и социальные порядки

Темпоральность рассматривается многими социологами как важнейший элемент картины мира. Как отмечал Карл Мангейм, представления о времени во многом организуют опыт людей, наделяя его тем или иным смыслом, и, следовательно, изучение этих представлений выступает ключом к пониманию ментальностей разных социальных групп и разных эпох[299]. Согласно Франсуа Артогу, в истории человечества «изменения в отношении ко времени – новые переживания времени и новые представления о нём – влекли за собой и

[299] Mannheim K. Ideology and Utopia: An Introduction to the Sociology of Knowledge / K. Mannheim; trans. from the German. – London & Henley: Routledge & Kegan Paul, 1960. – P. 188.

сопровождали преобразования картины мира»[300]. К примеру, христианская картина мира невозможна без специфической концепции «мессианического» времени, где спасительное пришествие мессии уже случилось, но история пока продолжается, поскольку Страшный суд ещё впереди; равно как и революционное мировоззрение едва ли мыслимо в отрыве от представлений о «новом» времени, знаменующим собой резкий разрыв с прошлым[301].

Если исходить из изложенной в первом параграфе логики взаимного влияния идей и институтов, то темпоральность должна быть взаимосвязана не только с другими элементами картины мира, но и с формами социальных взаимодействий. И, действительно, мы обнаруживаем у ряда авторов фундаментальные классификации типов социального устройства именно на основании господствующих в них представлений о времени. Так, Клод Леви-Стросс предлагал делить общества на «холодные» и «горячие», в зависимости от понимания ими собственного существования во времени. «Холодным» обществам, к которым французский антрополог относил в основном исследуемые им первобытные сообщества, чужда идея истории как процесса развития, подразумевающего необратимые изменения, и их институты организованы таким образом, чтобы «поглощать» и нивелировать любые отклонения от установленных форм отношений. Тогда как общества «горячие», напротив, характеризуется осознанием собственного качественного развития с течением времени и соответствующими институтами, ориентированными на поощрение изменений[302].

В целом аналогичную классификацию предлагает и Мирча Элиаде, для которого ключевым отличием архаических и традиционных обществ от современных выступает разное понимание времени. Первые живут в циклическом времени, где всякое новое действие только воспроизводит свой

---

[300] Артог Ф. Картины мира и представления о времени / Ф. Артог; пер. с фр. // Логос. – 2021. – Т. 31, №5. – С. 60.
[301] Там же. – С. 60-70.
[302] Леви-Стросс К. Неприрученная мысль // Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль / К. Леви-Стросс; пер. с фр. – М.: Академический проект, 2008. – С. 436-451.

архетип, идеальный образец из пра-исторического «времени *о*но», «Золотого века». Тогда как темпоральные представления современных обществ, уходящие корнями в иудео-христианскую эсхатологию, придают ценность истории и делают возможной социальную ориентацию на прогресс и созидание «нового» собственными силами людей[303].

В свою очередь, обратное воздействие социальных структур на представления о времени отмечалось в социологи начиная ещё с Эмиля Дюркгейма[304], который полагал, что «необходимые опорные точки, по отношению к которым все явления распределяются по времени, заимствованы из жизни общества»[305] и даже что «в основе [самой по себе] категории времени лежит ритм социальной жизни»[306]. Никлас Луман также указывал, что «социальные системы конституируют время, временные горизонты и определенные способы истолкования темпоральных акцентов»[307]. А, к примеру, Льюис Козер и Роуз Козер показывают, как отличия в положении социальных групп в структуре американского общества могут влиять на формирование у них разных темпоральных перспектив: прогрессистской, утопической или гедонистической[308].

Таким образом, с точки зрения социологии и антропологии, у нас есть все основания: а) считать темпоральность одним из ключевых элементов картины мира; б) распространить на темпоральность приводившиеся ранее общие выводы об отношении идей и институтов: представления о времени легитимируют и делают возможными определенные институты, а институты воспроизводят соответствующие им представления о времени.

---

[303] Элиаде М. Миф о вечном возвращении (архетипы и повторение) // Космос и история / М. Элиаде; пер. с фр. – М.: Прогресс, 1987. – С. 27-144.
[304] Hassard J. Introduction: The Sociological Study of Time / J. Hassard // The Sociology of Time / Ed. by J. Hassard. – Basingstoke: The Macmillan Press, 1990. – P. 1-3.
[305] Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм; пер. с фр. – М.: Элементарные формы, 2018. – С. 65.
[306] Там же. – С. 78.
[307] Луман Н. Мировое время и история систем / Н. Луман; пер. с нем. // Логос. – 2004. – № 5. – С. 132.
[308] Coser L.A. Time Perspective and Social Structure / L.A. Coser, R.L. Coser // The Sociology of Time / Ed. by J. Hassard. – Basingstoke: The Macmillan Press, 1990. – P. 191-202.

1.3.2. Темпоральность и международные порядки[309]

Насколько нам известно, нет систематических исследований, специально направленных на выявление закономерностей в темпоральности международных порядков, то есть, на определение устойчивых соотношений между разными представлениями о времени и разными комплексами международных институтов. В этой ситуации особенно ценными оказываются тезисы Мишеля Фуко в курсе лекций «Безопасность, территория, население» об изменении темпоральности при переходе от средневекового к модерному международному порядку в Европе[310].

Фуко отмечал, что имперский, универсалистский характер средневекового европейского порядка был связан с христианской эсхатологией, представлениями о неизбежном конце времён: «в Средние века люди еще оставались в том времени, которое должно было в определенный момент стать единым, универсальным временем империи, в котором все эти различия стирались бы, и именно эта универсальная Империя возвещала бы о возвращении Христа и была бы местом этого возвращения. Империя, последняя империя, универсальная империя, какой была империя Цезаря или какой была бы империя Церкви, была тем не менее чем-то таким, что неотступно преследовало мировоззрение Средних веков»[311]. Государство же (как следует из проведенного Фуко анализа трактатов об искусстве управления конца XVI – начала XVII века), в отличие от империи, «не должно даже искать нечто подобное концу истории, или подобное ее завершению, или что-то вроде точки, где соединялись бы время и вечность»[312]. Таким образом, переходу от универсализма империи к плюрализму общества суверенных государств в

---

[309] При написании подпараграфа использованы материалы статьи: Учаев Е.И. Катехоническая темпоральность и политическая форма: к обоснованию двойного представительства / Е.И. Учаев // Социологическое обозрение. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 156-159.

[310] Прямо противоречащий Фуко взгляд на темпоральность средневековой христианской империи обнаруживается у Карла Шмитта. Обсуждение позиции Шмитта (забегая вперёд, отметим, ошибочной) увело бы здесь нас слишком далеко в сторону, поэтому оно вынесено в Приложение А.

[311] Фуко М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977—1978 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. – СПб.: Наука, 2011. – С. 340.

[312] Там же.

институциональном измерении соответствует переход от устремленности к концу времен к бесконечному времени в темпоральном измерении[313].

Это наблюдение Фуко было недавно подхвачено и развито Скоттом Хэмилтоном в его анализе влияния эпохи Антропоцена[314] на будущее государствоцентричного международного порядка. Если общество государств взаимосвязано с представлениями о бесконечности времени, а наступление Антропоцена означает перспективу глобальной экологической катастрофы вследствие возросшего влияния человечества на природу, то конечная темпоральность Антропоцена должна неизбежно вступить в противоречие с темпоральными основами Вестфальской политической системы мира[315]. Сам Хэмилтон из этого делает вывод о надвигающейся трансформации международного порядка, однако он рассматривает только однонаправленное влияние космологических представлений на институты, упуская из виду обратное влияние институциональной структуры общества государств на темпоральность. Если принять его во внимание, то столь же возможно и сохранение Вестфаля с адаптацией представлений об Антропоцене к бесконечной темпоральности.

Тезис Фуко о конечной темпоральности средневекового имперского порядка в целом подтверждают исследования позднеантичной и средневековой культуры, которые показывают, во-первых, распространенность эсхатологических ожиданий в эти эпохи, а во-вторых, что эти ожидания приводили не к параличу и не к стремлению отсрочить конец, но к стремлению подготовиться к наступлению конца. Подготовиться и подготовить мир вокруг – в том числе путём как можно более широкого распространения власти богоугодных правителей.

---

[313] Там же. – С. 471.

[314] Понятие «Антропоцен» в общем смысле используется «для обозначения такого состояния Земли, в котором человечество оказывает ключевое влияние на функционирование планетарных процессов». См.: Учаев Е.И. Сохранить человечество в эпоху Антропоцена / Е.И. Учаев // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20, №1. – С. 42-44.

[315] Hamilton S. Foucault’s End of History: The Temporality of Governmentality and Its End in the Anthropocene / S. Hamilton // Millennium: Journal of International Studies. – 2018. – Vol. 46, no. 3. – P. 371–395.

Так, Стивен Шумейкер в монографии 2018 года «Апокалипсис империи» утверждает, что «в позднеантичном Средиземноморье и в средневековой Европе апокалиптизм <…> часто был связан с идеями имперской экспансии и имперского триумфа, согласно которым завершение истории должно было наступить в результате всеобщего господства богоизбранной мировой империи»[316]. В частности, согласно Шумейкеру, эсхатологическая вера была двигателем завоеваний раннего ислама и создания халифата[317], а также была значимым фактором в завоеваниях и реформах византийского императора Юстиниана[318]. И, в соответствии с этим, моменты имперского триумфа воспринимались не с успокоением, но апокалиптически – как знаки конца. Например, победа византийского императора Ираклия в войне с Персией в 628 году и возвращение им Креста в Иерусалим вызвали мощный всплеск эсхатологических ожиданий – во многом из-за поразительных параллелей тех событий с уже ходившей в тот период «Легендой о последнем императоре»[319].

Применительно уже к эпохе Каролингов на ту же логику сочетания империи и эсхатологии указывает один из ведущих российских специалистов по эпохе А.И. Сидоров. Вот что он пишет: «Внутренняя и внешняя политика Каролингов на протяжении как минимум ста лет располагалась в этом широком эсхатологическом поле. Многочисленные войны Пипина Короткого и особенно Карла Великого по сути являлись одной непрерывной священной войной <…> У дьявола во что бы то ни стало необходимо было отвоевать как можно больше пространства»[320]. Зачем отвоевывать? Чтобы как можно больше людей успели спастись до надвигающегося конца.

Этот имперско-эсхатологический сплав проходит через все Средневековье, а с XIII века получает возможность опираться ещё и на

---

[316] Shoemaker S.J. The Apocalypse of Empire: Imperial Eschatology in Late Antiquity and Early Islam / S.J. Shoemaker. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2018. – P. 3.
[317] Ibid. – P. 7-9.
[318] Ibid. – P. 69-70.
[319] Ibid. – P. 75-79.
[320] Сидоров А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII-X века / А.И. Сидоров. – СПб.: Наука, 2018. – С. 109.

теологию Иоахима Флорского. Он проявляется в самых неожиданных местах, к примеру, в раннем итальянском гуманизме. Здесь можно упомянуть фигуру Колы ди Риенцо, который в середине XIV века стремился восстановить имперское величие Рима, считая себя при этом провозвестником наступающей иоахимитской «Эпохи Духа»[321]. Все эти факты свидетельствуют, что что для христианского Средневековья было характерно восприятие истории, «устремленное к концу времён и объединению всех отдельных держав в последней империи»[322].

Стоит, впрочем, отметить, что дохристианские (и, в целом, не-авраамические) имперские международные порядки опирались на другую темпоральность. К примеру, дохристианский Рим легитимировал себя идеей «провиденциального возврата к добродетельному Золотому веку, благословенному и дивному времени, когда люди будут жить в мире и процветании»[323]. Важно, что в этой картине мира империя отнюдь не исчерпывает себя по мере экспансии, напротив, она продолжает существовать как неотъемлемая часть и гарант достигнутого «Золотого века». Иначе говоря, империя здесь проецирует себя в вечность – на что указывает, среди прочего, и известное самоназвание языческого Рима как «вечного города».

Как объяснить такое различие в темпоральностях: эсхатологическая ориентация позднеантичных и средневековых западных империй против устремленности в вечность Рима? Оно может быть связано с тем фактом, что древние империи (как и более поздние, но не-авраамические империи, например, империя Чингисхана) суть «космологические империи»[324], которые мыслят своей задачей сохранение «гармонии общественного строя с космическим порядком». Иерархический имперский порядок «есть аналог

---

[321] Lee A. Humanism and Empire: The Imperial Ideal in Fourteenth-Century Italy / A. Lee. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – P. 125-131.
[322] Фуко М. Безопасность, территория, население… – С. 471.
[323] Fibiger Bang P. The King of Kings: Universal Hegemony, Imperial Power, and a New Comparative History of Rome / P. Fibiger Bang // The Roman Empire in Context: Historical and Comparative Perspectives / Ed. by J.P. Arnason, K.A. Raaflaub. – Chichester: Wiley-Blackwell, 2011. – P. 329.
[324] Фёгелин Э. Новая наука политики: Введение / Э. Фёгелин; пер. с англ. – СПб.: Владимир Даль, 2021. – С. 156-162.

космоса <…>, отражающий порядок огромного, всеобъемлющего мира»[325]. Поскольку же космический порядок для древних империй вечен[326], то и сами они стремятся обрести вечность. Монотеистическая революция ломает гармонию упорядоченного иерархического космоса[327]. Империя после неё по-прежнему встроена в общий порядок бытия[328], однако это уже порядок поврежденный, нуждающийся в исправлении. Империи, как мы видели выше, даже может быть отведена важнейшая роль в содействии этому исправлению, в приуготовлении к спасению – но теперь нужда в имперской мощи возникает именно из-за несовершенства порядка[329]. После же исполнения эсхатологического обетования места для империи не остаётся. Поэтому, в рамках христианской картины мира, империи уже не могут притязать на вечность, но устремлены к «концу времён».

1.3.3. Темпоральность Нового времени и Вестфальский порядок

Итак, пусть имперские международные порядки в авраамических культурах связаны с конечной темпоральностью, а в не-авраамических – с представлениями о вечности. Само по себе это ещё ничего не говорит о темпоральности Вестфаля. Есть ли у нас основания принять в качестве отправной точки для дальнейшего исследования тезис Фуко о взаимосвязи общества государств с представлениями о бесконечности времени?

Представляется, что такие основания есть. Исследования нововременных представлений о времени показывают, что для модерного

---

[325] Там же. – С. 153.
[326] Элиаде М. Миф о вечном возвращении (архетипы и повторение) // Космос и история / М. Элиаде; пер. с фр. – М.: Прогресс, 1987. – С. 82-91.
[327] Assmann J. The Price of Monotheism / J. Assmann; trans. from the German. – Stanford, CA: Stanford University Press, 2010. – P. 39-43.
[328] См.: Филиппов А.Ф. Социология и космос: суверенитет государства и суверенность социального / А.Ф. Филиппов // Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы. Том 1. – СПб.: Владимир Даль, 2014. – С. 227-230.
[329] В этом отношении показательно рассуждение Аврелия Августина в 15-й главе IV книги «О граде Божием»: «Государство [regnum] неизбежно оставалось бы малым, если бы спокойствие и справедливость соседей не вызывали никакой обидой войны против них; и при более счастливых условиях человеческой жизни все государства оставались бы малыми, наслаждаясь дружелюбием соседей, так что в мире было бы так же достаточно много государств разных народов, как в городе достаточно много домов разных граждан. Поэтому вести войны и путем покорения народов расширять государство представляется делом хорошим для людей дурных, но для добрых – это только дело необходимости». См.: Августин А. О граде Божием. Книга I / Аврелий Августин; пер. с лат. – М.: Издательство «Омега-Л», 2022. – С. 181-182.

сознания время не имеет конца, человек теперь осмысляет себя как устремляющегося к ничем не ограниченному горизонту будущего. Так, Карл Лёвит характеризовал темпоральность модерна следующим образом: «Нововременное сознание <…> устраняет из своей прогрессивистской перспективы христианское полагание творения и свершения, при этом включая в себя присущую античному мировоззрению идею бесконечного непрерывного движения за вычетом его круговой структуры»[330]. Алейда Ассман сходным образом отмечает, что «центральное место в темпоральном режиме Модерна занимает эмфатическая ориентация на будущее, которая сопровождается обесцениванием прошлого и традиции»[331]. При этом, будущее в рамках нововременной конфепции прогресса мыслится как открытое, не подлежащее какому-либо окончательному завершению[332].

В свою очередь, Райнхарт Козеллек показывает, что темпоральность раннего Нового времени (конца XVI – конца XVIII веков) ещё не оперировала полноценной идеей прогресса как неограниченного движения в положительно оцениваемое будущее, но характеризовалась представлениями о циклическом, по сути, статичном времени, где возможны лишь количественные, но не качественные изменения[333]. В этот период также ещё наблюдаются и отдельные проявления апокалиптического сознания, ожидающего скорого конца времен, однако такие проявления становятся всё более редкими: так, в немецких землях последнее широко распространенного милленаристское пророчество появляется в годы Тридцатилетней войны, в Англии эсхатологические ожидания угасают после окончания гражданской войны и Реставрации Стюартов[334]. Таким образом, сама по себе общая характеристика темпоральности Нового времени как бесконечной (будь то в версии концепции

[330] Лёвит К. Смысл в истории: Теологические предпосылки философии истории / К. Лёвит; пер. с англ. – СПб.: Владимир Даль, 2021. – С. 421-422.
[331] Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / А. Ассман; пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – С. 74.
[332] Там же. – С. 37-54.
[333] Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time / R. Koselleck; trans. from the German. – New York: Colombia University Press, 2004. – P. 18-21.
[334] Ibid. – P. 16.

прогресса или в версии циклического движения) находит поддержку в выводах ключевых тематических исследований[335].

Остаётся, следовательно, вопрос о взаимосвязи этой бесконечной темпоральности с Вестфальской политической системой мира. Нельзя сказать, чтобы такой взаимосвязи до сих пор никто не предполагал. Соответствующие тезисы М. Фуко уже стали для нас отправной точкой рассуждений. Р. Козеллек также отмечает, что становление суверенного государства было каким-то образом связано с упадком средневековой эсхатологии[336], но не эксплицирует логику этой взаимосвязи. Константин Фасолт полагает, что открытое будущему (и одновременно порывающее с прошлым) темпоральное сознание модерна было необходимо для возникновения государства, поскольку только в такой картине мира оно могло быть помыслено как подлинно суверенное – независимое как от установлений прошлого, так и от ожидания надвигающегося конца[337]. Кристофер Кларк в своём исследовании представлений о времени трёх немецких государственных деятелей эпохи Модерна – Фридриха Вильгельма I Бранденбургского (1620-1688), Фридриха Великого (1712-1786) и Отто фон Бисмарка (1815-1898) – показывает, что для всех них было характерна бесконечная темпоральность, пусть она и варьировалась от более выраженной ориентации на будущие изменения до статично-циклических концепций[338].

Наконец, Б. Аллан в уже упоминавшемся исследовании космологических основ модерного международного порядка эксплицитно выделяет темпоральность как одну из ключевых составляющих космологии. Среди прочего, он описывает трансформацию темпоральности в течение XIX века – окончательное укоренение представлений о линейном времени

---

[335] Заметим, что мы оставляем за скобками вопрос о конкретных механизмах идейной эволюции, которые привели к трансформации конечной темпоральности европейского средневековья в бесконечную темпоральность нового времени. Одна авторская гипотеза (претендующая не на исчерпывающий характер объяснения, но на статус одного из кусочков пазла) приведена в Приложении Б.

[336] Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time… – P. 16-17,21.

[337] Fasolt C. The Limits of History / C. Fasolt. – Chicago & London: The University of Chicago Press, 2004. – P. 7-22.

[338] Clark C. Time and Power: Visions of History in German Politics, from the Thirty Years' War to the Third Reich / C. Clark. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2019. – P. 2-3.

прогресса – под влиянием подъема эволюционистской парадигмы в естественных науках. Затем Аллан прослеживает влияние этой новой темпоральности на реформу институтов колониального управления в Британской империи, а также на возникновение и укоренение экономического роста как ценности и цели государственной политики[339]. Это интересные выводы, однако они касаются уже более конкретных, вторичных аспектов институциональной структуры Вестфальского международного порядка. В отношении основополагающих институтов Аллан только кратко отмечает, что концепция баланса сил XVII-XVIII веков подразумевала циклически-статичное представление о времени[340].

Отталкиваясь от этих тезисов, мы, таким образом, можем предположить взаимосвязь между представлениями о бесконечности времени и ключевыми институтами Вестфальского порядка (территориальным суверенитетом, балансом сил, мультилатерализмом, международным правом). Чтобы доказать наличие такой взаимосвязи, необходимо продемонстрировать как, с одной стороны, бесконечная темпоральность создаёт условия возможности для основных институтов Вестфаля, а с другой стороны, как эти институты содействуют воспроизводству представлений о бесконечности времени.

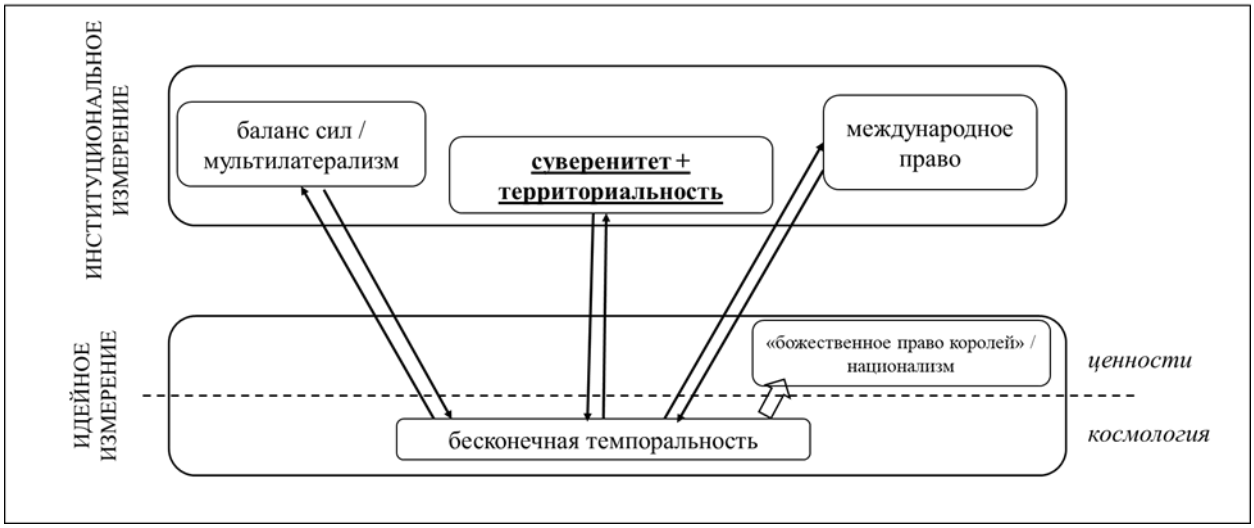

Рисунок 1.2. Место темпоральности в структуре Вестфальского порядка
Источник: составлено автором.

[339] Allan B.B. Scientific Cosmology and International Orders… – P. 139-262.
[340] Ibid. – P. 105-108.

В наглядном виде подлежащие обоснованию взаимосвязи представлены выше стрелками на Рисунке 1.2, который представляет собой конкретизацию общей структуры с Рисунка 1.1. К институтам здесь также добавлен один элемент ценностного измерения Вестфаля – принципы легитимации суверенитета. Доказательству того, что эти взаимосвязи действительно существуют, посвящена следующая, вторая глава исследования.

ГЛАВА 2. БЕСКОНЕЧНАЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ ВЕСТФАЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ МИРА

2.1. Темпоральность суверенитета[341]

Становление общества суверенных государств в XVI-XVII веках проходило в условиях всплеска апокалиптических настроений по всей Европе. Соответственно, для обоснования бесконечной темпоральности суверенитета необходимо (как минимум) показать, что как практическое формирование и укрепление суверенных государств, так и теоретическое осмысление концепции суверенитета опирались не на эсхатологию, а на альтернативные ей представления о времени. Или же (как максимум) не просто не опирались, но сопровождались целенаправленной нейтрализацией христианской эсхатологии – такую точку зрения разделяет, в частности, Р. Козеллек: «само существование [государства] зависело от искоренения милленаристских ожиданий»[342]. В теоретической плоскости наглядным подтверждением этого тезиса о нейтрализации выступают труды двух ключевых мыслителей – родоначальников концепции суверенитета: Жана Бодена и Томаса Гоббса.

Как отмечал тот же Козеллек, в преодолении политической эсхатологии Боден «выступил в той же роли первопроходца, как и в обосновании понятия суверенитета»[343]. Отделяя друг от друга сакральную, человеческую и естественную историю, а также опираясь на каббалистическую традицию, Боден в своих предположениях отодвигал конец времён на 50 000 лет[344] (!), тем самым эффективно устраняя его как источник какого-либо влияния на текущие события. Человеческая история в такой картине мира не имела предзаданной цели, становясь «сферой действия вероятностей и людского

---

[341] Начало данного параграфа написано на основе одного из разделов статьи: Учаев Е.И. Катехоническая темпоральность и политическая форма: к обоснованию двойного представительства / Е.И. Учаев // Социологическое обозрение. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 152-153.

[342] Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time / R. Koselleck; trans. from the German. – New York: Colombia University Press, 2004. – P. 21.

[343] Ibid. – P. 15.

[344] См. конец 8-й главы «Метода легкого познания истории» (Bodin J. Method for the Easy Comprehension of History / J. Bodin; trans. from Latin. – New York: W.W. Norton & Company, 1969. – P. 333).

благоразумия»[345]. Таким образом, «освобождение человеческой истории через уход от сакральной истории и легитимация модерного государства, способного подчинить стремящиеся к спасению религиозные фракции, были для Бодена одним и тем же»[346].

В свою очередь, Гоббс в своём переосмыслении христианской эсхатологии (в главе 38 «Левиафана») максимально сближает порядок Царства Божьего с земным порядком Левиафана: Царство будет тоже на Земле, в этом мире[347], и жизнь в нём в целом будет аналогична, только без страданий и смерти[348]. Грешников же ждёт просто повторение страданий земной жизни и вторая смерть, только уже без надежды на искупление, окончательная[349]. За счет такой минимизации, практически полного устранения разрыва между двумя мирами, эсхатологический горизонт у Гоббса перестаёт генерировать мотивации, отличные от мотиваций земной жизни[350]: и Царство, и ад оказываются, по сути, просто расширением, продлением земного порядка[351]. Земной же порядок с самого момента учреждения государства существует в бесконечном времени: как пишет сам Гоббс в 30 главе, «путём усердных размышлений можно обнаружить такие принципы разума, применение которых сделало бы устройство государства вечным (за исключением случаев внешнего нападения)»[352]. Обеспечиваемый государством порядок, в свою очередь, «стабилизирует» будущее для научной и хозяйственной деятельности, у которых, однако, нет никакой универсальной телеологии –

---

[345] Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time… – P. 15-16.
[346] Ibid. – P. 16.
[347] Hobbes T. Leviathan / T. Hobbes. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 297-301.
[348] Ibid. – P. 306-309.
[349] Ibid. – P. 302-305.
[350] Поскольку главный источник легитимности государства в логике «Левиафана» – это преодоление чреватого страданиями и быстрой смертью естественного состояния, а его главный инструмент принуждения – опять же, угроза насильственной смерти, Гоббсу было жизненно необходимо «дать такое толкование учению о загробной жизни и загробном воздаянии, чтобы оно не вступало в противоречие со страхом людей перед наказаниями, налагаемыми светскими властями за нарушение законов государства». См.: Дмитриев Т.А. Политическая теология в «Левиафане» Томаса Гоббса / Т.А. Дмитриев // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 17. № 3. – С. 68.
[351] Michaelis L. Contesting the Future: Secular and Religious Time in Hobbes's Leviathan / L. Michaelis // The Review of Politics. – 2023. – Vol. 85, no. 3. – P. 324.
[352] Hobbes T. Leviathan / T. Hobbes. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 223.

поскольку нет иной цели кроме удовлетворения разнообразных индивидуальных желаний[353].

В практической плоскости несовместимость суверенитета и эсхатологии подтверждает тот факт, что в абсолютистских Франции и Англии раннего нового времени апокалиптические пророчества прямо запрещались[354]. Так, в 1542 году отдельным актом английского парламента политические пророчества были признаны уголовным преступлением, наказуемым вплоть до смертной казни. Этому шагу предшествовали несколько лет борьбы с пророчествами более мягкими способами[355]. Борьба же обусловливалась как конкретными случаями апелляции к пророчествам в ходе восстаний – например, в ходе «благодатного паломничества» 1536 года[356], так и общей трудностью контроля за их интерпретацией: пророчества «предоставляли мифическую схему ожидаемого развития событий, которая не зависела от какой-либо конкретной исторической фигуры»[357], их символизм всегда нёс в себе риск быть истолкованным в анти-правительственном ключе. Кроме того, наиболее популярные эсхатологические сюжеты этого времени также сохраняли универсалистскую ориентацию: они повествовали о приходе нового короля / императора, который, отправившись в святую землю, установит всеобщий мир и объединит всех христиан[358]. В эпоху, когда главной заботой английской короны, только что объявившей о полной – и мирской, и духовной – независимости своей страны от Папы Римского, было отстаивание и укрепление внешнего и внутреннего суверенитета, подобные настроения становились всё менее актуальны.

---

[353] Michaelis L. Contesting the Future: Secular and Religious Time in Hobbes's Leviathan… – P. 318-320.
[354] Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time… – P. 16-17,21.
[355] Elton G.R. Policy and Police: The Enforcement of the Reformation in the Age of Thomas Cromwell / G.R. Elton. – Cambridge: Cambridge University Press, 1972. – P. 78-82.
[356] Fox A. Prophecies and Politics in the Reign of Henry VIII / A. Fox // Reassessing the Henrician Age: Humanism, Politics and Reform 1500-1550 / Ed. by A. Fox, J. Guy. – Oxford: Basil Blackwell, 1986. – P. 77.
[357] Ibid. – P. 92.
[358] Ibid. – P. 84-89.

Итак, становление суверенных государства потребовало «расчистки» горизонта будущего от апокалиптических ожиданий[359]. У этой зависимости есть абстрактно-логическое обоснование: государство модерна (как было показано в первой главе) одновременно территориально ограничено и суверенно, иначе говоря, оно осознает себя как одного из множества существующих политических субъектов, претендуя при этом на полную независимость в своих действиях и признавая за другими право на такую же независимость. Такое суверенное обособление становится легитимным и обоснованным в том случае, если у субъектов отсутствует какое-либо представление об «общей судьбе», требующей от них объединения и коллективного действия[360]. Следовательно, пока у христианской Европы существовала общая судьба в виде ожидавшегося «конца времён», государство не смогло бы утвердиться в качестве доминирующей политической формы.

***

Рассмотрим также некоторые примеры появления новых суверенных государств в рамках уже сформировавшейся Вестфальской модели мира, с акцентом на связанные с этими событиями представления о времени.

Интересным примером из раннего периода существования Вестфаля служит становление полностью суверенным государством Пруссии. С 1618 года Герцогство Пруссия стало частью сложносоставной политии династии Гогенцоллернов, владевших также курфюршеством Бранденбург (ещё с начала XV века) и рядом более мелких княжеств на западе Священной

---

[359] В недавней статье М.В. Харкевич делает акцент на обратной направленности влияния: «механизм преодоления апокалипсиса <…> – это переход от монизма к плюрализму. В случае с апокалипсисом переход к <…> полицентричности в политике переводит конечную темпоральность ожидания земного конца в бесконечность земной жизни». (См.: Харкевич М.В. Преодоление апокалипсиса в плюралистическом пространстве поэтики и политики / М.В. Харкевич // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 2. – С. 27). Представляется, однако, что такой акцент не обоснован: переход от политического универсализма Средневековья к множественности нововременных государств не мог служить исходным и самостоятельным механизмом формирования бесконечной темпоральности – поскольку сам зависел от наличия такой темпоральности для своей легитимации. Корректнее будет говорить о *параллельных взаимно усиливавших друг друга процессах изменений*: темпоральности – из конечной в бесконечную, а политической формы – из единства (империи) во множественность (государств).

[360] Wendt A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 349-353.

Римской Империи (как и Пруссией, с 1610-х годов)[361]. Бранденбург и другие владения на территории Империи вплоть до начала XIX века оставались встроены в имперские институциональные рамки и потому де-юре на статус полностью суверенных образований претендовать не могли, да и де-факто в ряде аспектов таковыми не являлись[362]. Однако Пруссия находилась за пределами границ Империи, и хотя бы в её отношении Гогенцоллерны потенциально могли претендовать на статус суверенных правителей. «Великий курфюрст» Фридрих Вильгельм добился этого в 1657 году, заключив с Речью Посполитой договор, по которому та признавала за курфюрстом бранденбургским абсолютную власть над Пруссией, отказываясь тем самым от сюзеренитета над герцогством[363]. Обретенный суверенитет был упрочен и символически закреплён в 1701 году, когда герцог Фридрих III, предварительно заручившись согласием императора, объявил себя королём Пруссии Фридрихом I. Как указывает Кристофер Кларк, церемония коронации (Фридрих сначала сам себя короновал и только затем был помазан двумя епископами) была призвана продемонстрировать автономный характер королевской власти, её независимость от любых других земных властей, мирских или духовных; особый дизайн короны также «символизировал всеобъемлющую власть монарха, заключавшего в себе как светский, так и духовный суверенитет»[364].

Кларк также подробно анализирует темпоральное сознание Фридриха Вильгельма и его окружения, показывая, что для него была характерна ориентация на постоянное изменение внешних условий, внимание к текущим тенденциям, оценка наличных вариантов политического выбора с точки зрения их влияния на открытое и неопределенное будущее[365]. Эта

---

[361] Clark C. Iron Kingdom: The Rise and Downfall of Prussia, 1600–1947 / C. Clark. – Cambridge, MA: Belknap Press, 2006. – P. 9-10.
[362] См., например: Wilson P.H. Prussia and the Holy Roman Empire 1700–40 / P.H. Wilson // German Historical Institute London Bulletin. – 2014. – Vol. 36, no. 1. – P. 3-48.
[363] Clark C. Iron Kingdom: The Rise and Downfall of Prussia… – P. 49-50.
[364] Ibid. –P. 69.
[365] Clark C. Time and Power: Visions of History in German Politics, from the Thirty Years' War to the Third Reich / C. Clark. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2019. – P. 40-41,49-51,62.

темпоральность порывала как с идеей непрерывной традиции, где прошлое довлеет над настоящим и будущим[366], так и с пророческими и провиденциальными концепциями истории. Не случайно в 1686 году на должность придворного историографа был назначен знаменитый философ и юрист Самуэль Пуфендорф, в одной из предыдущих работ подвергший критике теорию «переноса империи» (*translatio imperii*), основанную на Книге пророка Даниила. В написанной Пуфендорфом уже на новой должности истории правления Фридриха Вильгельма исторические события оказываются «непредзаданным заранее результатом взаимодействий между государствами, борющимися за власть и влияние»[367]. В рамках такой темпоральности новизна королевского статуса Пруссии, отсутствие у коронации 1701 года прецедентов в истории и, как следствие, её некоторая искусственность, воспринимались не как изъян, но, напротив, как достижение Фридриха I, которое упрочивало будущее государства[368].

Такая бесконечная темпоральность открытого будущего проявлялась также и в обеспокоенности тем, как собственный образ и исторические достижения будут выглядеть в глазах будущих поколений[369]. Подобные настроения были частью общеевропейских тенденций того времени, где забота о будущей славе монархов выражалась в широком спектре мер, от поддержки монументального искусства до особого внимания к назначению лиц, ответственных за написание официальной истории того или иного царствования[370].

Показательным примером того, как самопонимание прусского суверенного королевства было имплицитно укоренено в бесконечной темпоральности, выступает конфликт прусских властей с движением пиетистов по поводу заграничной деятельности последнего. Пиетизм –

---

[366] В такой темпоральности были укоренены постоянно конфликтовавшие с курфюрстом представительные органы местной аристократии. См.: Ibid. – P. 31-32.
[367] Ibid. – P. 63.
[368] Ibid. – P. 69-71.
[369] Ibid. – P. 51-54.
[370] См., например, о Франции эпохи Людовика XIV: Burke P. The Fabrication of Louis XIV / P. Burke. – New Haven, CT: Yale University Press, 1992. – P. 153.

движение за обновление христианской жизни, возникшее в немецких землях в конце XVII века – в целом сыграл важную роль в развитии Пруссии и во многом пользовался официальной поддержкой[371]. Однако многие группы пиетистов отличало достаточно выраженное эсхатологическое сознание, и ориентация на движение к царству божьему – поскольку оно универсально – делала для них естественной и даже во многом необходимой международную деятельность, от простого поддержания контактов с собратьями по вере до активного миссионерства за пределами Европы. У прусских властей же подобная деятельность не находила понимания: они предпочитали, чтобы материальные ресурсы, которыми они поддерживали пиетистов, не растрачивались на то, что никак не влияло на укрепление государства[372].

В свою очередь, в качества примера из позднего периода существования Вестфаля возьмем процесс деколонизации после Второй мировой войны. Выступления представителей получивших независимость государств перед Генеральной Ассамблеей по случаю их принятия в члены ООН позволяют проанализировать темпоральность этого процесса. Во-первых, само обретение суверенитета мыслится как конечная точка освободительного движения и одновременно как начало новой эпохи, представляя тем самым революционный разрыв с прошлым: «преимущество, которым обладаем мы, новые нации, заключается в том, что *получение независимости полностью отсекает наше прошлое*»[373] (представитель Нигерии); «этот день [провозглашения независимости] был *началом новой эры* в судьбе моего народа»[374] (представитель Индонезии); «нам посчастливилось играть главную роль в этом международном торжестве, свидетельствовать о том историческом

[371] См., к примеру: Gawthrop R.L. Pietism and the Making of Eighteenth Century Prussia / R.L. Gawthrop. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 305 p.
[372] Strom J. Early Modern Pietism / J. Strom, L. Harmut // The Oxford Handbook of Early Modern Theology, 1600-1800 / Ed. by U.L. Lehner, R.A. Muller, A.G. Roeber. – New York: Oxford University Press, 2016. – P. 416-417.
[373] ООН. Генеральная Ассамблея. Пятнадцатая сессия. Официальные отчеты. 893-е пленарное заседание. 7 октября 1960 года, 15 час. // Организация Объединенных Наций. – С. 680. – URL: https://docs.un.org/ru/A/PV.893 (дата обращения 20.09.2025).
[374] ООН. Генеральная Ассамблея. Пятая сессия. Официальные отчеты. 289-е пленарное заседание. 28 сентября 1950 года, 3 ч. дня // Организация Объединенных Наций. – С. 192. – URL: https://docs.un.org/ru/A/PV.289 (дата обращения 20.09.2025).

превращении, которое произошло с Африкой и ее народами, превращении, представляющем собой *скорее революционный, чем эволюционный процесс*. <…> моя родина переживает самый счастливый и волнующий момент в своей истории. Страна, которая еще вчера была подвластной, ныне, после принятия ее в Организацию Объединенных Наций, становится равноправным партнером [курсив здесь и в предыдущих цитатах мой. – *Е.У.*]»[375] (представитель Камеруна).

Что важно, поскольку самый главный перелом – получение независимости – уже произошел, открываемая им новая эпоха не предвещает никаких новых кардинальных изменений, но только поддержание и постепенное, количественное улучшение того, что уже достигнуто. Для представителя Индонезии после достижения свободы необходимо «*сохранить* ее навеки»[376], а также «наблюдать за тем, чтобы на нашем архипелаге *продолжали* господствовать свобода, демократия и терпимость [курсив здесь и в предыдущей цитате мой. – *Е.У.*]»[377]. Для представителя Мадагаскара, если «вступление нашего государства в великое сообщество свободных и независимых народов» есть выдающееся событие, которое «грядущие поколения особо запомнят»[378], то «после получения политической независимости перед нами встают задачи <…> *продолжения* борьбы с невежеством и болезнями и *повышения* жизненного уровня в условиях ускоряющегося роста населения <…>. Нам нужно построить *больше* дорог, портов и плотин… [курсив мой. – *Е.У.*]»[379]. Таким образом, получение суверенитета переводит конечную темпоральность ориентации на цель

[375] ООН. Генеральная Ассамблея. Пятнадцатая сессия. Официальные отчеты. 866-е пленарное заседание. 21 сентября 1960 года, 10 час. 30 мин. // Организация Объединенных Наций. – С. 35. – URL: https://docs.un.org/ru/A/PV.866 (дата обращения 20.09.2025).
[376] ООН. Генеральная Ассамблея. Пятая сессия. Официальные отчеты. 289-е пленарное заседание. 28 сентября 1950 года, 3 ч. дня // Организация Объединенных Наций. – С. 192. – URL: https://docs.un.org/ru/A/PV.289 (дата обращения 20.09.2025).
[377] Там же. – С. 193.
[378] ООН. Генеральная Ассамблея. Пятнадцатая сессия. Официальные отчеты. 866-е пленарное заседание. 21 сентября 1960 года, 10 час. 30 мин. // Организация Объединенных Наций. – С. 38. – URL: https://docs.un.org/ru/A/PV.866 (дата обращения 20.09.2025).
[379] Там же. – С. 39.

освобождения в бесконечное существование в «равноправном партнерстве» с другими суверенными государствами.

Косвенно бесконечное восприятие времени также задаётся самой структурой социальной жизни в государстве. Государство претендует на, по сути, сакральный статус: быть высшей ценностью для собственных граждан и требовать от них соответствующего поведения, например, готовности «умереть за Родину»[380]. И претендует, в целом, успешно: по крайней мере, с начала XIX века «…государство <…> присвоило себе *право* требовать от своих граждан величайшей из возможных жертв»[381]. Такая сакрализация партикулярного подразумевает, что общее – мир и человечество в целом – рассматривается как непроблематичное и безусловно данное, гарантированное. Живя в государстве и относясь к нему как к высшей ценности, граждане, таким образом, всегда имплицитно воспроизводят представление о бесконечности мира государств.

2.1.1. Сакрально-династическая легитимация суверенитета: темпоральное измерение

Одним из классиков (если не самым ярким выразителем) теории божественного права королей считается французский богослов Жак-Бенинь Боссюэ (1627-1704). В посмертно опубликованном трактате «Политика, основанная на словах Священного писания» (1709) исток власти описан им следующим образом: «Бог ставит королей как своих служителей и через них правит народами»[382]. Королевская власть при этом описывается как абсолютная, верховная и ничем не ограниченная – иными словами, как суверенная[383]. Примечательно, что множественность суверенных политий Боссюэ просто воспринимает как данность, никак её не проблематизируя, в

[380] Kaspe S.I. Life, Death, and the State / S.I. Kaspe // Russia in Global Affairs. – 2021. – Vol. 19, no. 3. – P. 183-188.
[381] Ван Кревельд М. Расцвет и упадок государства / М. ван Кревельд; пер. с англ. – М.; Челябинск: ИРИСЭН; Социум, 2019. – С. 254.
[382] Bossuet J-B. Politics drawn from the Very Words of Holy Scripture / J.-B. Bossuet; trans. from the French. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – P. 57.
[383] Ibid. – P. 81-84.

трактате нет полемики против папской или императорской власти[384]. Это свидетельствует о том, что представление о множественности государств к началу XVIII века уже глубоко укоренилось в европейской политической мысли и не требовало какого-либо эксплицитного обоснования. Эта укорененность идеи общества государств проявляется также в рассуждениях Боссюэ о правомерности территориальных завоеваний. Амбициозные завоевания он относит к несправедливым основаниям для войны[385], тем самым логически утверждая нелегитимность любых имперских проектов.

Что касается представлений о времени, в тексте Боссюэ отсутствует какая-либо эсхатологическая аргументация или даже просто упоминания Апокалипсиса. Два раза (один из которых – в приводимой им цитате из Евангелия) встречается формулировка «до конца времён», однако в обоих случаях не подразумевается скорое наступление этого конца или необходимость как-либо его учитывать в политических делах[386]. Напротив, эта формулировка скорее указывает на длительность, отсутствие любых земных сроков завершения, и Боссюэ, комментируя обещание Иисуса апостолам быть с ними «до конца времён», прямо говорит, что тем самым гарантируется земная вечность Церкви[387]. В своём комментарии на Откровение Иоанна Богослова Боссюэ в целом развивал «претеристское» (*preterist*) толкование, согласно которому подавляющее большинство пророчеств Иоанна относились к ранним векам истории христианства и уже сбылись, а дата непосредственно второго пришествия не подлежала вычислениям и, в любом случае, находилась не слишком близко к современности[388].

---

[384] Это, впрочем, не означает, что Боссюэ не вёл полемики по данному вопросу в других случаях. Он был сторонником полной независимости светской (королевской) власти от духовной (папской) и выступил одним из авторов «Галликанской Декларации» 1682 года, открыто провозглашавшей подобную независимость. См.: Barry A. Bossuet and the Gallican Declaration of 1682 / A. Barry // The Catholic Historical Review. – 1929. – Vol. 15, no. 2. – P. 143-153.

[385] Bossuet J-B. Politics drawn from the Very Words of Holy Scripture… – P. 293-296.

[386] Ibid. – P. 197,258.

[387] Ibid. – P. 197.

[388] Lehner U. Apocalypse 2014: Post-Tridentine Catholic Exegesis of Revelation: The Futurist Commentary of Alphonsus Frey (1762) / U. Lehner // Journal of Baroque Studies. – 2014. – Vol. 1, no. 2. – P. 27-29.

Подобная нейтрализация апокалиптики, как мы видели выше также и на примере Бодена, в целом была характерна для теоретиков абсолютизма и божественного права королей – поскольку на апокалиптические толкования часто опирались их интеллектуальные противники из числа теоретиков права на восстание. К примеру, в Англии «участники каждого крупного восстания эпохи Тюдоров легитимировали свои действия каким-либо политическим пророчеством»[389]. Ещё один пример такого рода нейтрализации дают сочинения короля Шотландии (1567-1625) и Англии (1603-1625) Якова Стюарта. Яков I также был ярким теоретиком божественного права королей, который в ходе своего правления был вынужден защищать свои взгляды на суверенитет королевской власти как в теории, так и на практике. Он отстаивал независимость английской короны от Папы Римского, её верховенство над парламентом и установлениями общего права, а также верховенство шотландской короны над местной пресвитерианской церковью[390]. Как и в случае хронологически более поздних сочинений Боссюэ, в основе этих претензий лежала концепция, что короли имеют источником своей власти напрямую Бога и неподотчетны никому, кроме Него[391]. В свою очередь, в написанных ближе к концу жизни комментариях на молитву «Отче наш» Яков прямо критикует хилиастические ожидания тысячелетнего царства и любые попытки – активными действиями или молитвой – приблизить второе пришествие. Его наступление для Якова находится исключительно во власти всемогущей божественной воли. Тем самым, разрывая какую-либо связь между земной деятельностью людей и событием конца, король стремился «подавить потенциально революционные настроения среди своих подданных»[392].

---

[389] Forster J. Anticipating the Apocalypse: An Elizabethan Prophecy / J. Forster // The Historian. – 2001. – Vol. 63, no. 3. – P. 612.

[390] Sommerville J.P. Introduction / J.P. Sommerville // King James VI and I. Political Writings. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. xvi-xxiv. См. также: Bourdin B. The Theological-Political Origins of the Modern State: The Controversy between James I of England and Cardinal Bellarmine / B. Bourdin; trans. from the French. – Washington, D.C.: The Catholic University of America Press, 2010. – 283 p.

[391] Sommerville J.P. Introduction / J.P. Sommerville // King James VI and I. Political Writings… – P. xvii, xx, xxv.

[392] Borot L. James VI and I and Revelation: How to Discourage Millenarian Aspirations / L. Borot // Anglophonia/Caliban. – 1998. – No. 3. – P. 36.

Из этой борьбы теоретиков божественного права королей с милленаристскими настроениями становится видна ещё одна концептуальная причина несовместимости суверенитета с конечной темпоральностью. Событие конца не подконтрольно суверену и, тем самым, функционирует как альтернативный источник авторитета: апеллируя к знанию о близости конца, лидеры апокалиптических движений могли выдвигать на этом основании эксклюзивные, в обход суверена, претензии на руководство стремящимися к спасению людьми. Отстаивание полноты власти требовало установления контроля не только над пространством, но и над временем.

2.1.2. Национальная легитимация суверенитета: темпоральное измерение

Вопрос о темпоральности национализма получил достаточно подробное рассмотрение в знаменитой работе Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества». Андерсон утверждает, что модерная нация как особый тип сообщества стала возможна только после того, как на смену средневековому – одновременно эсхатологическому и архетипическому – восприятию времени пришла на смену идея «гомогенного, пустого времени», измеряемого часами и календарями, внутри которого можно помыслить себе поступательное движение вперёд большого сообщества людей[393]. Структурная зависимость национализма от представлений о безграничности времени будущего дополнительно получает объяснение, если оттолкнуться от ещё одного тезиса Андерсона – о родстве националистического воображения с религиозным в части направленности на решение для человека «проблемы смерти и бессмертия»[394]. Поскольку решение, предлагаемое национализмом, носит секулярный, «посюсторонний» характер, то идея жизни (и смерти!) во имя нации может успешно порождать индивидуальный смысл жизни только в том случае, если сама нация мыслится как вечная, «ускользает в бесконечное будущее»[395].

---

[393] Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. – М.: Кучково поле, 2016. – С. 69-89.
[394] Там же. – С. 52.
[395] Там же. – С. 54.

Аналогичным образом, Б. Бузан и Дж. Лоусон рассматривают национализм как одну из нескольких сформировавшихся в XIX веке «идеологий прогресса», выражавших ощущение движения вперёд и представление о необходимости такого движения для современных обществ[396]. Это наглядно иллюстрируют, в частности, воззрения одного из ключевых, если не ключевого, европейских идеологов национализма XIX века – Джузеппе Мадзини. Идеалом Мадзини было «международное общество демократических национальных государств» – видение, оказавшее влияние на многие последующие проекты многостороннего сотрудничества, не исключая и Лиги Наций с ООН[397]. В свою очередь, его представления о времени и истории хорошо видны из текста работы «Обязанности человека»: «Бог создал [людей] социальными и способными к *прогрессу* [курсив мой. – *Е.У.*]»[398]. Нация у Мадзини вписана в схему последовательного, линейного движения из прошлого в будущее: «медленная работа веков всегда была направлена на то, чтобы <…> создать великое демократическое национальное единство»[399].

Последняя цитата показывает, среди прочего, что для исторического сознания национализма характерно не только проецирование нации в будущее, но и её укоренение в глубоком прошлом. Это выражается, в частности, в реализуемой национальными государствами исторической политике. Хороший пример находим у Марка Ферро: в испанских учебниках истории второй половины XX века происходившие на территории Испании события Второй Пунической войны между Римом и Карфагеном «аппроприируются» как принадлежащие истории испанского государства и народа, «защитники Сагунта» от Ганнибала попадают в перечень испанских национальных героев[400]. Таким образом, вся история оказывается историей (и

---

[396] Buzan B. The Global Transformation: History, Modernity and the Making of International Relations / B. Buzan, G., Lawson. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – P. 97-101.
[397] Mazower M. Governing the World: The History of an Idea / M. Mazower. – New York: Penguin Press, 2012. – P. 48.
[398] Мадзини Дж. Обязанности человека / Дж. Мадзини; пер. с итал. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2023. – С. 143.
[399] Там же. – С. 44.
[400] Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / М. Ферро; пер. с фр. – М.: Книжный клуб 36.6, 2010. – С. 163.

пред-историей) нации, её борьбы за независимость и взаимодействия с другими нациями. В такой картине истории, кроме собственно момента обретения нацией суверенитета, нет других качественных изменений – и нет оснований ждать подобных изменений в будущем. Так мир, разделенный на множество наций-государств, и получает статус бесконечного.

2.2. Темпоральность баланса сил

Теперь необходимо показать, что институт баланса сил: а) зависел от бесконечной темпоральности в смысле возможности его изобретения и артикуляции; б) своим функционированием способствовал воспроизводству представлений о бесконечности времени.

В предшествующих исследованиях уже отмечалось, что идея баланса сил формировалась параллельно и во взаимосвязи с ньютоновской картиной мира с её бесконечным временем и естественными законами[401]. Баланс сил воспринимался как установленный свыше, вечный закон, следование которому обеспечивает свободу независимых государств, а также мир между ними[402]. Такое восприятие находило широкое отражение и в официальных документах – дипломатической переписке, союзных и мирных договорах –, ярким примером чему был Утрехтский мир 1713 года, в котором «справедливый баланс сил» был охарактеризован как «лучшее и самое прочное основание взаимной дружбы и продолжительного всеобщего согласия»[403]. Европейская система государств – несмотря на признание её анархичности, а также важности фактора силы – расценивалась теоретиками баланса сил отнюдь не как «трагическая», но как актуально упорядоченная или, как минимум, потенциально упорядочиваемая как раз посредством

[401] См., в частности: Allan B.B. Scientific Cosmology and International Orders… – P. 75-138.
[402] Butterfield H. The Balance of Power / H. Butterfield // Diplomatic Investigations: Essays in the Theory of International Politic / Ed. by H. Butterfield, M. Wight. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1966. – P. 141–145; Sheehan M. The Balance of Power: History and Theory / M. Sheehan. – London; New York: Routledge, 1996. – P. 33-35.
[403] Wight M. The Balance of Power / M. Wight // Diplomatic Investigations: Essays in the Theory of International Politic / Ed. by H. Butterfield, M. Wight. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1966. – P. 153.

следования принципу баланса сил[404]. Этого представления не нарушали и почти постоянные войны, которые, однако, были ограниченными как в целях, так и в способах их ведения[405]. Таким образом, складывалась следующая картина: суверенное государство, являющееся окончательной и непревзойденной политической формой, упорядочивает и гармонизирует свои отношения с множеством других суверенных государств посредством реализации вечного и неизменного принципа баланса сил. Дальнейшее развитие может быть только количественным, в качественном смысле мир уже достиг, если можно так выразиться, «конца истории» *ante litteram*[406].

Чтобы подкрепить приведенные в предыдущем абзаце выводы, сделанные на основе обзора существующей тематической литературы, рассмотрим, как баланс сил осмыслялся в трудах четырех мыслителей, охватывающих в совокупности разные страны и хронологические периоды: французского богослова Франсуа Фенелона (1651-1715), шотландского философа Дэвида Юма (1711-1776), прусско-австрийского публициста и дипломата Фридриха фон Генца (1764-1832) и американского государственного деятеля и эксперта-международника Генри Киссинджера (1923-2023).

Фенелон обсуждает политику баланса сил в приложении к трактату «Наставления для совести короля» (ок. 1711 года). Вывод о необходимости целенаправленной политики такого рода он делает, основываясь на двух посылках. Во-первых, государство, обладающее фактической способностью подчинить себе другие, не сможет удерживаться от этого «на протяжении целых столетий»[407]. Во-вторых, создаваемые в таких случаях империи – в

---

[404] Ibid. – P. 153-154; Зонова Т.В. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития / Т.В. Зонова. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 17-24.

[405] Sheehan M. The Balance of Power: History and Theory… – P. 100-106.

[406] Данный абзац написан на основе одного из фрагментов статьи: Учаев Е.И. Немыслимость тотальной катастрофы: постапокалиптическая природа модерного политического реализма / Е.И. Учаев, М.В. Харкевич // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2023. – №1. – С. 49-50.

[407] “L'ambition naturelle des souverains, les flatteries de leurs conseillers et la prévention des nations entières, ne permettent pas de croire qu'une nation qui peut subjuguer les autres, s'en abstienne pendant des siècles entiers”. См.: Fenelon F. Directions pour la conscience d'un roi, ou, Examen de conscience sur les devoirs de la royauté / F. Fenelon. - A Paris: Chez A. A. Renouard, 1825. – P. 88.

пример приводятся Римская империя, империи Карла Великого и Александра Македонского – никогда не живут долго, а их распад становится причиной новых бедствий и ужасов[408]. Потеряв связь с христианской эсхатологией, история империй оказывается лишь бесконечным циклом подъема и упадка, кровавых завоеваний и не менее кровавых распадов – и потому теряет легитимность. Следовательно, необходимо поддерживать состояние примерного равновесия сил, что может достигаться как путем объединения более слабых государств в коалиции, так и посредством самоограничения более сильных. Такое состояние охарактеризовано как «наиболее мудрое и счастливое», а причиной его нарушений названы чрезмерные амбиции – если их устранить, баланс может существовать сколь угодно долго[409]. Мы видим, таким образом, что принцип баланса сил Фенелон формулирует, рассматривая международную политику в горизонте неограниченного будущего.

Небольшое эссе Юма «О балансе сил» более показательно в отношении обратного влияния функционирующего баланса на укрепление бесконечной темпоральности. Юм находит примеры следования этому принципу в том числе в Древней Греции и заключает, что «максима поддержания баланса сил настолько основана на здравом смысле и очевидных рассуждениях, что она просто не могла не быть известна в Античности»[410]. Как следствие, для Юма вся история международных отношений от древности до современности становится гомогенной, лишенной качественных изменений, что дает основания и в будущем ждать неограниченного воспроизведения тех же самых паттернов. Как и у Фенелона, у Юма нормативное предпочтение в пользу межгосударственного баланса сил основывается на том, что империи неизбежно и достаточно быстро распадаются[411].

---

[408] “Ces empires immenses, qui ont fait tant de maux en se formant, en font, bientôt après, d'autres encore plus effroyables, en tombant par terre”. См. Ibid. – P. 99.

[409] Ibid. – P. 101-105.

[410] Hume D. Of the balance of power // Political Essays / D. Hume. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. 157-158.

[411] «Огромные монархии, вероятно, разрушительны для человеческой природы – как во время своего становления, так и в момент устойчивого существования, и даже в момент своего падения, который никогда не отстоит слишком далеко от момента создания». См.: Ibid. – P. 160.

Далее, у фон Генца институт баланса сил также оказывается встроен в бесконечный временной горизонт. Так, он характеризует предписания, следующие из концепции баланса сил, как «необходимые вечные условия» обеспечения прав членов европейского общества государств[412]. Особенно показательным оказывается уточнение, что систему баланса сил «было бы, возможно, уместнее назвать системой противовесов», поскольку «её наивысшим результатом является не столько совершенное равновесие, сколько постоянное чередующееся колебание чаш весов, которое, благодаря применению грузов-противовесов, никогда не пересекает определенных пределов»[413]. Такая метафора не подразумевает какого-либо конца описываемого ею процесса, но лишь циклическое, потенциально бесконечное движение уравновешивающих друг друга сил.

Вместе с тем, фон Генц пишет свою работу в 1806 году, в момент расцвета наполеоновского имперского проекта, и, как следствие, в тексте (особенно во введении) явно присутствует и другая темпоральность – ощущение кризиса, решающего момента, в отдельных местах передаваемое даже квази-апокалиптической риторикой о «служителе тьмы» и цитатами из книги пророка Исайи[414]. Однако это уже не темпоральность баланса сил, а напротив, темпоральность надвигающейся империи и борьбы с ней, что стало возможным как раз вследствие распада системы баланса сил. Кроме того, в более широкой временной перспективе этот кризис отнюдь не мыслится фон Генцем как окончательный или как знаменующий переход в какое-то качественно новое состояние. Даже если сейчас тьма сгущается, затем все равно неизбежно «почувствуется оживляющее воздействие солнца»[415], а избавит Европу от империи Наполеона ни что иное как возврат к политике баланса сил, которая обеспечит защиту межгосударственного европейского

[412] Gentz F. von. Fragments upon the Balance of Power in Europe / F. von Gentz; trans. from the German. – London, 1806. – P. 61.
[413] Ibid. – P. 63.
[414] Ibid. – P. xix, xxv.
[415] Ibid. – P. li.

порядка «на многие века вперед»[416], ознаменует «новый бессмертный союз между свободой, порядком и миром ради счастья будущих времен»[417]. Общество суверенных государств уже настолько воспринимается австрийским дипломатом как естественное и желательное состояние, что будущее – даже в период кризиса – мыслится исключительно как возврат к этому состоянию и его сохранение «на многие века вперед».

Наконец, Генри Киссинджер в заключении своего исследования дипломатии Европейского концерта прямо отмечает, что темпоральность политики равновесия не совпадает с темпоральностью пророчества: последняя подразумевает «отказ от истории», «попытку избавиться от течения времени», тогда как баланс сил основывается на принятии «необходимости жить во [времени]»[418]. Наблюдение за исторической практикой баланса сил, таким образом, порождает у Киссинджера восприятие исторического времени как открытого, безгранично текущего вперед, свидетельством чего является, в частности, его замечание 1970-х годов: «Государственный деятель должен действовать так, *словно его страна бессмертна*. Мои действия основывались на предпосылке, что наши проблемы имеют решение [курсив мой. – *Е.У.*]»[419]. Это восприятие сохраняется и в его поздних работах: «Историю можно рассматривать как реку, но её воды все время меняются»[420]. Такая темпоральность, в свою очередь, укрепляет приверженность американского дипломата межгосударственной системе баланса сил: даже в эпоху искусственного интеллекта и ядерного оружия рецепт для построения устойчивого международного порядка он видит в «модернизации Вестфальской системы с учетом современных реалий»[421].

---

[416] Ibid. – P. xlvii.
[417] Ibid. – P. xlv.
[418] Kissinger H. A World Restored: Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace 1812-1822 / H. Kissinger. – Boston; Cambridge: Houghton Mifflin Co.; The Riverside Pres, 1957. – P. 316-317.
[419] Цит. по: Beisner R.L. History and Henry Kissinger / R.L. Beisner // Diplomatic History. – 1990. – Vol. 14, no. 4. – P. 511.
[420] Kissinger H. World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History / H. Kissinger. – Penguin Books, 2015. – P. 374.
[421] Ibid. – P. 373.

Кроме того, ещё одним наглядным примером влияния института баланса сил на укрепление бесконечной темпоральности выступает сама теория международных отношений. Как отмечает Джон Хобсон, основные направления ТМО характеризуются двумя взаимосвязанными формами а-историзма: хронофетишизмом, подразумевающим «иллюзию неизменности, когда настоящее рассматривается как вечное, поскольку оно считается естественным и невосприимчивым к структурным изменениям», и темпоцентризмом, проецирующим современное состояние международной политики на всю её историю[422]. Одним из источников данных форм а-историзма – особенно для реалистских теорий – выступает как раз рефлексия над повторяющимися паттернами конкуренции государств в рамках системы баланса сил[423]. Поскольку же теория международных отношений – это «практический дискурс»[424], то она далее способствует воспроизводству подобной бесконечной темпоральности в мышлении лиц, принимающих решения, как непосредственно через их образование, так и через влияние экспертной среды.

2.3. Темпоральность мультилатерализма

В анализе темпоральности многосторонности начнём с Первой Гаагской конференции 1899 года, которая, согласно К. Ройс-Смиту, стала первым полноценным выражением данного института[425]. Преобладавшие тогда представления о времени и истории наглядно отражаются в речах председателя Конференции, российского дипломата барона Е.Е. Стааля на втором и заключительном пленарных заседаниях, а также в выступлениях других участников конференции.

---

[422] Hobson J.M. What's at Stake in “Bringing Historical Sociology Back into International Relations”? Transcending “Chronofetishism” and “Tempocentrism” in International Relations / J.M. Hobson // Historical Sociology of International Relations / Ed. by S. Hobden, J.M. Hobson. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – P. 6-9.
[423] Ibid. – P. 8,10.
[424] Reus-Smit C. Between Utopia and Reality: The Practical Discourses of International Relations / C. Reus-Smit, D. Snidal // The Oxford Handbook of International Relations / Ed. by C. Reus-Smit, D. Snidal. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 3-37.
[425] Reus-Smit C. The Moral Purpose of the State… – P. 131-134,140-145.

Центральным элементом этой темпоральности оказывается идея прогресса. Во-первых, Стааль отмечает положительное развитие характера международных отношений: «Узы, связывающие различные ветви великой человеческой семьи, всё более и более сближают их друг с другом»[426]. Во-вторых, сама Гаагская конференция в момент её начала осмысляется как важный этап этого прогрессивного движения вперёд: «Правительства цивилизованных народов уже заключали международные соглашения, ознаменовавшие собой важные этапы [в деле смягчения ужасов войны]. Наша задача в том, чтобы достичь новых высот…»[427]. К этой же мысли российский дипломат возвращается и в своём заключительном слове на последнем заседании: «На протяжении многих лет <…> я наблюдал всё возрастающее влияние моральных идей на политические отношения. Это влияние достигло сегодня знаменательного этапа»[428]. В-третьих, прогресс международных отношений продолжится и после конференции, уже с подспорьем в виде результатов её работы: «Несомненно, эти труды <…> получат развитие в будущем»[429]. Эта идея отражена и в заключительном слове главы немецкой делегации Георга Герберта Мюнстера: «Даже если конференция и не воплотила в жизнь все свои стремления <…>, она как минимум окажет огромное влияние на будущее, и посеянные ею семена обязательно прорастут»[430]. Наиболее радикальное выражение мысль о влиянии конференции на дальнейшее развитие международной политики нашла в выступлении Министра иностранных дел Нидерландов Виллема де Бофорта, который утверждал, что она «открыла новую эру в истории международных отношений между цивилизованными народами»[431].

---

[426] The Proceedings of The Hague Peace Conferences. Translation of the Official Texts. The Conference of 1899. – New York: Oxford University Press, 1920. – P. 18.
[427] Ibid. – P. 19.
[428] Ibid. – P. 224.
[429] Ibid. – P. 225. Эта мысль в заключительной речи Стааля появляется неоднократно: «Вы, господа, кто моложе Вашего председателя, без сомнений добьетесь дальнейшего прогресса на начатом нами пути» (Ibid. – P. 224); «… я считаю величайшим утешением видеть, как открываются новые перспективы для блага человечества, и иметь возможность вглядываться в светлое будущее» (Ibid. – P. 225).
[430] Ibid. – P. 226.
[431] Ibid. – P. 227. В целом формулировка «новая эра» в указанном смысле встречается в материалах конференции 5 раз.

Таким образом, можно заключить, что становление мультилатерализма проходило под влиянием концепции прогресса: время движется вперёд, и это движение приносит с собой качественное развитие и улучшение. Более того, представляется, что институт многосторонности зависит от представлений о возможности прогресса непосредственно в своём процедурном аспекте. Вспомним, что в главе 1 мы, вслед за Дж. Рагги, определили мультилатерализм через недискриминацию и формальное равенство сторон. Это логически подразумевает, что решения должны приниматься консенсусом по принципу «одна страна, один голос» (чему подтверждением и Гаагская конференция, и большинство многосторонних механизмов сегодня). Далее, если требуется многостороннее сотрудничество, значит исходно существует некая проблема, которую оно призвано решить, имеются разногласия, противоречия, отсутствие координации. Следовательно, институт многосторонности опирается на представление, что возможно (и даже вероятно) прогрессивное движение от исходных разногласий к итоговому всеобщему согласию, которое позволит принять устраивающее всех решение. Подтверждение этому мы можем увидеть, опять же, в материалах Первой Гаагской конференции, а именно, в выступлении французского дипломата Бенжамена д'Эстурнеля де Констана: «Мы прибыли в Гаагу изо всех уголков мира, не зная друг друга, в нас было больше предубеждений и неуверенности, чем надежды; сегодня многие предубеждения развеялись; а доверие и симпатия укрепились между нами. Именно это согласие, родившееся из приверженности всех нас общему делу, позволило достичь первой ступени прогресса»[432]. В свою очередь, такое представление о возможности успешного развития многосторонних переговоров (причем не каких-то единичных, а как способа решения потенциально самых разных проблем) наиболее прочно обосновывается и натурализуется в рамках картины мира, включающей в себя общую идею прогресса.

[432] Ibid. – P. 226.

Дополнительным подтверждением этому может служить и закрепление в Преамбуле Устава ООН – а универсальные многосторонние организации являются одним из самых ярких проявлений мультилатерализма – стремления «содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе»[433].

В свою очередь, особенности функционирования механизмов многостороннего сотрудничества воспроизводят восприятие времени как неограниченно текущего в будущее. Во-первых, в силу равенства сторон и принципа консенсуса скорость принятия решения оказывается подчинена задаче обеспечения всеобщего согласия. На ранних многосторонних конференциях время их работы в принципе не ограничивалось. Дневниковые записи российского делегата на Первой и Второй Гаагских конференциях, юриста-международника Ф.Ф. Мартенса наглядно иллюстрируют это ощущение неограниченности временного горизонта: «Моя Комиссия <…> все не может кончить своего дела. <…> Со всех сторон сыплются новые предложения, новые редакции старых статей и новые вымыслы»[434]; «Вот Конференция заседает уже 7 недель, и конца её заседаний совершенно нельзя предсказать»[435].

Во-вторых, достаточно рано (на тех же Гаагских конференциях)[436] появляется идея регулярности многостороннего сотрудничества, конференции перестают мыслиться как разовое, единичное событие. Это, в свою очередь, порождает практику передачи вопросов, которые не удалось разрешить, на рассмотрение следующей конференции[437]. Своё наиболее полное воплощение

---

[433] Устав ООН (полный текст) // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения 20.09.2025).

[434] Практическое международное право и дипломатия Ф.Ф. Мартенса. Из дневников, трактатов, конвенций / Отв. ред. Е.Р. Воронин, А.В. Кукушкина. – М.: МГИМО-Университет, 2023. – С. 350.

[435] Там же. – С. 557.

[436] Как ещё более ранний пример можно вспомнить и конгрессы Европейского концерта конца 1810-х – 1820-х годов.

[437] Наглядный пример опять находим в дневниках Мартенса: «Наступило второе опасное предложение: распространить на морские города правила Декларации о бомбардировании открытых городов. Я знал, что если это предложение будет обсуждаться и принято, наступит полный разлад между членами конференции. Я предложил: поставить также и этот вопрос в программу будущей конференции. И это предложение было принято единогласно» (Практическое международное право и дипломатия Ф.Ф. Мартенса… – С. 355). Всего, согласно Итоговому Акту конференции 1899 г., на рассмотрение следующей конференции было передано 2

этот принцип регулярности находит затем в постоянных международных организациях, а также, в частности, в механизме конференций сторон определенного договора (*Conference of the Parties*), который с 1970-х годов получает распространение сначала в сфере международного экологического сотрудничества, а с 1990-х – и в других областях[438]. Что важно, подобное институциональное устройство формирует отношение к обсуждаемым вопросам как не имеющим какого-либо принципиального срока для их разрешения. Наглядный пример даёт работа Конференции сторон Рамочной конвенции об изменении климата: хотя использование ископаемого топлива было признано (причем признано официально – Межправительственной группой экспертов по изменению климат) одним из ключевых факторов роста концентрации парниковых газов ещё в 1990-е[439], обязательство по «переходу от ископаемого топлива в энергетических системах» было впервые закреплено лишь на 28-й Конференции сторон в 2023 году[440].

Представления о существовании жесткого срока, в который должна быть решена проблема, неизбежно будут входить в конфликт с приоритетом консенсусного согласования и, тем самым, подрывать общую легитимность института мультилатерализма[441]. Общая логика здесь аналогична децизионистской критике парламентаризма, как её излагает Карл Шмитт: если требуется принятие решения и конкретное действие, то принцип всеобщей

вопроса (The Proceedings of The Hague Peace Conferences. Translation of the Official Texts. The Conference of 1899. – New York: Oxford University Press, 1920. – P. 233-234).

[438] См.: Rioseco S. Conferences of the Parties beyond International Environmental Law: How COPs Influence the Content and Implementation of Their Parent Treaties / S. Rioseco // Leiden Journal of International Law. – 2023. – Vol. 36, no. 3. – P. 700-701.

[439] См., например: IPCC. IPCC Second Assessment. Climate Change 1995: A Report of The Intergovernmental Panel on Climate Change // WMO; UNEP. – 73 p. – URL: https://archive.ipcc.ch/pdf/climate-changes-1995/ipcc-2nd-assessment/2nd-assessment-en.pdf (дата обращения 20.09.2025).

[440] UN Climate Press Release. COP28 Agreement Signals “Beginning of the End” of the Fossil Fuel Era // UN Climate Change. – 13.12.2023. – URL: https://unfccc.int/news/cop28-agreement-signals-beginning-of-the-end-of-the-fossil-fuel-era (дата обращения 20.09.2025).

[441] Пример подобной делегитимации многосторонней дипломатии с использованием аргумента от неотложности решения климатических проблем даёт недавняя публицистическая статья одного нидерландского философа: «Столкнувшись с расходящимися национальными интересами и безудержным промышленным лоббизмом, традиционный мультилатерализм показал себя трагически неприспособленным для решения долгосрочных планетарных кризисов». См.: Reybrouck D. How to run the world / D. Reybrouck // Aeon. – 29.07.2025. – URL: https://aeon.co/essays/we-need-a-planetary-system-of-diplomacy-for-the-21st-century (дата обращения 20.09.2025).

равной дискуссии, имеющей склонность затягиваться неограниченно долго, не может быть оправдан[442]. Кроме того, откладывание сложных вопросов на рассмотрение следующих конференций имеет содержательный смысл в том случае, если ожидается, что со временем разрешение этих вопросов станет более вероятным – то есть, опять же, при наличии общего представления о возможности прогресса.

2.4. Темпоральность международного права

В главе 1 мы отметили, что в истории Вестфальской политической системы мира международного право понималось двумя основными способами: как право естественное и как право позитивное. Рассмотрим поочередно оба эти понимания на предмет их темпоральности.

Естественное международное право по самой своей сути подразумевает бесконечность времени, причем бесконечность статическую, неизменную. Это вытекает из определения естественного права (обратимся для примера к одному из основоположников международного права Гуго Гроцию) как «предписания здравого разума, коим то или иное действие, в зависимости от его соответствия или противоречия самой разумной природе, признается либо морально позорным, либо морально необходимым»[443]. Иными словами, это право, следующей из самой природы вещей, а поскольку природа вещей неизменна, то неизменно и естественное право, причем для Гроция оно «столь незыблемо, что не может быть изменено даже самим Богом»[444]. Неизменность естественного права, а следовательно, и той части международного права, которая вытекает из применения естественного права к отношениям между государствами, отмечает и другой классик, Эмер де Ваттель. Из этого он

[442] Например: «… идеал политической жизни состоит в том, чтобы дискутировала не только законодательная корпорация, но и всё население, чтобы человеческое общество превратилось в огромный клуб, а истина таким образом получалась бы сама собой путём голосования. Доносо считает, что все это только метод уходить от ответственности <…> с тем, чтобы в конечном счете не нужно было принимать решение». См.: Шмитт К. Политическая теология: четыре главы к учению о суверенитете // Понятие политического / К. Шмитт; пер. с нем. – СПб.: Наука, 2016. – С. 55-56.
[443] Гроций Г. О праве войны и мира / Г. Гроций; пер. с лат. – М.: АСТ: ОГИЗ, 2023. – С. 34.
[444] Там же. – С. 35.

заключает: «так как это право неизменно, и вытекающие из него обязательства суть необходимые и неустранимые, государства не могут ни внести в него никаких изменений своими соглашениями, ни игнорировать его в своих собственных действиях, ни взаимно освободить друг друга от его соблюдения»[445]. Таким образом, институт естественного международного права покоится на представлении о существовании некоего неизменного фундаментального плана бытия, в наиболее смелых трактовках неподвластного даже Богу и, тем более, не имеющему какой-либо границы существования во времени.

Когда же международное право начало пониматься как преимущественно право позитивное, то есть, проистекающее из совместного волеизъявления самих государств, то оно достаточно быстро соединилось с идеей прогресса: появилось представление, что государства в своем взаимодействии могут и будут постепенно развивать международное право, увеличивая его значение для регулирования международных отношений. Идея прогрессивного развития международного права, встраивалась, таким образом, в общую схему представлений о прогрессе человеческой цивилизации. Это можно продемонстрировать как на материале теоретических работ по международному праву XIX – начала XX века, так и на примере практического международного права данного периода.

Так, в предисловии к 3-му изданию (1845 г.) своей классической работы «Начала международного права» американский дипломат и юрист Генри Уитон утверждал, что «было бы трудно назвать группу авторов, которые бы внесли больший вклад в содействие прогрессу цивилизации», чем Гуго Гроций и юристы его школы[446]. У знаменитого российского юриста-международника Ф.Ф. Мартенса в его труде «Современное международное право цивилизованных народов» (1-е издание в 1882 году) обнаруживается уже

[445] Vattel E. The Law of Nations / E. de Vattel; trans. from the French. – Indianapolis: Liberty Fund, Inc., 2008. – P. 70.
[446] Wheaton H. Elements of International Law / H. Wheaton; [literal reproduction of 1866 ed.]. – New York; London: Oceana Publications Inc.; Wildy & Sons Ltd., 1964. – p. xv.

значительно более проработанная концепция прогресса. Согласно Мартенсу, «основным законом всей истории международного права <…> служит закон прогрессивного развития международных отношений», где критерием уровня развития выступает «степень признания, которое находит человек сам по себе»[447]. История международных отношений с этой точки зрения разделяется на три последовательных этапа: от «разобщенности народов и господства между ними физической силы» в античности и средневековье через «идею политического равновесия» в период от Вестфальского мира до Французской революции к главенствующей роли «принципа национальности» после 1815 года[448]. Развитие же международного права постепенно подводит к следующему этапу, так как «господствующим принципом [международных отношений] будущего может быть только – идея права в самом обширном смысле этого слова»[449].

Отличный по конкретному содержанию, но сходный в плане опоры на темпоральность прогресса подход к международному праву мы находим в трудах крупного немецко-английского юриста-международника начала XX века Лассы Оппенгейма. Он рассматривает международное право как исторический феномен, который «постепенно развивался начиная со второй половины Средних веков»[450], достигнув к моменту жизни автора состояния, когда «разные государства признают юридически обязывающий характер норм международного права, содержащихся в бесчисленных договорах»[451]. В будущем же, утверждает Оппенгейм, «гарантирован неизмеримый прогресс международного права»[452], причем отдельно уточняется, что этот прогресс носит характер бесконечного движения к идеалу, к которому можно приближаться, но не реализовать в совершенстве[453]. Эти взгляды получают

[447] Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. I / Ф.Ф. Мартенс. – 2-е изд., доп. и испр. – СПб.: Типография А. Бенке, 1887. – С. 23-24.
[448] Там же. – С. 25-28.
[449] Там же. – С. 30.
[450] Oppenheim L. International Law: A Treatise. Vol. I / L. Oppenheim. – London: Longmans, Green, and Co., 1905. – P. 4.
[451] Ibid. – P. 14.
[452] Ibid. – P. 76.
[453] Ibid. – P. 75.

ещё более концентрированное выражение в его небольшой брошюре «Будущее международного права» (впервые изданной в 1911 году), где говорится, среди прочего, о «постепенном исчезновении войны» благодаря развитию международного права[454], отмирании «устаревших моральных воззрений», препятствующих этому развитию[455], а также о движении человечества «ко всё более высоким уровням совершенства» под воздействием «силы добра»[456].

Обратимся теперь к более практическим примерам. Так, в Уставе Института международного права, учрежденного в 1873 в Генте как транснациональное научное общество, объединяющее выдающихся юристов-международников из разных стран мира, в качестве первой по очередности цели Института указывалось «содействие прогрессу международного права», причем из формулировок остальных целей следовало, что этот прогресс должен был содействовать общему улучшению отношений между разными государствами и народами[457]. Показательна и уже упоминавшаяся выше (в параграфе про мультилатерализм) речь Е.Е. Стааля на закрытии Первой Гаагской конференции 1899 года, отражающая представление о возможности прогресса даже в отношении «основополагающих принципов международного права». Они мыслятся как что-то, что можно «облечь в более четкую формулировку, развить, применить более полно». Можно также создать «новое право, чтобы удовлетворить новые нужды» [458].

В речи министра иностранных дел Нидерландов на открытии первой Конференции по кодификации международного права, созванной под эгидой Лиги Наций в Гааге в 1930 году, вновь виден ярко выраженный нарратив прогресса. Отсутствие норм международного права мыслится как то, что в

---

[454] Oppenheim L. The Future of International Law / L. Oppenheim. – Oxford: Clarendon Press, 1921. – P. 14.
[455] Ibid. – P. 15.
[456] Ibid. – P. 68.
[457] Statuts votés par la Conférence Juridique internationale de Gand, le 10 Septembre 1873 // Institut De Droit International. Annuaire. Tome 1. 1877. – Bad Feilnbach: Schmidt Periodicals Gmbh, 1994. – P. 1-2. – URL: https://www.idi-iil.org/app/uploads/2017/04/1877-vol_1_Sessions-de-Gen%C3%A8ve-1874-et-de-La-Haye-1875.pdf (дата обращения 20.09.2025).
[458] The Proceedings of The Hague Peace Conferences. Translation of the Official Texts. The Conference of 1899. – New York: Oxford University Press, 1920. – P. 224.

прошлом часто «препятствовало энергичному продвижению стран по пути прогресса», тогда как «сегодня, благодаря развитию права, международная юрисдикция сможет во все большей степени распространить свое влияние на всю сферу, которая должна быть ей доверена, если народы хотят когда-либо освободиться от этого ужасающего бедствия, войны»[459]. В выступлении же председателя Конференции наглядно описан механизм ожидаемого прогрессивного развития международного права вследствие работы этой и будущих аналогичных конференций: от отдельных норм к их закреплению в конвенциях, от отдельных конвенций к формированию «кодекса международного права», который, в свою очередь, «будет постоянно развиваться»[460].

Наконец, понимание международного права как чего-то, подлежащего «прогрессивному развитию» было закреплено в формулировке статьи 13 Устава ООН[461], а задача «поощрения прогрессивного развития международного права и его кодификации» была возложена на Комиссию международного права, учрежденную резолюцией ГА ООН 174(II) в 1947 году[462].

Отметим также, что позитивное международное право тесно связано с институтом мультилатерализма. Во-первых, международно-правовые документы принимаются в рамках многосторонних форумов, во-вторых, механизмы многостороннего сотрудничества выступают одним из основных инструментов имплементации принятых соглашений[463]. С этой точки зрения предельно логично, что оба эти института связаны с одной и той же темпоральностью – представлениями о бесконечном прогрессе. В частности,

---

[459] League of Nations. Acts of the Conference for the Codification of International Law. Held at The Hague from March 13th to April 12th, 1930. Vol. I. Plenary Meetings. – Geneva, August 19th, 1930. – P. 15. – URL: https://icsid.worldbank.org/sites/default/files/parties_publications/C8394/Claimants%27%20documents/CL%20-%20Exhibits/CL-0236.pdf (дата обращения 20.09.2025).
[460] Ibid. – P. 18.
[461] Пункт 1a статьи 13: Устав ООН (полный текст) // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения 20.09.2025).
[462] ООН. Резолюция ГА ООН от 21 ноября 1947 г. №174(II) «Учреждение Комиссии международного права» // Организация Объединенных Наций. – URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/174(II) (дата обращения 20.09.2025).
[463] Reus-Smit C. The Moral Purpose of the State… – P. 131-132.

любопытно, что в выступлении председателя Конференции по кодификации международного права 1930 года формулируется то же ожидание движения от разногласий к согласию, которое мы ранее описали как лежащее в основе института многосторонности: хотя «ответы правительств на вопросы Подготовительного комитета обнаружили существование значительного расхождения во мнениях», все же есть основания «надеяться, что наши обсуждения принесут результат и позволят добиться действительного прогресса в международном праве»[464].

***

Для иллюстрации взаимосвязи современного международного права с представлениями о бесконечности времени также имеет смысл уже сейчас рассмотреть два консультативных заключения Международного суда ООН по вопросам 1) ядерного оружия и 2) изменения климата – вопросам, потенциально затрагивающим сами перспективы существования человечества и, тем самым, ставящими под сомнения представления о бесконечности его времени. (Подробное рассмотрение противоречий, возникающих из столкновения бесконечной темпоральности Вестфаля с данными двумя феноменами, представлено в главе 3).

В 1996 году МС ООН вынес консультативное заключение по вопросу о легальности угрозы или применения ядерного оружия. В этом заключении Суд отметил: «Разрушительная сила ядерного оружия не может быть ограничена ни в пространстве, ни во времени. Оно обладает потенциалом уничтожения всей цивилизации и всей экосистемы нашей планеты»[465]. Однако, что примечательно, несмотря на подобное признание уникальных характеристик ядерного оружия, Суд, во-первых, отказался считать, что эта уникальность как-либо влияет на применимость международного гуманитарного права,

[464] League of Nations. Acts of the Conference for the Codification of International Law. Held at The Hague from March 13th to April 12th, 1930. Vol. I. Plenary Meetings. – Geneva, August 19th, 1930. – P. 18-19. – URL: https://icsid.worldbank.org/sites/default/files/parties_publications/C8394/Claimants%27%20documents/CL%20-%20Exhibits/CL-0236.pdf (дата обращения 20.09.2025).

[465] ICJ. Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion of 8 July 1996 // International Court of Justice Reports 1996. – P. 243. – URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/95/095-19960708-ADV-01-00-EN.pdf (дата обращения 20.09.2025).

утверждая, по сути, вневременной характер последнего, его применимость «ко всем формам боевых действий и ко всем видам вооружений, прошлым, настоящим и будущим»[466]. Во-вторых, Суд посчитал, что уникальная разрушительная мощь ядерного оружия никак не влияет на релевантность «фундаментального права каждого государства на выживание, и, следовательно, права на самооборону <…>, когда выживание на кону»[467]. Любопытным образом, здесь уже почти нет следов темпоральности прогресса, но обсуждаемые основополагающие международно-правовые принципы по-прежнему концептуализированы как существующие в ничем (даже перспективой ядерной войны) не ограниченном временном горизонте.

30 лет спустя – в 2025 году – Суд вынес ещё одно громкое консультативное заключение, теперь по вопросу об обязательствах государств в отношении изменения климата. В контексте нашей темы основной интерес в нём представляет последний параграф мотивировочной части. Отмечая, что будучи ограничен собственной «судебной функцией», он рассматривал поставленные перед ним вопросы исключительно в правовой плоскости, Суд, вместе с тем, указал, что эти вопросы «представляют собой больше, чем правовую проблему, они затрагивают экзистенциальную проблему глобальных масштабов, которая угрожает всем формам жизни и самому здоровью нашей планеты»[468]. Такое понимание уникального и чрезвычайного характера проблемы далее обусловило следующее признание: «В решении этой проблемы международное право, к авторитету которого апеллировала Генеральная Ассамблея, может сыграть важную, но в конечном счете ограниченную роль. <…> Прежде всего, устойчивое и удовлетворительное решение требует человеческой воли и мудрости – на индивидуальном,

[466] Ibid. – P. 259.
[467] Ibid. – P. 263. Здесь нетрудно увидеть противоречие: если использование некоторого средства обладает потенциалом «уничтожения всей цивилизации», то обоснование этого использования правом государства (являющегося частью той же самой цивилизации) на выживание оказывается проблематичным. Суд, однако, либо не увидел противоречия, либо предпочел никак его не обсуждать.
[468] ICJ. Obligations Of States in Respect of Climate Change, 23 July 2025, Advisory Opinion // International Court of Justice. – P. 129. – URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/187/187-20250723-adv-01-00-en.pdf (дата обращения 20.09.2025).

общественном и политическом уровнях –, чтобы изменить наши привычки, обычаи и текущий образ жизни ради обеспечения будущего нас самих и наших потомков»[469]. Чтобы понять всю примечательно этих формулировок, достаточно сравнить их с приводившимися на предыдущих страницах полными оптимизма надеждами на способность международного права разрешить любые проблемы международной жизни (включая, заметим, проблему войны). Представляется, что этот параграф консультативного заключения МС ООН выступает ещё одним – на сей раз, в виде доказательства «от противного» – свидетельством бесконечной темпоральности международного права: сталкиваясь с угрозой конца человеческой цивилизации, оно остро осознаёт собственную ограниченность, а следовательно, полноценно функционировать этот институт может только в отсутствие такой угрозы, в бесконечном времени.

2.5. Секулярные эсхатологии Модерна и Вестфальский порядок[470]

Хотя представление о бесконечности времени (в циклически-статичной и линейно-прогрессивной вариациях) является в Модерне преобладающим, оно не исключает полностью другие темпоральности, которые, в основном находясь на втором плане, в отдельные периоды и для отдельных социальных групп могут становится более значимыми. В частности, в Новое время есть примеры философий истории, полностью сохраняющих темпоральную структуру христианской эсхатологии, включая наличие финальной точки – с той модификацией, что эта точка начинает мыслится не как «конец времен», но как завершение процесса исторического развития – «конец истории» – после достижения которого наступает наивысшее и совершенное состояние человеческого бытия[471]. Будет уместно рассмотреть взаимодействие подобных

[469] Ibid. – P. 129-130.

[470] При написании данного параграфа использованы материалы одного из разделов статьи: Учаев Е.И. Катехоническая темпоральность и политическая форма: к обоснованию двойного представительства / Е.И. Учаев // Социологическое обозрение. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 157-158.

[471] Так, Эрик Фегёлин отмечал, что если прогрессивизм оказывается результатом частичного переноса христианской эсхатологии в мирскую плоскость, при котором «акцентируется именно движение и

философий истории – можно также называть их «секулярными эсхатологиями» – с основными институтами Вестфальского порядка, поскольку, если бы выяснилось, что они оказываются совместимы, это поставило бы под сомнение тезис о бесконечной темпоральности Вестфаля.

Поскольку большинство западных секулярных эсхатологий XIX-XX веков испытали на себе влияние гегельянства, будет логично начать именно с него. Для самого Гегеля современное ему общество государств, насколько можно судить, виделось как раз конечным состоянием исторического развития[472]: в государстве дух достигает «истинного примирения» с самим собой и тем самым полностью реализуется[473]. Поэтому суверенитет и взаимное признание суверенными государствами друг друга, а также международное право[474] находят место в философской системе Гегеля, но существуют они в ней уже в бесконечной темпоральности после конца истории. Применительно к чистому гегельянству анализом философской системы и приходиться ограничиться, поскольку распространения в качестве идеологии или мировоззрения широких слоёв населения оно само по себе не получило.

Более иллюстративным для наших целей служит пример марксизма и коммунистического движения. Эсхатологический характер марксизма, где история мыслится как поэтапное движение к конечному совершенному состоянию (коммунистическому строю), равно как и отрицание им всех основ Вестфаля вплоть до существования после перехода к коммунизму государства и вообще всякой политической власти едва ли нуждаются в специальном доказательстве – и то, и другое прямо следует из «Манифеста

оставляется без внимания окончательное совершенство», то результатом полного переноса «становится активный мистицизм состояния совершенства, которое должно достигаться через революционное преобразование человеческой природы, как, например, в марксизме». См.: Фёгелин Э. Новая наука политики: Введение / Э. Фёгелин; пер. с англ. – СПб.: Владимир Даль, 2021.– С. 259-260.

[472] Ван Кревельд М. Расцвет и упадок государства / М. ван Кревельд; пер. с англ. – М.; Челябинск: ИРИСЭН; Социум, 2019. – С. 242-244.

[473] См.: Гегель Г.Ф.В. Философия права / Г.Ф.В. Гегель; пер. с нем. – М.: Мысль, 1990. – С. 377,481-483.

[474] Там же. – С. 364-369.

коммунистической партии»[475] и других основных сочинений марксизма[476]. Если обратиться от теории к практике, то мессианский характер мировоззрения большевиков, особенно ранних, их вера в возможность создания нового человека и «рая на земле» путём мировой революции также были убедительно показаны, например, Юрием Слёзкиным и Игалом Халфиным[477]. Известна и направленность «внешней политики» (если здесь вообще применим этот термин) ранней Советской России на подрыв основ Вестфаля и распространение коммунистической революции на весь мир[478]. Подобные настроения наглядно иллюстрируют содержавшийся в Декрете о мире призыв к рабочим Англии, Франции и Германии «успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации»[479], а также, к примеру, заявление Я.М. Свердлова на заседании ВЦИК 13 ноября 1918 года о «международном характере нашей Российской революции» и движении событий к созданию «общего Всемирного ЦИК»[480].

Что, возможно, несколько менее очевидно, так это то, что двойственность последующего существования СССР – как одновременно великой державы, действующей по правилам Вестфаля, и центра пролетарского интернационализма, стремящегося к радикальной

---

[475] Например: «Когда в ходе развития исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер. <…> На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». См.: Маркс К. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс; пер. с англ. – М.: Common place, 2013. – С. 54.

[476] Об эсхатологической природе марксизма см., в частности: Таубес Я. Западная эсхатология / Я. Таубес; пер с нем. – СПб.: Владимир Даль, 2023. – С. 343-394; Агамбен Дж. Оставшееся время: Комментарий к Посланию к Римлянам / Дж. Агамбен; пер. с итал. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – С. 46-49,80-81.

О марксистском проекте политической системы мира как альтернативе Вестфалю см.: Лебедева М.М. Глобальное управление: монография / М.М. Лебедева, М.В. Харкевич, П.И. Касаткин. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – С. 140-141.

[477] Халфин И. Автобиография большевизма: между спасением и падением / И. Халфин. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 848 с.; Слёзкин Ю.Л. Дом правительства. Сага о русской революции / Ю.Л. Слёзкин. – М.: Изд-во АСТ: Corpus, 2019. – 976 с.

[478] См., например: Ватлин А.Ю. Коминтерн: Идеи, решения, судьбы / А.Ю. Ватлин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. – С. 129-148; Walt S. Revolution and War / S. Walt. – Ithaca: Cornell University Press, 1996. – P. 130-132,142.

[479] Декрет о мире. 26 октября (8 ноября) 1917 года // Международные отношения и внешняя политика СССР (1871-1957 гг.): Сб. док. / Сост. Л.А. Харламова. – М.: Высш. парт. школа при ЦК КПСС, 1957. – С. 48-50.

[480] Цит. по: Ватлин А.Ю. Коминтерн: Идеи, решения, судьбы / А.Ю. Ватлин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. – С. 38-39.

трансформации мира[481], – подразумевала и двойственность темпоральностей. Это видно, например, по дискуссиям внутри советского руководства в период подготовки к Генуэзской конференции 1922 года. Так, А.А. Иоффе, отстаивая необходимость наступательно-агитационного подхода к деятельности советской делегации на конференции, в обоснование прямо указывал, что «мы обязаны делать это в интересах мировой революции»[482]. С другой стороны, Г.В. Чичерин, ссылаясь на то, что «коммунистическое движение на Западе недостаточно сильно», тем самым исключает революцию из горизонта событий, вероятных в обозримой перспективе, что приводит для него к необходимости прагматичного выстраивания отношений с капиталистическими странами ради защиты «политических и экономических интересов трудящихся масс России»[483]. Таким образом, всемирно-революционное измерение советской политики по-прежнему опиралось на коммунистическое стремление к совершенному бесклассовому обществу, тогда как элементы адаптации к межгосударственному порядку подразумевали, в той или иной форме, смягчение остроты ожидания конца истории, продление времени старого, несовершенного мира.

Наконец, рассмотрим популярную в 1990-е – 2000-е годы концепцию либерально-демократического «конца истории», более всего ассоциирующуюся с одноименной работой Фрэнсиса Фукуямы. В предложенной им интерпретации конец холодной войны оказывался одновременно «завершением идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления»[484]. Вместе с тем, «победа либерализма произошла пока только в сфере идей, сознания; в реальном, материальном мире она ещё не

---

[481] Об «двойственности» СССР в плане воплощавшихся им моделей политического устройства см.: Лебедева М.М. Глобальное управление: монография / М.М. Лебедева, М.В. Харкевич, П.И. Касаткин. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – С. 141-142.

[482] Письмо А. Иоффе В. Ленину о Генуэзской конференции. Петроград, 13 февраля 1922 года // Коминтерн и идея мировой революции: Документы / Отв. ред. Я.С. Драбкин. — М.: Наука, 1998. – С. 337-341.

[483] Дополнительные соображения тов. Чичерина по вопросу о тактике российской делегации в Генуе. [Москва], 25 февраля 1922 года // Коминтерн и идея мировой революции: Документы / Отв. ред. Я.С. Драбкин. — М.: Наука, 1998. – С. 347-351.

[484] Fukuyama F. The End of History? / F. Fukuyama // The National Interest. – 1989. – No. 16. – P. 4.

полностью достигнута»[485]. Этот зазор между идеальным и материальным как раз оставляет пространство для формирования конечной темпоральности, где время будет мыслиться как направленное к полному практическому воплощению уже известного – благодаря его триумфу в сфере идей – либерального идеала.

Пример подобного восприятия времени можно обнаружить в выступлении Энтони Лэйка, советника по национальной безопасности президента США Билла Клинтона, в сентябре 1993 года. Во-первых, идеал человеческого существования, к которому нужно стремиться, известен: ««демократия и рынки – это наиболее продуктивные и освобождающие способы организации жизни людей»[486]. Во-вторых, этот идеал ещё не полностью реализован на практике: «демократия и рынки на подъеме <…>, но не везде они восторжествовали»[487]. В-третьих, рыночно-демократический идеал не является утопией, он может и должен быть реализован: ««неверно полагать, что эти идеи [демократии и рынка] воспримет только Запад, а остальные их отвергнут <…> Идея свободы обладает всеобщей притягательностью»[488]. Лэйк специально подчеркивает, что «мы подошли не к концу истории <…>, но к моменту, когда открываются невероятные демократические и предпринимательские возможности. Мы не должны упустить их»[489].

Какую же позицию в отношении основных институтов Вестфаля обусловливает такая темпоральность? Для начала, она, конечно, полностью исключает баланс сил. США устами Лэйка осознают себя как «доминирующую державу» (*dominant power*) и ожидают сохранения этого статуса[490], поскольку и сами не намерены как-либо ограничивать свой

[485] Ibid.
[486] Lake A. From Containment to Enlargement / Remarks of A. Lake, Assistant to the President for National Security Affairs. – Washington, D.C.: John Hopkins University, September 21, 1993. – P. 2. – URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015051567645&seq=1 (дата обращения 20.09.2025).
[487] Ibid. – P. 3.
[488] Ibid.
[489] Ibid.
[490] Ibid.

потенциал, и от других не ждут целенаправленной политики балансирования. Затем, многосторонности прямо отведена инструментальная роль одного из способов действия, вместо её восприятия как фундаментального института: «Мы должны действовать на многосторонней основе там, где это продвигает наши интересы, и мы должны действовать в одиночку там, где это служит нашим целям»[491]. Наконец, суверенитет в речи ни разу не упоминается, но здесь показательно как раз отсутствие упоминания, а содержание выступления в целом наглядно показывает отказ от принципов суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела. Это проявляется в «готовности немедленно занять публичную позицию» с критикой анти-демократических тенденций в других странах[492], в намерении воздействовать на них не только через официальные правительственные контакты, но и через каналы гражданского общества[493], готовности применять «санкционные меры, повышающие издержки репрессий»[494]. В целом же, как прямо объявляет Лэйк, «наша политика в отношении таких [анти-демократических] государств, пока они не изменят свой образ действий, должна быть направлена на их дипломатическую, военную, экономическую и технологическую изоляцию»[495]. В рамках такой картины мира государства, не стремящиеся к либерально-демократическому идеалу, не признаются полноправными членами международного сообщества и не заслуживают полноценного признания.

Итак, конечная темпоральность движения к либерально-демократическому концу истории приводит к отверждению основных институтов Вестфальского порядка. Но какая позитивная программа рождается в рамках этой темпоральности? Формулировки Лэйка достаточно осторожны. Так, он подчеркивает, что демократия и рыночная экономика,

---

[491] Ibid. – P. 14. Аналогичная равноценность мультилатерализма и унилатерализма проговаривается в речи неоднократно, см. также: Ibid. – P. 4,10.
[492] Ibid. – P. 8.
[493] Ibid. – P. 9.
[494] Ibid. – P. 11.
[495] Ibid. – P. 10.

становящиеся сегодня всеобщим идеалом, – это «ключевые американские идеи»[496], «ценности одновременно американские и универсальные»[497]; что американского «лидерства ищут и его уважают во всех уголках мира»[498]; что настало время для «стратегии расширения – расширения свободного сообщества рыночных демократий мира»[499]. Взятые в совокупности, эти формулировки оставляют не так много места для интерпретации: выступление Лэйка представляет собой артикуляцию и легитимацию имперского по своей сути проекта по распространению на весь мир американских (или, немного шире – западных) ценностей и институтов[500].

В свою очередь, попытки отхода от этого имперского проекта сопровождаются соответствующей перестройкой темпоральности. Здесь примером может служить Стратегия национальной безопасности США первого президентского срока Д. Трампа, принятая в 2017 году. В ней, хотя прослеживаются ещё и многие претензии на американскую исключительность, всё же в качестве основного ориентира зафиксирован «мир сильных, суверенных и независимых государств, каждое со своей собственной культурой и мечтами»[501], и даже перед самими США ставится, причем как весьма неотложная, задача защиты собственного суверенитета[502] – что уже намного больше похоже на Вестфальский порядок. Параллельно ослабевает,

---

[496] Ibid. – P. 2.
[497] Ibid. – P. 5.
[498] Ibid. – P. 3.
[499] Ibid. – P. 5.
[500] Подобная характеристика американского и в целом западного международно-политического проекта периода 1990-х – 2000-х годов не нова и не оригинальна: «…облик современного мира соответствует основным компонентам идеального типа империи <…>. Мир в его нынешнем состоянии есть сфера могущества Запада <…> если реальная политика империи Запада ещё иногда – все реже – вынуждена считаться с чужими суверенитетами, то эти препятствия явным образом воспринимаются как ситуативные и в принципе недолжные. <…> Наконец, могущество Запада легитимирует себя именно как универсальное. Западные ценности трактуются не просто как подлежащие повсеместному утверждению и внедрению, но как самой своей сутью к таковому предназначенные» (Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма / С.И. Каспэ. – М.: Московская школа политических исследований, 2007. – С. 266-267). См. в целом 7-ю главу (с. 252-289) процитированной книги С.И. Каспэ, а также, например: Munkler H. Empires: The Logic of World Domination from Ancient Rome to the United States / H. Munkler; trans. from the German. – Cambridge: Polity Press, 2007. – P. 146-154.
[501] National Security Strategy of the United States of America, December 2017 // Trump White House Archive. – P. ii. – URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (дата обращения 20.09.2025).
[502] Ibid. – P. i,1,4.

вплоть до практически полного исчезновения, и уверенность в движении к окончательному историческому идеалу: «Нет никакого пути истории (*there is no arc of history*), который бы гарантировал, что свободная политическая и экономическая система США восторжествует автоматически»[503]. Напротив, приходится иметь дело с не самыми приятными, но упрямо повторяющимися историческими паттернами: «Вернулась конкуренция великих держав, которую было отбросили в сторону как явление ушедшего века»[504].

Таким образом, пример США после окончания холодной войны, равно как и пример раннего СССР показывают, что секулярные эсхатологии Модерна, будь то коммунизм или либеральный конец истории, оказываются несовместимы с основными институтами Вестфальского порядка, порождая революционно-имперские проекты его трансформации. Когда же кризис этих проектов вынуждает не-вполне-состоявшуюся империю или революционную партию всё же адаптироваться к межгосударственной природе Вестфаля, это сопровождается ослаблением эсхатологических элементов в их идеологии и параллельным усилением ориентаций на бесконечность исторического времени.

***

Итак, проведенный анализ показывает, что основополагающие институты Вестфальской политической системы мира действительно необходимым образом связаны с бесконечной темпоральностью. *Суверенитет* может быть последовательно обоснован только в горизонте бесконечного времени, поскольку событие конца: во-первых, служит «общей судьбой», способствующей формированию коллективной идентичности и делегитимирующей суверенное обособление; во-вторых, будучи неподконтрольно суверену, может выступать альтернативным источником авторитета для апеллирующих к нему социальных движений. *Баланс сил*

[503] Ibid. – P. 37. Обратим внимание, что речь здесь идет об отсутствии гарантии торжества не только во всем мире, но даже и в самих Соединенных Штатах!
[504] Ibid. – P. 27.

требует представлений о неограниченности времени, поскольку артикулируется как бесконечное циклическое колебание вокруг состояния равновесия. В свою очередь, практика баланса сил порождает у участвующих в ней и наблюдающих за ней государственных деятелей и исследователей восприятие истории как статичной и лишенной качественных изменений и трансформаций. *Мультилатерализм* опирается на бесконечную темпоральность прогресса как в общем мировоззренческом, так и в более процедурном плане, так как основывается на представлении о возможности решения международных проблем посредством движения от разногласий к консенсусу. Практика мультилатерализма, для которой достижение согласия приоритетно по отношению к скорости действия, формирует отношение к обсуждаемым вопросам, как не имеющим фиксированного срока решения, тем самым также содействуя воспроизводству бесконечной темпоральности. *Международное право*, если оно мыслится как право естественное, зависит от наличия представлений о вечной и неизменной природе вещей, а если понимается как позитивное право, устойчиво связано с идеей прогресса. Наконец, дополнительным аргументом (в логике «от противного») в пользу сущностной взаимосвязи Вестфальского порядка с бесконечной темпоральностью служит тот факт, что картины мира с конечной темпоральностью – марксизм и либеральный «конец истории» – оказывались несовместимы с институтами Вестфаля и порождали альтернативные проекты организации политической системы мира.

Кроме того, из приведенного в главе материала можно сделать и ещё один интересный вывод – о закономерностях соотношения институтов и темпоральностей «внутри» Вестфальской политической системы мира. Преобладавшим в XVII-XVIII веках сакрально-династическому принципу легитимации суверенитета, балансу сил и естественному международному праву соответствует циклически-статический вариант бесконечной темпоральности. Тогда как распространяющиеся начиная с XIX века национальный принцип легитимации суверенитета, многосторонность и

позитивное международное право связаны с линейно-прогрессивным вариантом бесконечной темпоральности. Этот вывод дополнительно подтверждает не-случайный характер взаимосвязи между институциональной структурой международных порядков и темпоральностью: эволюция институтов Вестфаля сопровождалась изменением – в рамках общего инварианта бесконечной темпоральности – господствующих представлений о времени.

На этом месте можно было бы посчитать, что, таким образом, исследовательский вопрос работы в целом уже получил ответ (а гипотеза – подтверждение) по итогам двух глав. Да, у Вестфальской политической системы мира есть особое темпоральное измерение, поскольку её основные институты необходимым образом связаны с представлениями о бесконечности времени: невозможно было бы устойчиво обосновать суверенитет, баланс сил, мультилатерализм и международное право в картине мира с конечной темпоральностью. Однако остановиться здесь означало бы забыть о той проблематике, с которой всё начиналось во введении: об угрозе ядерного апокалипсиса и причинах низкой эффективности противодействия ей. Пусть Вестфаль взаимосвязан с бесконечной темпоральностью, но почему тогда возникновение убедительных свидетельств конечной темпоральности – в виде тысяч ядерных боеголовок – не приводит к реформе Вестфаля? Что объясняет устойчивость общества государств, основанного на бесконечной темпоральности, в эпоху глобальных экзистенциальных угроз? К рассмотрению этих вопросов мы перейдём в следующей, третьей – и последней – главе.

ГЛАВА 3. ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ ВЕСТФАЛЬСКОГО ПОРЯДКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ УГРОЗ: ВЫЗОВЫ И УСТОЙЧИВОСТЬ

3.1. Концепции «темпорального противоречия» и «этернализации»

3.1.1. Конечная темпоральность глобальных экзистенциальных угроз[505]

С высоты доступных сегодня знаний мы могли бы сказать, что «объективно» человечество всегда существовало в ситуации конечной темпоральности. Природные катастрофы масштаба, достаточного для уничтожения всего человечества, такие как извержение супервулкана или столкновение с Землей крупного астероида, хотя и достаточно редки, теоретически могли произойти в любой момент за 200 тысяч лет, прошедшие с момента возникновения *Homo sapiens sapiens*[506]. Строго говоря, они и происходили: так, считается, что извержение супервулкана Тоба около 70 тыс. лет поставило человечество на грань исчезновения, вызвав сокращение его общей численности всего до 3-4 тыс. человек[507]. В рамках настоящего исследования, однако, мы рассматриваем темпоральность не как «объективный» феномен, но как элемент культурных представлений. В условиях же господства культуры модерна с её представлениями о бесконечности времени формирование нового типа конечной темпоральности требовало, во-первых, *осознания* людьми возможности природных либо антропогенных событий, способных уничтожить *всё человечество,* во-вторых, секуляризации, делавшей менее убедительным встраивание таких событий в знакомые религиозные эсхатологические схемы[508].

---

[505] При написании подпараграфа использованы материалы статей: Uchaev Ye.I. The Anthropocene Consensus: Transforming International Politics in the Age of Global Existential Threats / Ye.I. Uchaev // Russia in Global Affairs. – 2021. – Vol. 19, no. 3. – P. 207-209; Учаев Е.И. Препятствия к макросекьюритизации глобальных угроз: кейсы ядерного оружия и изменения климата / Е.И. Учаев, А.А. Квартальнов // Сравнительная политика. – 2024. – Т. 15, № 3. – С. 142.

[506] Ord T. The Precipice: Existential Risk and the Future of Humanity / T. Ord. – New York: Hachette Books, 2020. – P. 67-77.

[507] Rampino M.R. Volcanic Winter in the Garden of Eden: The Toba Supereruption and the Late Pleistocene Human Population Crash / M.R. Rampino, S.H. Ambrose // Volcanic Hazards and Disasters in Human Antiquity / F.W. McCoy, G. Heiken. – Boulder, CO: The Geological Society of America, 2000. – P. 71-82.

[508] Домодерному человеку идея тотальной катастрофы не была полностью чужда. Однако для него она была встроена либо в представление о цикличности бытия, где за концом этого мира должно следовать его

Отдельные – редкие и не получавшие широкого распространения – свидетельства размышления о чисто секулярных сценариях «конца света» мы находим в XIX веке. В таком ключе можно рассматривать, например, поэму Байрона «Тьма»[509], написанную в 1816 году – как мы сегодня знаем, мрачная погода на протяжении всего лета того года, вдохновившая поэта на её написание, была следствием извержения вулкана Тамбора на одном из островов Малайского архипелага[510]. Тогда же – в конце XVIII – начале XIX века появляются первые теории долгосрочного угасания Солнца, впрочем, делавшиеся на их основе прогнозы и предположения всё ещё часто получали религиозно-апокалиптическое истолкование[511]. Так что первым примером, когда возникло и относительно широко распространилось полноценное понимание, что человечество может столкнуться с катастрофой по-настоящему всеобщей и окончательной, следует считать создание ядерного оружия.

Так, уже весной 1946 года в США вышел обращенный к широкой аудитории сборник статей об общественно-политическом значении ядерного оружия, заключительный текст в котором, за авторством Федерации американских учёных, прямо назывался «На кон поставлено выживание»[512]. В 1947 году журнал «Бюллетень учёных-атомщиков» запустил известные «Часы судного дня» (*Doomsday Clock*) – символические часы, отражающие степень близости человечества к глобальной катастрофе. Стрелки исходно были установлены на 7 минут до полуночи, что должно было передавать ощущение остроты угрозы и необходимости срочно действовать; в 2025 году

возрождение и начало следующего цикла, либо в линейную эсхатологию, где «конец света» знаменует завершение земной истории и наступление царства божия как окончательного, совершенного состояния мира. Иначе говоря, «тотальность» катастрофы в рамках таких картин мира оказывалась всё же не абсолютной.

[509] Приведем один из наиболее показательных фрагментов в переводе И.С. Тургенева: «…И мир был пуст / Тот многолюдный мир, могучий мир / Был мертвой массой, без травы, деревьев / Без жизни, времени, людей, движенья… / То хаос смерти был. Озера, реки / И море — все затихло. Ничего / Не шевелилось в бездне молчаливой…». URL: https://turgenev-lit.ru/turgenev/stihi/tma-iz-bajrona.htm (дата обращения 19.08.2025).

[510] Behringer W. Tambora and the Year without a Summer: How a Volcano Plunged the World into Crisis / W. Behringer; trans. from the German. – Cambridge: Polity Press, 2019. – P. 213-215.

[511] Робертс А. Вот и всё. Зачем мы пугаем себя концом свет / А. Робертс; пер. с англ. – М.: Individuum, 2021. – С. 137-148.

[512] FA(A)S. Survival is At Stake / Federation of American (Atomic) Scientists // One World or None / Ed. by D. Masters, K. Way. – McGraw Hill Book Co., 1946. – P. 78-79.

они были переведены в положение 89 секунд до полуночи – самое «опасное» в истории[513]. Сюжет о ядерном апокалипсисе в целом глубоко проник в массовое сознание и популярную культуру: достаточно вспомнить такие фильмы как «Доктор Стрейнджлав» Стэнли Кубрика или шокировавший Рональда Рейгана «На следующий день»[514].

С 1970-х годов постепенно складывается и осознание ещё одной экзистенциальной угрозы – экологической, которая впоследствии часто будет конкретизироваться до климатической. Так, итоговое заявление международной конференции по проблеме изменения климата, состоявшейся в 1988 году в Торонто, следующими словами описывало масштаб климатической проблемы: «Человечество проводит непреднамеренный, неконтролируемый и глобальный по своему охвату эксперимент, окончательные последствия которого могут оказаться столь масштабными, что уступят только последствиям глобальной ядерной войны»[515]. В известном «докладе Стерна» об экономике изменения климата, подготовленном в 2006 году по заказу британского правительства, вероятность гибели человечества в ходе XXI века была оценена в 9,5%[516].

Существуют – более или менее широко известные в обществе – и другие сценарии всеобщей катастрофы: злонамеренный искусственный интеллект, пандемии естественные или рукотворные, уже упоминавшиеся выше извержения супервулканов или столкновения с астероидами[517]. В 2002 году шведский философ Ник Бостром предложил специальное понятие «экзистенциальных рисков» для общей характеристики подобных угроз,

---

[513] The Clock Shifts // Bulletin of the Atomic Scientists. – URL: https://thebulletin.org/doomsday-clock/timeline/ (дата обращения 20.09.2025).

[514] Волвертон М. Бомба. Как ядерное оружие изменило мир / М. Волвертон; пер. с англ. – М.: Individuum, Эксмо, 2025. – С. 149-171.

[515] World Meteorological Organization. Conference Proceedings: The Changing Atmosphere: Implications for Global Security. Toronto, Canada, 27–30 June 1988. – Geneva: Secretariat of the World Meteorological Organization, 1989. – P. 292. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/106359 (дата обращения 20.09.2025).

[516] The Stern Review Report on the Economics of Climate Change / HM Treasury. – 2006. – 575 p. – URL: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20100407172811/http://www.hm-treasury.gov.uk/stern_review_report.htm (дата обращения 20.09.2025).

[517] Ord T. The Precipice: Existential Risk and the Future of Humanity / T. Ord. – New York: Hachette Books, 2020. – P. 165-172.

которые могут привести к уничтожению человечества[518]. Выживание человечества и угроза глобальной катастрофы в последние десятилетия всё чаще становятся предметом философской и научной рефлексии[519]. Оксфордский философ Тоби Орд недавно даже предложил для современной эпохи обозначение «края пропасти» (*the precipice*), определив его как «время, когда человечество сталкивается с высоким риском самоуничтожения»[520]. Наконец, как показывают данные сервиса «Гугл Книги» (см. Рис. 3.1 и 3.2), с середины XX века резко увеличивается частота употребления во всех опубликованных англоязычных текстах выражения “human survival” («выживание человечества»), а с конца XX века – и фразы “human extinction” («вымирание человечества»), которые можно рассматривать как лингвистические маркеры конечной темпоральности.

Таким образом, мы видим, что с середины XX века – в связи с появлением сначала ядерного оружия, а затем и других глобальных экзистенциальных угроз – возникает и получает относительно широкое распространение новое восприятие времени, суть которого удачно выразил немецкий богослов Юрген Мольтман: «Время жизни рода человеческого больше не гарантировано природой, а должно быть обретено благодаря осознанной политике выживания»[521]. Как минимум, у некоторых людей формируется осознание, что «возможная судьба [человечества] –

[518] Bostrom N. Existential Risks: Analyzing Human Extinction Scenarios and Related Hazards / N. Bostrom // Journal of Evolution and Technology. – 2002. – Vol. 9.

[519] Из ранних примеров заслуживают упоминания «Императив ответственности» Ханса Йонаса (1984), четвертая часть «Доводов и лиц» Дерека Парфита (1984), «Конец света» Джона Лесли (1996). В XXI веке начинают появляться и специализированные исследовательские центры, такие как оксфордский «Институт будущего человечества» (работал с 2003 по 2024 год) и кембриджский «Центр исследования экзистенциального риска» (работает с 2015 года).

[520] Ord T. The Precipice: Existential Risk and the Future of Humanity… – P. 33.

[521] Мольтман Ю. Пришествие Бога: Христианская эсхатология / Ю. Мольтман; пер. с нем. – М.: Изд-во ББИ, 2017. – С. 227-228.

саморазрушение, а зарождающаяся абсолютная потребность – этого саморазрушения избежать»[522].

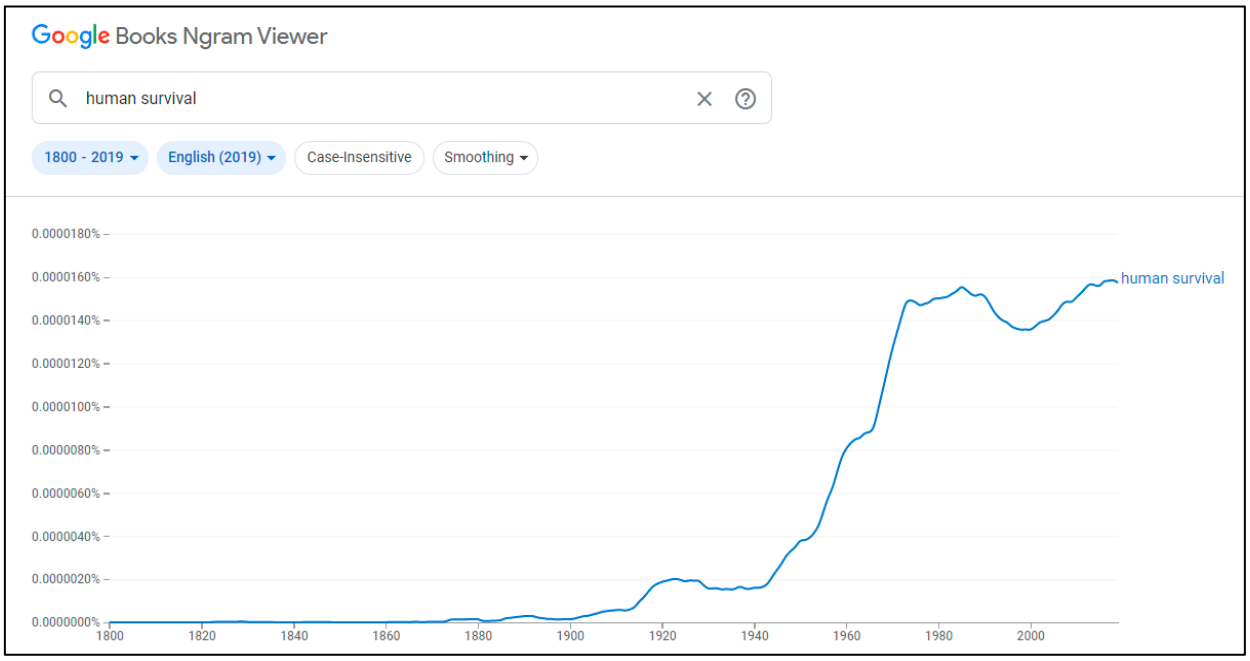

Рисунок 3.1. Относительная частота употребления фразы "human survival" в опубликованных англоязычных текстах с 1800 по 2019 гг.
Источник: запрос "human survival" к базе данных «Гугл Книги» (Google Books Ngram Viewer: сайт. – URL: https://books.google.com/ngrams/).

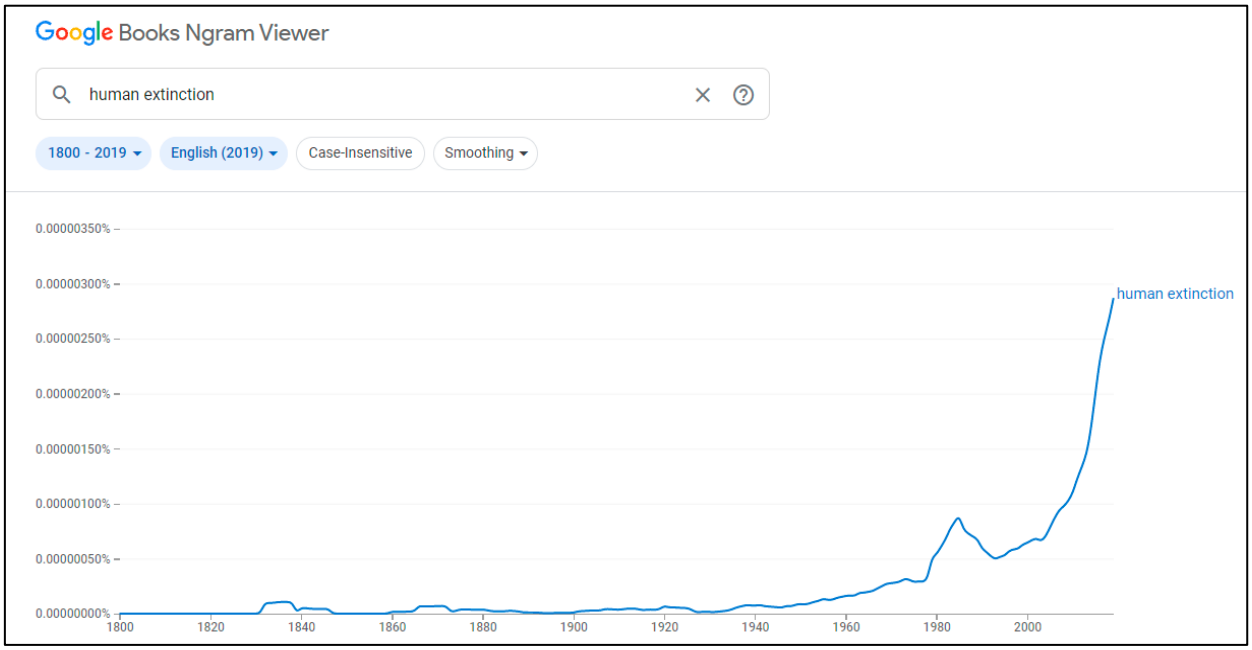

Рисунок 3.2. Относительная частота употребления фразы "human extinction" в опубликованных англоязычных текстах с 1800 по 2019 гг.
Источник: запрос "human extinction" к базе данных «Гугл Книги» (Google Books Ngram Viewer: сайт. – URL: https://books.google.com/ngrams/).

[522] Дюпюи Ж.-П. Знак священного / Ж.-П. Дюпюи; пер. с фр. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – С. 85.

3.1.2. Состояние темпорального противоречия и сценарии его развития[523]

Итак, глобальные экзистенциальные угрозы ведут к осознанию времени как потенциально конечного, тогда как Вестфальская политическая система мира, как было показано в главе 2, опирается на (и воспроизводит) бесконечную темпоральность. В картине мира современных обществ таким образом возникает *темпоральное противоречие.* К чему это приводит? Для ответа на этот вопрос необходимо вернуть в схему нашего исследования, которая до сих пор состояла из институционального и идейного измерений международного порядка, материальные условия его существования. Глобальные экзистенциальные угрозы – это не идеи и не институты, а природные и технологические явления и процессы.

На фундаментальном уровне в ситуации темпорального противоречия возможны два сценария. *Первый сценарий:* осмысление конечной темпоральности глобальных угроз может вызывать к жизни проекты трансформации политической системы мира – аналогично тому, как секулярные эсхатологии Модерна порождают альтернативы Вестфалю (см. параграф 2.5). Аналитически этот сценарий описывается следующим образом: меняются материальные условия существования международного порядка → осмысление изменившихся условий порождает новые идеи, меняющие идейное измерение порядка → руководствуясь новой картиной мира, люди трансформируют институциональное измерение порядка.

Этот сценарий может казаться наиболее логичным, однако он отнюдь не является единственным (и, как можно заключить из сохранения основных институтов Вестфаля на 80-й год ядерной эпохи, совсем не спешит реализовываться). Материальный контекст не детерминирует автоматически культурные и социальные процессы. Влияние природы и технологий на

[523] При написании подпараграфа использованы материалы статей: Учаев Е.И. Темпоральный подход к проблеме устойчивости ядерной анархии / Е.И. Учаев, А.А. Квартальнов // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – Т. 15, №6. – С. 119-124; Учаев Е.И. Катехоническая темпоральность и политическая форма: к обоснованию двойного представительства / Е.И. Учаев // Социологическое обозрение. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 161-162.

социальные порядки опосредуется смыслами, которыми их наделяют люди, и эти смыслы могут быть разными. В области международных отношений хрестоматийный пример приводит Александр Вендт: США по-разному реагируют на один и тот же материальный артефакт – ядерное оружие, в зависимости от того, принадлежит оно Великобритании (которая осмысляется как «друг») или КНДР (которая осмысляется как «враг»)[524]. Эта логика тем более применима к предполагаемому будущему состоянию материальной реальности в результате таких комплексных явлений как потенциальная ядерная война или изменение климата, которые не являются предметом индивидуального опыта, но требуют для своей оценки сложных научных расчётов, отталкивающихся от не всегда жестко доказуемых посылок[525].

Кроме того, как разбиралось в главе 1, индивидуальное познание протекает под воздействием институтов, к которым принадлежат люди. Институциональная логика подталкивает осмыслять материальные изменения в таком ключе, чтобы они оказывались совместимы с идейными основами существующих институтов. Таким образом, мы можем предположить наличие *второго сценария* разрешения темпорального противоречия: деятельность людей в рамках институциональной логики Вестфальского порядка может приводить к осмыслению соответствующих глобальных угроз как не-экзистенциальных, то есть, совместимых с бесконечностью времени. Для обозначения подобного переосмысления мы предлагаем ввести специальный термин – *«этернализация»*.

Гипотетически существует и третий сценарий – попытка адаптации Вестфальской системы к конечной темпоральности без отказа от её основ, то есть, противодействие глобальным экзистенциальным угрозам в рамках

---

[524] Wendt A. Constructing International Politics / A. Wendt // International Security. – 1995. – Vol. 20, no. 1. – P. 73.
[525] Два американских исследователя в начале 1990-х, изучая широкий спектр интерпретаций теории ядерной зимы среди специалистов по военной стратегии, сформулировали радикальную версию тезиса о смысловой неоднозначности применительно к ядерному оружию: «ядерная стратегия – это область в значительной степени теологическая, нефальсифицируемая и свободная от точных данных» (Rueter T. Nuclear Strategy and Nuclear Winter / T. Rueter, Th. Kalil // World Politics. – 1991. – Vol. 43, no. 4. – P. 607). О социальном конструировании изменения климата см., например: Allan B.B. Producing the Climate: States, Scientists, and the Constitution of Global Governance Objects / B.B. Allan // International Organization. – 2017. – Vol. 71, no. 1. – P. 131-162.

институтов Вестфаля. Возможность такого развития событий, предполагают, в частности, Барри Бузан и Ричард Саква: сталкиваясь с общепланетарными угрозами – которые логически угрожают и существованию отдельных стран – государства должны быть способны осознать общий интерес и действовать сообща, образовав так называемое «солидарное международное общество»[526]. С этой точки зрения, укрепление национальных государств сегодня не обязательно должно означать «просто восстановление сфер влияния и защиту государственного суверенитета Вестфальского образца» – оно может вести к появлению «форм не-гегемонистской солидарности»[527].

Практическая возможность подобной адаптации общества государств к конечной темпоральности, однако, вызывает сомнения концептуального свойства. Аргументация Бузана и Саквы оперирует лишь рационально понятыми интересами, игнорируя идейно-ценностное измерение социальных институтов. Как было показано в главе 2, государство и его сторонники в раннее Новое время боролись с эсхатологией не случайно, но потому что она де-легитимировала суверенное обособление. И с этой точки зрения между чаемым и требующим предотвращения концом света нет принципиальных различий. Общий интерес в предотвращении глобального самоуничтожения – это не просто ещё один интерес, добавляющийся ко всем прочим. Он регулярно вступает в конфликт со множеством партикулярных интересов отдельных государств: задача сокращения выбросов CO_2 может противоречить планам экономического развития; избегание обмена ядерными ударами налагает ограничения на способы противостояния враждебным государствам; опасения по поводу непредсказуемых последствий быстрого развития технологий искусственного интеллекта сталкиваются со стремлением не отстать от государств-конкурентов… Все эти частные интересы совершенно легитимны для суверенного государства модерна, более

[526] Buzan B. An Introduction to the English School of International Relations: The Societal Approach / B. Buzan. – Cambridge: Polity Press, 2014. – P. 130.
[527] Sakwa R. The International System and Models of Global Order / R. Sakwa // Russia in Global Affairs. – 2019. – Vol. 17, no. 3. – P. 24-25.

того, для него они приоритетны, поскольку государство – по самой своей сути – претендует на сакральный статус, на то, «чтобы быть верховным оператором спасения»[528]. Систематическое и последовательное подчинение государственных интересов общему интересу выживания планеты (чего следовало бы ожидать при полноценном осознании и интернализации конечной темпоральности глобальных экзистенциальных угроз) подрывает претензию на сакральность, требует отказаться от символических практик по производству собственной сакральности (иначе не получится легитимировать приоритет общих интересов) и, в конечном счёте, лишает идею суверенного государства сколь-нибудь осмысленного содержания.

Поэтому мы полагаем, что попытки противодействия глобальным экзистенциальным угрозам в рамках общества государств, хотя на некоторый срок и могут снижать остроту проблемы, в долгосрочной перспективе будут неизбежно оказываться неэффективными и, тем самым, *вновь создавать выбор между двумя сценариями: трансформация Вестфаля в иную политическую систему мира или этернализация глобальных угроз.*

Логично предположить, что множественность интерпретаций глобальных угроз и, соответственно, проявление в зародыше обоих сценариев развития темпорального противоречия должны быть наиболее вероятны на самых ранних этапах появления проблемы – будто то ядерное оружие или изменение климата – на повестке дне, пока ни одна интерпретация ещё не устоялась и не начал действовать «эффект колеи». Поэтому в следующем параграфе мы рассмотрим, как противоречие между конечной темпоральностью глобальных угроз и бесконечной темпоральностью Вестфаля проявлялось на ранних этапах международного взаимодействия по вопросам ядерного оружия и изменения климата. «Ранний этап» понимается в данном случае как период от вынесения проблемы на международную повестку до первого международного решения, создающего механизмы

[528] Каспэ С.И. Жизнь, смерть и государство / С.И. Каспэ // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20, №1. – С. 24.

борьбы с угрозой (либо до провала попыток достичь такого решения). В случае ядерного оружия это примерно соответствует второй половине 1940-х годов: от первого применения ЯО в 1945-м до прекращения деятельности Комиссии ООН по атомной энергии (1949), безрезультатно пытавшейся выработать механизмы международного контроля над ядерным оружием. Изменение климата – именно как самостоятельная проблема, выделяющаяся среди общего пула экологических проблем – закрепляется в международной повестке после Торонтской конференции 1988 года[529], а первый международный механизм борьбы с изменением климата создаётся на «Саммите Земли» 1992 года с принятием соответствующей Рамочной конвенции ООН[530]. Мы также включаем в рассмотрение знаменитый доклад Комиссии Брунтланн 1987 года «Наше общее будущее», поскольку он во многом задавал общий контекст работы Торонтской конференции 1988 года[531], хотя в самом тексте доклада изменение климата и не удостаивалось отдельного внимания на фоне экологических проблем в целом.

3.2. Формирование подходов к глобальным угрозам в условиях темпорального противоречия[532]

3.2.1. Дискуссии по проблеме международного контроля над ядерным оружием во второй половине 1940-х годов

Интерпретация ядерного оружия как глобальной экзистенциальной угрозы возникла еще до его первого успешного испытания. В так называемом «докладе Франка» от 12 июня 1945 г., направленном группой ученых –

---

[529] См.: Allan B.B. Second Only to Nuclear War: Science and the Making of Existential Threat in Global Climate Governance / B.B. Allan // International Studies Quarterly. – 2017. – Vol. 61, no. 4. – P. 809-820.

[530] См.: Макаров И.А. Климатические изменения как новый фактор международных отношений / И.А. Макаров, А.А. Шуранова // Международная аналитика. – 2023. – Т. 14, № 4. – С. 53.

[531] Это хорошо видно по материалам конференции: ссылки на доклад, его выводы и рекомендации присутствуют во многих выступлениях. См.: World Meteorological Organization. Conference Proceedings: The Changing Atmosphere: Implications for Global Security. Toronto, Canada, 27–30 June 1988. – Geneva: Secretariat of the World Meteorological Organization, 1989. – 483 p. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/106359 (дата обращения 20.09.2025).

[532] Параграф написан на основе статьи: Учаев Е.И. Препятствия к макросекьюритизации глобальных угроз: кейсы ядерного оружия и изменения климата / Е.И. Учаев, А.А. Квартальнов // Сравнительная политика. – 2024. – Т. 15, № 3. – С. 149-157.

участников Манхэттенского проекта военному министру США Генри Стимсону, утверждалось, что ядерное оружие представляет «серьезную угрозу для безопасности нашей страны, а также *для будущего всех прочих стран* [курсив мой. – *Е.У.*]», поскольку его дальнейшее развитие в отсутствие международных механизмов контроля «неизбежно приведет к тотальному взаимному уничтожению»[533]. В статье из уже упоминавшегося ранее просветительского сборника начала 1946 г. американский физик Гарольд Юри писал: «Мировая война с применением атомного оружия вполне может до такой степени ослабить все наши страны и народы, что в *будущем они не смогут выжить* [курсив мой. – *Е.У.*]»[534].

Эта интерпретация нашла отражение в политическом процессе – от выработки первых предложений по международному контролю над ЯО в США до обсуждения в ООН. В «докладе Ачесона-Лилиенталя» (март 1946 г.), который формулировал основы американской позиции по международному контролю, для описания последствий появления ядерного оружия использовалась относительно обтекаемая формулировка «революционное возрастание разрушительной мощи»[535]. Однако уже в июне 1946 г., при изложении американского плана международного контроля в Комиссии ООН по атомной энергии, представитель США Бернард Барух был более прямолинеен: «Мы должны выбирать между миром во всем мире и *разрушением всего мира* [курсив мой. – *Е.У.*]»[536]. В преамбуле резолюции Генеральной Ассамблеи ООН №299 (IV) от 23 ноября 1949 г. подчеркивалось,

---

[533] Report of the Committee on Political and Social Problems, Manhattan Project “Metallurgical Laboratory”, University of Chicago. (The Franck Report) / J. Franck, D.J. Hughes, J.J. Nickson [et al.]. – June 11, 1945. – URL: https://www.atomicarchive.com/resources/documents/manhattan-project/franck-report.html (дата обращения 20.09.2025).

[534] Urey H.C. How does it all add up? / H.C. Urey // One World or None / Ed. by D. Masters, K. Way. – McGraw Hill Book Co., 1946. – P. 58.

[535] A Report on the International Control of Atomic Energy / Ch.I. Barnard, J.R. Oppenheimer, Ch.A. Thomas, H.A. Winne, D.E. Lilienthal; [Prepared for the Secretary of State’s Committee on Atomic Energy]. – Washington, D. C., March 16, 1946. – P. 9. – URL: https://fissilematerials.org/library/ach46.pdf (дата обращения 20.09.2025).

[536] The Baruch Plan: Statement by the United States Representative (Baruch) to the United Nations Atomic Energy Commission, June 14, 1946 // Documents on Disarmament, 1945-1959. Volume 1: 1945-1956. – Washington, D.C.: Department of State, 1960. – P. 8.

что «атомная энергия <…> будучи обращена на военные цели, может *повлечь за собой гибель цивилизации* [курсив мой. – *Е.У.*]»[537].

Те же источники ясно показывают, как экзистенциальная интерпретация ядерного оружия неизбежно делегитимировала систему суверенных государств, порождая проекты ее трансформации. В «докладе Франка» отмечалось: «Защиту [от разрушительного использования ядерной энергии] может обеспечить только политическая организация мира. Из всех аргументов в пользу создания эффективной международной организации для поддержания мира, существование ядерного оружия является наиболее убедительным»[538]. Альберт Эйнштейн в своей статье в сборнике 1946 г. утверждал, что только создание «наднациональной организации, обладающей подконтрольной исключительно ей военной силой» может гарантировать, что «мы не растворимся в атмосфере, не распадемся на атомы»[539]. Бернард Барух заявлял, что народы, осознавшие опасности ядерной эпохи, «не желают, чтобы их водили за нос разговорами об узко понятом суверенитете»[540], а представленный им план предлагал создание системы международного контроля с инструментами эффективного наказания нарушителей и без права вето[541]. Резолюция ГА ООН №299(IV) рекомендовала, чтобы «все нации, при пользовании своими суверенными правами, присоединились к взаимному соглашению ограничить осуществление этих прав в отношении контроля над атомной энергией»[542].

---

[537] ООН. Резолюция ГА ООН от 23 ноября 1949 г. №299(IV) «Международный контроль над атомной энергией» // Организация Объединенных Наций. – URL: https://undocs.org/ru/A/RES/299(IV) (дата обращения 20.09.2025).

[538] Report of the Committee on Political and Social Problems, Manhattan Project “Metallurgical Laboratory”, University of Chicago. (The Franck Report) / J. Franck, D.J. Hughes, J.J. Nickson [et al.]. – June 11, 1945. – URL: https://www.atomicarchive.com/resources/documents/manhattan-project/franck-report.html (дата обращения 20.09.2025).

[539] Einstein A. The Way Out / A. Einstein // One World or None / Ed. by D. Masters, K. Way. – McGraw Hill Book Co., 1946. – P. 76.

[540] The Baruch Plan: Statement by the United States Representative (Baruch) to the United Nations Atomic Energy Commission, June 14, 1946 // Documents on Disarmament, 1945-1959. Volume 1: 1945-1956. – Washington, D.C.: Department of State, 1960. – P. 9.

[541] Baratta J.P. Was the Baruch Plan a Proposal of World Government? / J.P. Baratta // The International History Review. – 1985. – Vol. 7, no. 4. – P. 592-621.

[542] ООН. Резолюция ГА ООН от 23 ноября 1949 г. №299(IV) «Международный контроль над атомной энергией» // Организация Объединенных Наций. – URL: https://undocs.org/ru/A/RES/299(IV) (дата обращения 20.09.2025).

Особенно наглядное свидетельство взаимосвязи между экзистенциальной интерпретацией ядерного оружия и делегитимацией системы суверенных государств можно обнаружить в выступлении французского представителя в ГА ООН в ходе обсуждения вышеупомянутой резолюции №299. Он отмечал, что, когда вопрос стоит как «переживет ли цивилизация атомную войну», необходимы «частичные жертвы собственным суверенитетом, поскольку необходимо выбирать меньшее из двух зол», так как «в области атомной энергии эта [подразумеваемая понятием суверенитета] абсолютная свобода несовместима с современными требованиями безопасности»[543].

«План Баруха», однако, предполагал отказ США от уже имеющихся ядерных бомб лишь после создания полноценной системы международного контроля, на что не мог согласиться СССР. Советское предложение, в свою очередь, заключалось в немедленном принятии конвенции о запрещении ядерного оружия, а выстраиваемую параллельно систему международного контроля предлагалось подчинить СБ ООН, что означало сохранение права вето. С этим не были согласны уже США. В условиях нехватки доверия и взаимных подозрений в агрессивных намерениях уже в 1947 г. переговоры в целом зашли в тупик[544]. В контексте настоящего исследования основной интерес представляют сопутствовавшие эволюции переговорного процесса интерпретации ядерного оружия.

Как и можно было ожидать, экзистенциальная интерпретация не была единственной. В частности, насколько можно судить по имеющимся свидетельствам, руководство СССР в рассматриваемый период ее не придерживалось. В опубликованных осенью 1946 г. в газете «Большевик» ответах И.В. Сталина на вопросы корреспондента британской газеты «Санди

[543] ООН. Генеральная Ассамблея. Четвертая сессия. Официальные отчеты. 253-е пленарное заседание. 23 ноября 1949 года, 10 ч. 45 м. // Организация Объединенных Наций. – С. 411-412. – URL: https://undocs.org/A/PV.253 (дата обращения 20.09.2025).
[544] Тимербаев Р.М. Международный контроль над атомной энергией / Р.М. Тимербаев. – М.: Изд-во «Права человека», 2003. – С. 69-116.

Таймс» отмечалось: «Я не считаю атомную бомбу такой серьезной силой, какой склонны ее считать некоторые политические деятели. Атомные бомбы *предназначены для устрашения слабонервных, но они не могут решать судьбы войны*, так как для этого совершенно недостаточно атомных бомб [курсив мой. – *Е.У.*]»[545].

В выступлениях советских представителей в ООН ядерное оружие описывалось как угрожающее массовой гибелью мирного населения и масштабным разрушением городов – но не всего человечества – и потому требующее запрещения по моральным основаниям, как негуманное оружие агрессии, нарушающее общепризнанные правила ведения войны[546]. Наиболее наглядно эта разница интерпретаций проявилась в ходе дискуссий вокруг упомянутой ранее резолюции ГА ООН №299: советская делегация предлагала заменить экзистенциальную формулировку «может повлечь за собой гибель цивилизации» на более нейтральную «может привести к массовому уничтожению гражданского населения и мирных городов». Эта поправка была отклонена[547].

Показательно, что другая (тоже отклоненная) советская поправка к резолюции №299 предлагала исключить пункт об ограничении суверенных прав[548], а тема защиты суверенитета была основополагающей в выступлении советского представителя А.Я. Вышинского в ходе обсуждения документа. Он, в частности, утверждал: «…от государств теперь требуют, чтобы они

---

[545] Сталин И.В. Ответы на вопросы, заданные московским корреспондентом «Санди Таймс» господином А. Вертом, полученные 17 сентября 1946 года / И.В. Сталин // Большевик. – 1946. – №17-18. – URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t16/t16_09.htm (дата обращения 20.09.2025).

[546] См., например: Address by the Soviet Representative (Gromyko) to the United Nations Atomic Energy Commission, June 19, 1946 // Documents on Disarmament, 1945-1959. Volume 1: 1945-1956. – Washington, D.C.: Department of State, 1960. – P. 17-24. См. также выступление А.А. Громыко на заседании СБ ООН 5 марта 1947 года: UN. Security Council Official Records, 2nd year: 115th meeting, 5 March 1947 // United Nations. – P. 441-461. – URL: https://docs.un.org/en/S/PV.115 (дата обращения 20.09.2025).

Также см. выступление А.Я. Вышинского на заседании ГА ООН 23 ноября 1949 года: ООН. Генеральная Ассамблея. Четвертая сессия. Официальные отчеты. 253-е пленарное заседание. 23 ноября 1949 года, 10 ч. 45 м. // Организация Объединенных Наций. – С. 403-413. – URL: https://undocs.org/A/PV.253 (дата обращения 20.09.2025).

[547] UN. General Assembly. International Control of Atomic Energy. Report of the Ad Hoc Political Committee, 19 November 1949 // United Nations. – 6 p. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/1327920?ln=ru&v=pdf (дата обращения 20.09.2025).

[548] Ibid.

пожертвовали тем, что им дороже всего, а именно своим суверенитетом и своей независимостью»[549], и подчеркивал, что это неприемлемо, поскольку «идея государственного суверенитета является серьезным препятствием осуществлению политики мирового господства»[550]. Таким образом, неэкзистенциальная интерпретация ядерного оружия сохраняла бесконечную темпоральность, что позволяло непротиворечиво отстаивать принцип государственного суверенитета.

Возможно, еще более показательный пример можно обнаружить в американском дискурсе – в статье эксперта по военной стратегии Бернарда Броди «Атомная бомба как фактор принятия политических решений»[551], опубликованной осенью 1948 г., когда переговоры в рамках Комиссии ООН по атомной энергии уже некоторое время как зашли в тупик. Б. Броди начинает, казалось бы, с экзистенциальной интерпретации: «человек дал себе средства самоуничтожения»[552], однако затем сталкивает ее с политической реальностью того времени, в которой противостояние не доверяющих друг другу великих держав делает маловероятным достижение международного контроля над атомной энергией[553]. Далее следует ключевой аргумент, обеспечивающий переход от экзистенциальной к неэкзистенциальной интерпретации ядерного оружия: «поскольку концентрация на этом ужасе [возможных последствиях ядерной войны] до сих пор не принесла никаких положительных результатов и едва ли обещает их в будущем, пришло время занять более трезвую позицию»[554]. Как показывает дальнейшее рассуждение, эта «более трезвая позиция» заключалась для Б. Броди, в частности, в поиске путей поддержания ядерного превосходства США над противниками и в минимизации последствий потенциального ядерного удара по территории

[549] ООН. Генеральная Ассамблея. Четвертая сессия. Официальные отчеты. 253-е пленарное заседание. 23 ноября 1949 года, 10 ч. 45 м. // Организация Объединенных Наций. – С. 409. – URL: https://undocs.org/A/PV.253 (дата обращения 20.09.2025).
[550] Там же. – С. 406-407.
[551] Brodie B. The Atom Bomb as Policy Maker / B. Brodie // Foreign Affairs. – 1948. – Vol. 27, no. 1. – P. 17-33.
[552] Ibid. – P. 17.
[553] Ibid. – P. 17-19.
[554] Ibid. – P. 24.

США – иначе говоря, в наборе конкретных, осуществимых в одностороннем порядке мер, которые позволяли полноценно интегрировать атомную бомбу в национальную военную стратегию[555]. Завершается статья следующей фразой: «Наша задача сейчас в том, чтобы выработать привычку жить с атомной бомбой, и сама непостижимость связанной с этим возможной катастрофы вполне может облегчить эту задачу»[556].

Статья Б. Броди представляет собой практически идеальную иллюстрацию процесса этернализации. Он зафиксировал, что «концентрация на этом ужасе», то есть интерпретация ядерного оружия как экзистенциальной угрозы, естественным образом привела к попытке установления международной системы контроля. Однако эта попытка натолкнулась на инерцию системы суверенных государств в виде порождаемого ею взаимного недоверия и межгосударственного соперничества. При этом, поскольку всеобщая ядерная катастрофа – это не самоочевидный и непосредственно данный факт, а мыслительный конструкт, трудно представимый прогноз развития событий, мышление – по крайней мере, мышление самого Броди – оказалось способно перестроиться на иные, «более трезвые», как он их назвал, интерпретации. Эти интерпретации, в отличие от экзистенциальной, породили сравнительно легко реализуемые в рамках системы суверенных государств практические рекомендации[557], что укрепляло их привлекательность.

3.2.2. Дискуссии по международному сотрудничеству в области климатической политики, 1987-1992

Осмысление проблемы изменения климата (и глобальных экологических проблем в целом) в конце 1980-х – начале 1990-х гг. также проходило под знаком экзистенциальной угрозы. В докладе Комиссии Брунтланн 1987 г. «Наше общее будущее» подчеркивалось, что наблюдаемые

[555] Ibid. – P. 25-32.
[556] Ibid. – P. 33.
[557] В частности, позиция Б. Броди о необходимости активного обеспечения США своего ядерного превосходства нашла отражение в знаменитой директиве СНБ-68 и решениях президента Г. Трумана о расширении производства ядерных материалов. См.: Bundy M. Danger and Survival: Choices About the Bomb in the First Fifty Years / M. Bundy. – New York: Vintage Book, 1990. – P. 229-231.

экологические тенденции «представляют собой угрозу жизни множества видов на планете, включая человечество»[558]. В одной только вводной главе доклада экологические проблемы пять раз обозначаются как проблемы непосредственно *«выживания»*, в варьирующихся формулировках: человечества, планеты, мирового сообщества[559].

Если мандат Комиссии охватывал весь спектр экологических проблем, то в итоговом заявлении Торонтской конференции 1988 г. по проблемам атмосферных изменений аналогичный фрейминг получила уже конкретно проблема климатических изменений. Отмечалось, что их «окончательные последствия могут оказаться столь масштабными, что уступят только последствиям глобальной ядерной войны»[560]. Различные формулировки, указывающие, что проблема связана непосредственно с «выживанием» человечества и планеты, присутствовали как в итоговом заявлении, так и в ряде речей на открытии и закрытии конференции[561]. Риторика экзистенциальной угрозы в полной мере сохранилась и на «Саммите Земли» 1992 г., прошедшем в Рио-де-Жанейро, причем как в открывающих и закрывающих речах[562], так и в выступлениях глав государств и правительств в ходе сегмента высокого уровня[563].

---

[558] UN. Report of the World Commission on Environment and Development “Our Common Future”, 4 August 1987 // United Nations. – P. 19. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/139811 (дата обращения 20.09.2025).

[559] Ibid. – P. 18,24,35,37,38.

[560] World Meteorological Organization. Conference Proceedings: The Changing Atmosphere: Implications for Global Security. Toronto, Canada, 27–30 June 1988. – Geneva: Secretariat of the World Meteorological Organization, 1989. – P. 292. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/106359 (дата обращения 20.09.2025).

[561] Выступления премьер-министра Норвегии Г.Х. Брунтланн, министра окружающей среды Канады Т. Макмиллана. См.: Ibid. – P. 16,31,293.

[562] Выступления Генерального секретаря ООН Б.Бутрос-Гали, президента Бразилии Ф.Коллора, генерального секретаря Саммита Рио М.Стронга, Г.Х. Брунтланн, президента Португалии М. Соареша. См.: UN. Report of the United Nations Conference on Environment and Development. Rio de Janeiro, 3-14 June 1992. Volume II: Proceedings of the Conference. – New York: United Nations, 1993. – P. 32,40,44-49,57,60. – URL: https://docs.un.org/en/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.II) (дата обращения 20.09.2025).

[563] Риторика «выживания» присутствовала в 27 из 104 выступлений сегмента высокого уровня: глав государств и правительств Португалии, Мальдивских островов, Намибии, КНР, Кубы, Марокко, Кабо-Верде, Мексики, Румынии, Ямайки, Кении, Лесото, Гвинеи-Бисау, Индонезии, Мавритании, Японии, Джибути, Республики Корея, Сенегала, Танзании, Франции, Сан-Томе-и-Принсипи, Ботсваны, Кипра, Папуа-Новой Гвинеи, Гватемалы, Гайаны. См.: UN. Report of the United Nations Conference on Environment and Development. Rio de Janeiro, 3-14 June 1992. Volume III: Statements Made by Heads of State or Government at the Summit Segment of the Conference. – New York: United Nations, 1993. – 265 p. – URL: https://docs.un.org/en/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.III) (дата обращения 20.09.2025).

Из такого осмысления угрозы логично следовал призыв к качественной реформе системы международного сотрудничества. В докладе Комиссии Брунтланн отмечалось, что переориентация на модель устойчивого развития «выходит за пределы возможностей существующих структур принятия решений и институтов – как национальных, так и международных»[564]. В итоговом заявлении конференции 1988 г. подчеркивалась необходимость «координированных международных усилий и всеобъемлющего международного соглашения» для предотвращения вреда атмосфере[565]. Президент Бразилии Фернанду Колор в своем обращении к участникам «Саммита Земли» 1992 г. сформулировал стоящую перед ними задачу как разработку «новых международных институтов, новых паттернов отношений между государствами»[566].

Идея, что необходимые изменения подразумевают трансформацию понимания государственного суверенитета, также была достаточно широко распространена. В докладе «Наше общее будущее» указывалось, что новые экологические «вызовы пересекают разделительные линии, создаваемые принципом национального суверенитета»[567]. Отмечалась также необходимость расширить понятие безопасности за пределы его традиционного понимания «в терминах политических и военных угроз национальному суверенитету»[568]. Председатель Комиссии, Гру Харлем Брунтланн, в своем выступлении на конференции 1988 г. утверждала: «мы больше не можем действовать в первую очередь как граждане отдельных национальных государств»[569]. Вместе с тем на саммите Рио 1992 г. дискурс приобрел заметно более «суверенный» характер: необходимость

---

[564] UN. Report of the World Commission on Environment and Development “Our Common Future”, 4 August 1987 // United Nations. – P. 37. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/139811 (дата обращения 20.09.2025).
[565] World Meteorological Organization. Conference Proceedings: The Changing Atmosphere: Implications for Global Security. Toronto, Canada, 27–30 June 1988. – Geneva: Secretariat of the World Meteorological Organization, 1989. – P. 304. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/106359 (дата обращения 20.09.2025).
[566] UN. Report of the United Nations Conference on Environment and Development. Rio de Janeiro, 3-14 June 1992. Volume II: Proceedings of the Conference. – New York: United Nations, 1993. – P. 40. – URL: https://docs.un.org/en/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.II) (дата обращения 20.09.2025).
[567] UN. Report of the World Commission on Environment and Development “Our Common Future” … – P. 12.
[568] Ibid. – P. 34.
[569] World Meteorological Organization. Conference Proceedings: The Changing Atmosphere… – P. 22.

«ограничения национального суверенитета» упоминалась лишь в выступлениях премьер-министра Бельгии и президента Маршалловых островов[570]. Напротив, в выступлениях 14 глав государств и правительств (среди них – президента США и премьера Государственного совета КНР[571]) подчеркивалась ценность суверенитета и необходимость его уважения.

Интересно отметить, что – в отличие от дискуссий по ядерной проблеме в 1940-е годы – даже в рамках реформистского дискурса речь шла преимущественно о международном «сотрудничестве», «координации», «переговорах», без каких-либо явных указаний на наднациональный характер искомой институциональной архитектуры. С этой точки зрения наиболее радикальной из предлагавшихся мер было сформулированное в итоговом заявлении Торонтской конференции 1988 г. предложение по созданию Всемирного фонда атмосферы, который бы частично финансировался за счет сборов на потребление ископаемого топлива в развитых странах[572]. Реализация этого предложения фактически означала бы частичную наднационализацию налогообложения (одной из фундаментальных прерогатив государства) в глобальном масштабе.

Никакого прогресса в этом направлении, однако, не наблюдалось; напротив, материалы Саммита Рио 1992 г. уже не содержат ни одного упоминания «Всемирного фонда атмосферы» или аналогичных структур. При этом, в отличие от риторики наднациональности, в докладе Комиссии Брунтланн присутствует демократический дискурс в виде призыва к «демократизации принятия решений на международном уровне»[573]. А в своем выступлении на Саммите 1992 г. председатель Комиссии вновь

---

[570] UN. Report of the United Nations Conference on Environment and Development. Rio de Janeiro, 3-14 June 1992. Volume III: Statements Made by Heads of State or Government at the Summit Segment of the Conference. – New York: United Nations, 1993. – P. 112,211. – URL: https://docs.un.org/en/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.III) (дата обращения 20.09.2025).

[571] А также представителей Аргентины, Йемена, Непала, Литвы, Ганы, Кении, Хорватии, Островов Кука, Эфиопии, ЦАР, Папуа-Новой Гвинеи, Гватемалы.

[572] World Meteorological Organization. Conference Proceedings: The Changing Atmosphere: Implications for Global Security. Toronto, Canada, 27–30 June 1988. – Geneva: Secretariat of the World Meteorological Organization, 1989. – P. 303. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/106359 (дата обращения 20.09.2025).

[573] UN. Report of the World Commission on Environment and Development “Our Common Future”, 4 August 1987 // United Nations. – P.25. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/139811 (дата обращения 20.09.2025).

позиционировала в качестве институционального решения проблемы изменения климата «глобальную демократию, основанную на общем восприятии общих вызовов»[574].

Рассматриваемый дискурс вокруг проблемы изменения климата с самого начала был двойственным, демонстрируя черты как её восприятия в качестве экзистенциальной угрозы (что было показано выше), так и этернализации. Последняя достигалась за счет постоянного акцента на теме «развития» и «роста». Это проявляется и в основополагающей концепции «устойчивого развития». Характеристика «устойчивости», отсылающая к возможности неустойчивости и, следовательно, потенциальной конечности и угрожаемости, здесь лишь уточняет фундаментальное понятие «развития»[575], которое, в свою очередь, подразумевает бесконечную темпоральность. Еще прозрачнее эта расстановка акцентов проговаривается в докладе Комиссии Брунтланн, где отмечается, что идея устойчивого развития подразумевает не «абсолютные границы, а ограничения, связанные с текущим уровнем технологического развития и социальной организации»[576]. Эта мысль повторяется и в выступлении канадского премьер-министра на конференции 1988 года: «мы верим, что не существует пределов экономическому росту, кроме тех, что навязаны ему нашим воображением»[577].

Когда же дело дошло непосредственно до принятия решений на межгосударственном уровне, отмеченная двойственность разрешилась однозначным образом в пользу этернализации. С точки зрения темпоральности, принятые на «Саммите Земли» 1992 г. Рио-де-Жанейрская

---

[574] UN. Report of the United Nations Conference on Environment and Development. Rio de Janeiro, 3-14 June 1992. Volume II: Proceedings of the Conference. – New York: United Nations, 1993. – P. 58. – URL: https://docs.un.org/en/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.II) (дата обращения 20.09.2025).

[575] О концепции «устойчивого развития» как особой вариации дискурса развития см. также: Семененко И.С. «Общественное развитие» в лабиринтах научного дискурса и в приоритетах политической повестки / И.С. Семененко, Т.И. Хайнацкая // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 6. – С. 54-74; Семененко И.С. Дискурсы о благополучии в реальности «неустойчивого развития»: между прошлым и будущим / И.С. Семененко, Т.И. Хайнацкая // Общественные науки и современность. – 2022. – № 5. – С. 76-99.

[576] UN. Report of the World Commission on Environment and Development “Our Common Future”, 4 August 1987 // United Nations. – P. 24. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/139811 (дата обращения 20.09.2025).

[577] World Meteorological Organization. Conference Proceedings: The Changing Atmosphere: Implications for Global Security. Toronto, Canada, 27–30 June 1988. – Geneva: Secretariat of the World Meteorological Organization, 1989. – P. 7. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/106359 (дата обращения 20.09.2025).

декларация по окружающей среде и развитию (т.н. «Декларация Рио») и Рамочная конвенция ООН об изменении климата не описывали изменение климата или иные экологические проблемы как экзистенциальные угрозы человечеству (были использованы существенно более мягкие формулировки: «неблагоприятные последствия» изменения климата[578], «ухудшение состояния глобальной окружающей среды»[579]). Напротив, документы закрепили «право на развитие»[580], имплицитно воспроизводя связанное с понятием развития бесконечное восприятие времени.

В плане же международной политической архитектуры данные документы не содержали никаких намеков на сколь-нибудь глубокую трансформацию институтов Вестфаля, подчеркивая «суверенное право» государств на собственные ресурсы[581] и «принцип суверенитета государств в международном сотрудничестве в деле реагирования на изменение климата»[582]. Как известно, в 1992 г. в принципе не были согласованы какие-либо конкретные международные меры по сокращению выбросов, а общее направление, заданное конференцией в Рио – «суверенный» подход к экологическим проблемам с крайне незначительным делегированием полномочий «наверх» и минимумом жестких обязательств – продолжает характеризовать международную климатическую политику вплоть до настоящего момента.

***

Оба рассмотренных кейса подтверждают выдвинутое предположение о двух сценариях развития ситуации темпорального противоречия. Во-первых, интерпретации ядерного оружия или изменения климата как глобальных

---

[578] Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата, принята 9 мая 1992 года // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения 20.09.2025).

[579] Принцип 7, Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию, принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения 20.09.2025).

[580] См. принцип 3 Декларации Рио; ст. 3.4 Рамочной конвенции ООН об изменении климата.

[581] См. принцип 2 Декларации Рио; преамбулу Рамочной конвенции ООН об изменении климата.

[582] См. преамбулу Рамочной конвенции ООН об изменении климата.

экзистенциальных угроз приводили к делегитимации жесткой приверженности национальному суверенитету и стимулировали различные предложения по трансформации Вестфальского порядка. Во-вторых, логика общества суверенных государств подталкивала акторов к принятию не-экзистенциальных интерпретаций ядерной и климатической угроз, поскольку такие интерпретации порождали практически реализуемые предложения: здесь особенно показательна статья Бернарда Броди, подробно проанализированная в подпараграфе о ядерном оружии.

Важно именно последовательное соответствие: экзистенциальная интерпретация (конечная темпоральность) сочетается с де-легитимацией суверенитета, а бесконечная темпоральность – с сохранением Вестфаля. В рассмотренных источниках мы практически не видим примеров, чтобы отстаивание принципа суверенитета сопровождалось признанием экзистенциального характера ядерной или климатической угроз. Советская апология суверенитета сопровождалась отчетливо не-экзистенциальной интерпретацией ядерной угрозы; в 11 из 14 выступлений[583] на «Саммите Земли», в которых отстаивался принцип суверенитета, не было следов восприятия изменения климата как угрозы самому выживанию человечества. Судя по всему, темпоральное противоречие между институтами Вестфаля и угрозой всеобщей катастрофы в достаточной мере осознается.

Проведенный анализ позволяет сделать и ещё один вывод: в обоих случаях из двух возможных сценариев развития ситуации темпорального противоречия преобладающим была этернализация глобальных угроз. Однако насколько устойчивой она оказывалась? Для более полного понимания тенденций развития темпорального противоречия целесообразно расширить

[583] Тремя исключениями оказались выступления премьер-министра КНР, президента Гватемалы и генерал-губернатора Папуа-Новой Гвинеи. См.: UN. Report of the United Nations Conference on Environment and Development. Rio de Janeiro, 3-14 June 1992. Volume III: Statements Made by Heads of State or Government at the Summit Segment of the Conference. – New York: United Nations, 1993. – P. 34-38,241-243, 247-249. – URL: https://docs.un.org/en/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.III) (дата обращения 20.09.2025).
Следует признать, что эти исключения несколько нарушают общую стройность предложенной концепции, однако, на наш взгляд, не дискредитируют её. В случае Гватемалы и Папуа-Новой Гвинеи отсылки к «выживанию планеты», по сравнению со многими другими выступлениями, являются предельно краткими и выглядят ритуально.

хронологические рамки анализа, что и будет сделано далее в параграфе 3.3. Расширение хронологического охвата также требует сузить тематический фокус, поэтому теперь мы сосредоточимся только на кейсе ядерной политики, так как он даёт более длительный временной срез для изучения. Нас будет интересовать, как развивалась ситуация после первоначального преобладания этернализации и провала первой попытки установления международного контроля над ядерным оружием.

3.3. Темпоральное противоречие ядерной политики[584]

3.3.1. Ядерное сдерживание

Основной ядерной стратегией, после провала ранних планов интернационализации атомной энергетики, в итоге достаточно быстро стало сдерживание. В США оно изначально, при Д. Эйзенхауэре, оформилось в виде концепции «массированного возмездия» – полномасштабного ответного ядерного удара в случае нападения (как ядерного, так и крупного конвенционального) советских сил[585]. В СССР, хотя термин «ядерное сдерживание» официально и не употреблялся, сходной по сути стратегии придерживались с 1960-х годов[586]. Ситуация взаимного ядерного сдерживания двумя сверхдержавами друг друга к концу 1960-х годов была осмыслена в США как «взаимное гарантированное уничтожение» – в угрозе которого, парадоксальным образом, и был как будто обнаружен источник ядерной стабильности и механизм предотвращения ядерной войны[587].

Как следует уже из самой формулировки «взаимное гарантированное уничтожение», в практике взаимного ядерного сдерживания присутствует элемент осознания конечной темпоральности. Так, в 1959 году Эйзенхауэр

---

[584] При написании параграфа использованы, в значительно расширенном и переработанном виде, материалы одного из разделов статьи: Учаев Е.И. Темпоральный подход к проблеме устойчивости ядерной анархии / Е.И. Учаев, А.А. Квартальнов // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – Т. 15, №6. – С. 115-118.

[585] Bundy M. Danger and Survival: Choices About the Bomb in the First Fifty Years / M. Bundy. – New York: Vintage Book, 1990. – P. 255-260.

[586] Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор / А.В. Фененко. – М.: Аспект-Пресс, 2013. – С. 20.

[587] Bundy M. Danger and Survival: Choices About the Bomb… – P. 544.

опасался, что в результате предусмотренного американской стратегией массированного ядерного удара – даже без учета удара соперника – «от северного полушария может ничего не остаться»[588]. Джон Кеннеди в 1962 году отмечал, что необходимо «действовать ответственно и осторожно в эпоху, когда человечество может истребить себя»[589]. В итоге, основанный на понимании такой перспективы тезис, что «в ядерной войне не может быть победителей и она никогда не должна быть развязана» был официально провозглашен лидерами СССР и США в 1985 году, а недавно вновь подтверждён по итогам росссийско-американского саммита в 2021 году[590].

Однако, как было отмечено выше, американская стратегия сдерживания с самого начала допускала возможность нанесения ядерного удара первыми, в ответ на конвенциональное нападение. Советско-российская стратегия, за исключением периода 1982-1993 годов, когда советскими властями было официально объявлено обязательство не применять ядерное оружие первыми, придерживалась и придерживается аналогичного подхода[591]. Но если признаётся, что ядерная война станет всеобщей тотальной катастрофой, то в чём смысл угрожать её началом? Как убедить соперника в достоверности этой угрозы? Это известное фундаментальное противоречие ядерного сдерживания неоднократно отмечалось исследователями. Так, Ганс Моргентау в 1964 году писал о угрозах со стороны США (в ходе Берлинского кризиса) и СССР (в ходе Суэцкого кризиса) применить ядерное оружие: «Учитывая, что известно обеим сторонам о вероятных последствиях ядерной войны, эти угрозы

---

[588] Цит. по: Ibid. – P. 324.
[589] Цит. по: Ibid. – P. 357.
[590] Joint Soviet-United States Statement on the Summit Meeting in Geneva, November 21, 1985 // The American Presidency Project. – URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/joint-soviet-united-states-statement-the-summit-meeting-geneva (дата обращения 20.09.2025); Совместное заявление Президентов России и США по стратегической стабильности, 16 июня 2021 г. // Президент России. – URL: http://kremlin.ru/supplement/5658 (дата обращения 20.09.2025).
[591] Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор… – С. 37-39.
В текущей редакции Основ государственной политики РФ в области ядерного сдерживания в качестве одного из условий применения ядерного оружия указана «агрессия против Российской Федерации и (или) Республики Белоруссия как участников Союзного государства с применением обычного оружия, создающая критическую угрозу их суверенитету и (или) территориальной целостности». См.: Указ Президента Российской Федерации от 19.11.2024 г. № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» // Президент России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51312 (дата обращения 20.09.2025).

очевидно невозможно принимать за чистую монету»[592]. Современный российский исследователь А.Г. Арбатов в схожем контексте пишет об «апориях» ядерного сдерживания, одна из которых заключается в том, что «сдерживание призвано предотвратить войну, но основывается оно на реальных, по большей части секретных планах ведения войны. Они включают концепции первого применения ядерного оружия, с которого, собственно, и начинается ядерная война»[593].

Показательно также, что неоднократно имели место случаи, когда политики стран, официальная ядерная доктрина которых допускала/допускает возможность первого удара, в публичных комментариях (и даже в закрытых обсуждениях) концентрировались исключительно на ответном ударе, тем самым обходя стороной это фундаментальное противоречие сдерживания[594]. Эти фигуры умолчания вполне могут быть связаны с невозможностью внятного непротиворечивого обоснования первого удара при одновременном понимании вероятных катастрофических последствий той цепочки событий, которую этот удар запустит.

Политика ядерного сдерживания, таким образом, скрывает в себе почти ничем не смягченное темпоральное противоречие. С одной стороны, те национальные интересы, преследование которых в определенный момент может подводить к угрозе использования ядерного оружия, проистекают из логики системы межгосударственных отношений, которая, как было показано

---

[592] Morgenthau H.J. The Four Paradoxes of Nuclear Strategy / H.J. Morgenthau // American Political Science Review. – 1964. – Vol. 58, no. 1. – P. 23.

[593] Арбатов А.Г. Десять апорий нашего времени. Теория и практика ядерного сдерживания / А.Г. Арбатов // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 4. – С. 93-94.

[594] В частности, о таких утверждениях Д. Эйзенхауэра и Дж.Ф. Даллеса в 1950-е годы см.: Bundy M. Danger and Survival: Choices About the Bomb… – P. 253-254.
К этой же категории можно отнести и выступление В.В. Путина на Валдайском форуме 2018 года, где было сказано, что «у нас нет в нашей концепции использования ядерного оружия превентивного удара. Наша концепция – это ответно-встречный удар». См.: Путин В.В. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» / В.В. Путин // Президент России. – 18.10.2018. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/58848 (дата обращения 20.09.2025). В действовавшей на тот момент Военной доктрине (как и во всех прочих соответствующих документах постсоветского периода) было прописано, что «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие <…>, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства». См.: Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г., № Пр-2976) // Совет Безопасности Российской Федерации. – URL: http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/ (дата обращения 20.09.2025).

в главе 2, формировалась и функционирует в условиях бесконечной темпоральности. С другой стороны, реализация этой угрозы сдерживается осознанием другой угрозы – угрозы общего конца человечества, вызванной чрезвычайной разрушительной мощью ядерного оружия. Логическим образом, ситуация ядерного сдерживания подталкивает либо к преодолению логики Вестфаля, чтобы надежно исключить неразрешимые столкновения национальных интересов, либо к этернализации ядерного оружия, чтобы устранить угрозу всеобщей катастрофы при сохранении ядерного оружия как эффективного военно-политического инструмента.

3.3.2. Контроль над ядерными вооружениями

Как шаг в первом направлении – к преодолению институциональной структуры Вестфаля – можно рассматривать контроль над вооружениями, как двусторонний советско/российско-американский, так и многосторонний[595]. Он вводит: а) ограничения в самой чувствительной с точки зрения обеспечения суверенитета сфере – сфере военной безопасности; б) в случае ДНЯО и договоров СНВ-I/III, достаточно инвазивные механизмы контроля за исполнением этих ограничений (инспекции на местах)[596]; в) в случае ДНЯО, вводимые СБ ООН санкции за нарушение обязательств – неоднократно применявшиеся и в целом признававшиеся международным сообществом относительно легитимными[597]. В совокупности эти меры представляют собой существенную модификацию традиционных межгосударственных отношений, что становится особенно видно, если сравнить их со слабостью большинства попыток контроля над неядерными вооружениями,

---

[595] Схожей точки зрения придерживается Дэниэл Дадни, который концептуализирует контроль над вооружениями как движение от государствоцентричного к единому республиканско-федеративному мировому порядку. См.: Deudney D.H. Going Critical: Toward a Modified Nuclear One Worldism / D.H. Deudney // Journal of International Political Theory. – 2019. – Vol. 15, no. 3. – P. 367-385.

[596] См.: O'Neill P.D., Jr. Verification in an Age of Insecurity: The Future of Arms Control Compliance / P.D. O'Neill, Jr. – New York: Oxford University Press, 2010. – P. 51-55.

Эндрю Коэ и Джейн Вэйнман в недавней статье показывают, что именно восприятие мер верификации как ограничения суверенитета и угрозы национальной безопасности выступает основной причиной слабой распространенности механизмов контроля над вооружениями. См.: Coe A.J. Why Arms Control Is So Rare / A.J. Coe, J. Vaynman // American Political Science Review. – 2020. – Vol. 114, no. 2. – P. 342-355.

[597] См.: Eckert S.E. United Nations Nonproliferation Sanctions / S.E. Eckert // International Journal. – 2010. – Vol. 65, no. 1. – P. 69-83.

обусловленной интересом государств в сохранении возможности применения соответствующих вооружений[598].

Если же мы рассмотрим темпоральное измерение контроля над ядерными вооружениями, то преамбулы почти всех основных соглашений периода 1972-1991 годов (ПРО, ОСВ-II, ДРСМД, СНВ-I)[599] начинаются с признания, что «ядерная война имела бы для всего человечества опустошительные последствия»[600], а в тексте СНВ-I также добавлено, что «она [ядерная война] никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей»[601]. Сходным образом начинается и преамбула многостороннего Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО): «Учитывая опустошительные последствия, которые имела бы для всего человечества

---

[598] Так, Первая Гаагская конференция задумывалась как посвященная в первую очередь именно разоружению и ограничению вооружений, однако под давлением интересов ведущих держав эта тема была в итоге оттеснена на ней глубоко на второй план. (См., в частности описание этой эволюции в дневниках Ф.Ф. Мартенса: Практическое международное право и дипломатия Ф.Ф. Мартенса… – С. 281-282, 291, 297, 308, 341-344). Во многом аналогичная судьба постигла в 1970-е годы и переговорный процесс по обычным вооружениям, в ходе которого страны НАТО и СССР совместными усилиями сорвали намерения «неприсоединившихся» государств по запрету зажигательных боеприпасов и противопехотных мин и созданию сколь-нибудь эффективных механизмов верификации. (Mantilla G. Deflective Cooperation: Social Pressure and Forum Management in Cold War Conventional Arms Control / G. Mantilla // International Organization. – 2023. – Vol. 77, no. 3. – P. 564–598). Потенциально значимые существующие соглашения страдают либо от неприсоединения к ним ряда ключевых стран (как Оттавская конвенция о запрете противопехотных мин) либо от отсутствия каких-либо механизмов верификации (как Конвенция о запрещении биологического и токсинного оружия).

[599] Этой фразы нет только в преамбуле договора ОСВ-I. См.: Временное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1), 26 мая 1972 г. // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии. – URL: http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-1.txt (дата обращения 20.09.2025).

Однако его можно рассматривать в комплексе с подписанным в тот же день – 26 мая 1972 года – Договором по ПРО.

[600] Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны, 26 мая 1972 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1762352/ (дата обращения 20.09.2025);

Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2), 18 июня 1979 г. // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии. – URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-2.txt (дата обращения 20.09.2025);

Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности, 8 декабря 1987 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/53498/ (дата обращения 20.09.2025).

[601] Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), 31 июля 1991 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1728996/ (дата обращения 20.09.2025).

ядерная война, и вытекающую из этого необходимость приложить все усилия для предотвращения опасности возникновения такой войны и принять меры для обеспечения безопасности народов»[602]. Хотя формулировка «опустошительные последствия» сама по себе и не выражает однозначным образом конечную темпоральность, она тем не менее имплицитно её подразумевает, особенно в сочетании с характеристикой ядерной войны как события, которое никогда не должно произойти и к предотвращению которого нужно приложить все усилия.

Интересным образом, подобные формулировки отсутствуют в соглашениях периода после окончания холодной войны, как двусторонних российско-американских (СНВ-II, СНП, СНВ-III)[603], так и, например, многостороннем Договоре о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Это можно объяснить общей идейной атмосферой 1990-х – начала 2000-х, в которой ядерная война переставала восприниматься как острая, актуальная угроза, и с новой силой распространялись ожидания прогресса международной жизни к разоружению и миру. Преамбулы соглашений содержат указания на такие ожидания: «дальнейший прогресс в достижении этой цели [сокращения вооружений] будет способствовать созданию прочной основы для мирового порядка, построенного на демократических ценностях, который предотвратил бы опасность возникновения войны» (СНВ-II)[604]; «нынешняя международная ситуация предоставляет возможность для

---

[602] Договор о нераспространении ядерного оружия, одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 года // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения 20.09.2025).

[603] Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных потенциалов, 24 мая 2002 г. // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии. – URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/sort.htm (дата обращения 20.09.2025); Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3), 8 апреля 2010 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45179/ (дата обращения 20.09.2025).

[604] Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2), 3 января 1993 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1735950/ (дата обращения 20.09.2025).

принятия дальнейших эффективных мер по ядерному разоружению» (ДВЗЯИ)[605].

Таким образом, контроль над вооружениями частично соответствует первому сценарию развития темпорального противоречия: осознание конечной темпоральности ядерного оружия ведёт к попыткам трансформации Вестфальской политической системы мира. Почему соответствует только частично? Поэтому что описанные механизмы контроля оставались лишь *шагом к реформе* Вестфаля, всё же оставляя на фундаментальном уровне незатронутым институт суверенитета. Все вышеупомянутые соглашения зависели от воли государств присоединиться к ним, а также предусматривали право выхода из соглашения, обосновывая его «осуществлением государственного суверенитета» и «высшими интересами страны»[606].

Как показали первые десятилетия XXI века, возникновение ситуаций, в которых государства будут трактовать свои обязательства по соглашениям по контролю над вооружениями как противоречащие «высшим интересам страны», практически неизбежно. В итоге по состоянию на август 2025 года практически вся система контроля над вооружениями разрушена: США вышли из договоров по ПРО (2002) и РСМД (2019); участие России в СНВ-III приостановлено с 2023 года, и в любом случае срок его продления истекает 5 февраля 2026 года, а каких-либо содержательных переговоров о новом соглашении не ведётся; ДВЗЯИ до сих пор так и не вступил в силу из-за отсутствия подписания и/или ратификации рядом ключевых стран, включая США и Китай, а в 2023 году ратификацию отозвала и Россия; нарастают противоречия между государствами-участниками ДНЯО, и уже две последних

---

[605] Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, 10 сентября 1996 г. // Подготовительная комиссия Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. – URL: https://www.ctbto.org/sites/default/files/Documents/treaty_text_Russian.pdf (дата обращения 20.09.2025).

[606] Формулировка носит однотипный характер в большинстве договоров, см., например, статью X ДНЯО: «Каждый Участник настоящего Договора в порядке осуществления государственного суверенитета имеет право выйти из Договора, если он решит, что связанные с содержанием настоящего Договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы его страны».

Обзорных конференции (в 2015 и 2022 году) завершились без принятия консенсусного итогового документа[607].

Если же обратиться к заявлениям и комментариям сторон, сопровождавшим вышеупомянутые шаги по сворачиванию системы контроля над вооружениями, то никаких маркеров конечной темпоральности, фрейминга глобального экзистенциальной угрозы в них не обнаруживается. Мотивируются же эти действия межгосударственной конкуренцией (в случае выхода США из ПРО, также угрозой со стороны террористов) и стремлением не отстать в этой конкуренции, иначе говоря, логикой баланса сил[608]. Примечательным образом, в заявлении Джорджа Буша-младшего по поводу выхода из ПРО экзистенциальный фрейминг не просто отсутствует, но активно нейтрализуется: «Больше нет враждебности, которая когда-то вынуждала обе наши страны держать тысячи ядерных боеголовок в высокой степени готовности, нацеленными друг на друга. <…> Мы движемся к тому, чтобы заменить взаимное гарантированное уничтожение взаимным сотрудничеством»[609]. Как развитие контроля над ядерными вооружениями

---

[607] О распаде системы контроля над вооружениями см., в частности: Арбатов А.Г. Разоружение в истории и современности: теория vs практика / А.Г. Арбатов // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 5. – С. 36; Карнаухова Е.А. Эрозия режима ядерного нераспространения в условиях трансформации мирового порядка (на примере X Обзорной конференции Договора о нераспространении ядерного оружия) / Е.А. Карнаухова // Пути к миру и безопасности. – 2022. – № 2. – С. 217-233.

[608] Так, США обвиняли Россию в нарушении ДРСМД: «Соединенные Штаты не будут оставаться стороной договора, который целенаправленно нарушается Россией. Несоблюдение Россией договора ставит под угрозу высшие интересы США, так как разработка и развертывание Россией противоречащих договору систем вооружений напрямую угрожает США, нашим союзникам и партнёрам». См.: Pompeo M.R. U.S. Withdrawal from the INF Treaty on August 2, 2019 / M.R. Pompeo // US Department of State. – 02.08.2019. – URL: https://2017-2021.state.gov/u-s-withdrawal-from-the-inf-treaty-on-august-2-2019/ (дата обращения 20.09.2025).

Президент России В.В. Путин, в свою очередь, объяснял приостановку СНВ-III и возможность возобновления ядерных испытаний враждебными действиями со стороны США и НАТО: «США и НАТО прямо говорят о том, что их цель – нанести стратегическое поражение России. И что, после этого они как ни в чём не бывало собираются разъезжать по нашим оборонным объектам, в том числе новейшим? <…> некоторые деятели в Вашингтоне … задумываются уже о возможности натурных испытаний своего ядерного оружия, в том числе с учётом того, что в США идёт разработка новых типов ядерных боеприпасов. Такая информация есть. В этой ситуации Министерство обороны России и Росатом должны обеспечить готовность к испытанию российского ядерного оружия. Первыми мы, разумеется, этого делать не будем, но если США проведут испытания, то и мы проведём». См.: Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023 г. б/н (Выступление Президента Российской Федерации В.В.Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации) / В.В. Путин // Президент России. – 21.02.2023 – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010 (дата обращения 20.09.2025).

[609] U.S. Withdrawal from the ABM Treaty: President Bush’s Remarks and U.S. Diplomatic Notes // Arms Control Association. – 13.12.2001. – URL: https://www.armscontrol.org/act/2002-01/us-withdrawal-abm-treaty-president-bushs-remarks-and-us-diplomatic-notes (дата обращения 20.09.2025).

сопровождалось осознанием конечной темпоральности в виде апелляций к угрозе тотальной катастрофы, так его распад проходил в условиях игнорирования либо отрицания этой угрозы.

3.3.3. Этернализация сдерживания

Сценарии движения во втором направлении – к этернализации ядерного оружия – можно подразделить на практические (попытки сформировать объективную материальную реальность ядерной эпохи таким образом, чтобы реализация ядерной стратегии не приводила к тотальной катастрофе) и идеационные (подразумевающие изменение отношения к возможности тотальной катастрофы). Среди практических, в свою очередь, можно выделить те, которые предусматривают сохранение сдерживания и те, которые ориентированы на его преодоление.

К практическим сценариям этернализации можно отнести, в первую очередь, три предлагавшихся варианта модификации ядерной стратегии. Во-первых, стратегии ограниченной ядерной войны, не доходящей до массированного обмена ударами, которые начали разрабатываться ещё в 1950-е годы[610]. Во-вторых, перевод сдерживания в исключительно ядерную плоскость, с доктринально закрепленным обязательством не применять ядерное оружие в ответ на конвенциональное нападение. Как упоминалось выше, такой линии официально придерживался СССР с 1982 года, а сегодня из ядерных государств о неприменении первыми официально заявляют КНР и Индия[611]. В-третьих, попытки построения эффективной обороны от массированного ядерного удара – этот сценарий, в отличие от двух предыдущих, означает стремление выйти за рамки ядерного сдерживания. Самым известным примером такого рода выступала Стратегическая оборонная инициатива администрации Рейгана[612].

---

[610] См.: Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор… – С. 26-27; Богданов К.В. Сигнальный компонент в стратегиях ограниченного применения ядерного оружия / К.В. Богданов // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 5. – С. 6-9.

[611] Tannenwald N. It’s Time for a U.S. No-First-Use Nuclear Policy / N. Tannenwald // Texas National Security Review. – 2019. – Vol. 2, no. 3. – P. 131.

[612] Bundy M. Danger and Survival: Choices About the Bomb… – P. 570-579.

Во всех трёх случаях по-прежнему существуют серьезные сомнения, что искомое преобразование объективной реальности ядерной эпохи осуществимо. Основная уязвимость стратегий ограниченной ядерной войны заключается в том, что их «эскалационный потенциал <…> велик, а никаких инструментов управления эскалацией, кроме зыбкой презумпции хладнокровно-рационального поведения игроков в кризисной обстановке, так и не предложено»[613]. В этом отношении показательна, к примеру, эволюция взглядов молодого Генри Киссинджера. В 1957 году он выступал за повышение роли тактического ядерного оружия для ведения ограниченных войн, однако уже в 1961 году признавал, что не существует таких способов тактического применения ядерного оружия, которые бы не создавали большой риск эскалации до полномасштабного обмена ударами[614]. Более того, подобные стратегии, делая начальный ядерный удар менее немыслимым, могут парадоксальным образом повышать вероятность катастрофического развития событий. А.Г. Арбатов видит в этом ещё одну «апорию» сдерживания: когда оно «предусматривает варианты ограниченного применения ядерного оружия», это «ослабляет сдерживание и повышает вероятность войны, которую, скорее всего, не удастся вести по каким-то правилам»[615].

Что касается политики неприменения ядерного оружия первыми, она сталкивается с не меньшими сложностями. Первая и наиболее серьезная из них: как убедить крупнейшие ядерные державы, особенно те, которые уступают в обычных вооружениях на потенциальном театре боевых действий, перейти к ней? До сих пор объявления подобного обязательства – и в случае КНР, и в случае СССР – были в ситуации осознания собственного преимущества в наиболее вероятном сценарии конвенционального

[613] Богданов К.В. Сигнальный компонент в стратегиях ограниченного применения ядерного оружия / К.В. Богданов // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 5. – С. 11.
[614] Bundy M. Danger and Survival: Choices About the Bomb… – P. 348.
[615] Арбатов А.Г. Десять апорий нашего времени. Теория и практика ядерного сдерживания / А.Г. Арбатов // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 4. – С. 102.

конфликта[616]. Затем, как обеспечить доверие к подобным обязательствам, учитывая де-факто невозможность гарантировать их соблюдение в ситуации далеко зашедшего конвенционального вооруженного конфликта? Страны НАТО в 1980-е выражали сомнения в серьезности советского обязательства, а сегодня индийские власти аналогичным образом скептичны в отношении политики КНР[617]. Наконец, даже стабильность сдерживания, ориентированного исключительно на ответ на ядерное нападение, может подрываться в процессе эволюции ракетно-ядерных и сопутствующих технологий: развитие потенциала нанесения обезоруживающего контрсилового удара может порождать надежды на принципиальную достижимость победы в ядерной войне[618], что вынуждает другую сторону переходить к стратегиям ответно-встречного удара, которые уязвимы к ложному срабатыванию систем оповещения и повышают риск «случайной» ядерной войны[619].

По частично схожей причине подвергаются критике и попытки создания оборонительных систем от стратегического ядерного оружия. С одной стороны, до сих пор нет оснований полагать, что такие системы были бы эффективны при по-настоящему массированном ударе сотнями баллистических ракет, не говоря о новых типах носителей, целенаправленно созданных для преодоления обороны[620]. С другой стороны, в сочетании с контрсиловым потенциалом развитие противоракетной обороны может повышать привлекательность первого удара, что, в свою очередь, вызывает уже у потенциального соперника стимул к упреждающим действиям[621].

---

[616] Bundy M. Danger and Survival: Choices About the Bomb… – P. 531-532,600.
[617] Tannenwald N. It's Time for a U.S. No-First-Use Nuclear Policy / N. Tannenwald // Texas National Security Review. – 2019. – Vol. 2, no. 3. – P. 131; Talmadge C. When Actions Speak Louder Than Words: Adversary Perceptions of Nuclear No-First-Use Pledges / C. Talmadge, L. Michelini, V. Narang // International Security. – 2024. – Vol. 48, no. 4. – P. 7–46.
[618] Lieber K.A., Press D.G. The New Era of Counterforce: Technological Change and the Future of Nuclear Deterrence / K.A. Lieber, D.G. Press // International Security. – 2017. – Vol. 41, no. 4. – P. 9–49.
[619] Арбатов А.Г. Десять апорий нашего времени. Теория и практика ядерного сдерживания… – С. 95-97.
[620] Арбатов А.Г. Угрозы стратегической стабильности – мнимые и реальные / А.Г. Арбатов // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 3. – С. 11-15.
[621] Арбатов А.Г. Десять апорий нашего времени. Теория и практика ядерного сдерживания… – С. 102-104.

Все три рассмотренных сценария «практической» этернализации ядерного оружия, таким образом, оказываются под сомнением. Политика ядерного сдерживания по-прежнему заключается, парадоксальным образом, в убеждении других в собственной готовности реализовать угрозу всеобщей гибели. В связи с этим не удивительно, что мы наблюдаем также и случаи исключительно идеационной этернализации, когда признание возможности такого катастрофического развития событий сопровождается попытками мировоззренческого нивелирования его значимости. Рассмотрим два таких случая.

Первый пример идеационной этернализации находим на заключительных страницах работы «Ядерная революция» американского исследователя Майкла Мандельбаума. Он отмечает, что «западное воображение не может вместить в себя идею ядерного уничтожения (*nuclear annihilation*) из-за западных представлений о времени»[622]. Из-за господства линейно-прогрессивной концепции истории возможность ядерной войны воспринимается как бессмысленный, беспросветный ужас. Однако, замечает Мандельбаум, есть и другие – незападные – представления, в которых время мыслится как цикличное, и «периодически повторяются катаклизмы и трансформация космоса»[623]. Он не призывает ни к чему прямо, но указывает, что принятие подобных представлений могло бы снять «напряжение, существующее между физическими свойствами ядерного оружия и культурным инструментарием для осмысления конца всего»[624].

Вторым примером может служить известное высказывание Президента России В.В. Путина на Валдайском форуме 2018 года. Рассуждая о гипотетической необходимости применить ядерное оружие в ситуации ответно-встречного удара и последствиях такого применения, он признаёт, что «конечно, это всемирная катастрофа», затем уточняет смысл такой стратегии

---

[622] Mandelbaum M. The Nuclear Revolution: International Politics before and after Hiroshima / M. Mandelbaum. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – P. 228.
[623] Ibid.
[624] Ibid. – P. 229.

(«агрессор всё равно должен знать, что возмездие неизбежно, что он будет уничтожен») и заключает следующим образом: «А мы – жертвы агрессии, и мы как мученики попадём в рай, а они просто сдохнут, потому что даже раскаяться не успеют»[625]. Яркая форма не должна нас здесь отвлекать от смыслового наполнения, очень показательного в отношении темпорального противоречия ядерного сдерживания. С одной стороны, у рассматриваемого высказывания был рациональный прагматичный посыл: изложить российскую концепцию сдерживания, не оставив сомнений в её действенности. С другой стороны, сдерживание само по себе фундаментально противоречиво и иррационально, как разбиралось выше. Одно лишь признание «всеобщей катастрофы» лишало бы рациональности и осмысленности всё, к ней ведущее, но упоминание «рая» лишает катастрофу окончательности, буквально этернализует – продлевает в вечность – гипотетическую судьбу людей в ситуации ядерной войны. Это высказывание, таким образом, обеспечивает выход из темпорального противоречия – выход, как минимум, ситуативно-риторический, как максимум, полноценный мировоззренческий.

3.3.4. Разоружение

Как ещё одно свидетельство зависимости характера ядерной политики от определенных представлений о времени, имеет смысл рассмотреть популярный в XXI веке «гуманитарный» подход к ядерному разоружению. Под ним здесь понимается деятельность группы стран (среди них – Мексика, Австрия, Норвегия, Швеция, Новая Зеландия)[626], наиболее недовольных отсутствием прогресса по разоружению в соответствии со статьей VI ДНЯО со стороны ядерных государств, а также транснациональной сети организаций гражданской общества, объединенных под эгидой «Международной кампании за запрещение ядерного оружия» (ИКАН). С конца 2000-х годов данные акторы начали продвигать подход, согласно которому ядерное оружие должно

[625] Путин В.В. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» / В.В. Путин // Президент России. – 18.10.2018. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/58848 (дата обращения 20.09.2025).
[626] Михайленко Е.Б. От политики убеждения к дипломатии: уроки Международной кампании по запрещению ядерного оружия / Е.Б. Михайленко // Международные процессы. – 2022. – Т. 20, № 1. – С. 64.

быть запрещено как негуманное, аморальное и, в конечном счёте, противоречащее международному праву[627]. Кульминацией этого подхода стало принятие в 2017 году Договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО), который получил поддержку в основном стран «глобального Юга» и, напротив, столкнулся с единодушной критикой государств, обладающих ядерным оружием[628].

Для нас наиболее интересны два взаимосвязанных аспекта этого подхода. Во-первых, хотя риторика глобальной экзистенциальной угрозы и присутствует в ДЗЯО и материалах ИКАН, она носит вторичный характер по отношению к гуманитарной, этической и правовой риторике. Так, в преамбуле ДЗЯО вторым пунктом (после общей ссылки на цели и принципы Устава ООН) указана глубокая «озабоченность по поводу катастрофических гуманитарных последствий, которыми чревато любое применение ядерного оружия», и именно из этого для участников договора вытекает «необходимость полной ликвидации такого оружия». Тот факт, что применение ядерного оружия создает «серьезную угрозу выживанию человечества», отмечен только в четвертом пункте преамбулы, к тому же эта формулировка несколько релятивизирована тем, что после «выживания человечества» перечислением указаны ещё несколько объектов, которым ядерное оружие создает угрозу, от окружающей среды до здоровья нынешних и будущих поколений. В остальных пунктах (достаточно длинной) преамбулы мы встречаем ссылки на «нравственные императивы», страдания жертв применения и испытаний ядерного оружия, «нормы международного права», «принципы гуманности и требования общественного сознания», которые

---

[627] См.: Махукова А.В. Гуманитарная инициатива: критическая масса антиядерных активистов / А.В. Махукова // Индекс безопасности. – 2016. – Т. 22, № 1. – С. 107-120; Ruzicka J. The Next Great Hope: The Humanitarian Approach to Nuclear Weapons / J. Ruzicka // Journal of International Political Theory. – 2019. – Vol. 15, no. 3. – P. 386–400.

[628] См.: Тузмухамедов Б.Р. Правовая скорлупа для безъядерной иллюзии / Б.Р. Тузмухамедов // Россия в глобальной политике. – 2021. – Т. 19, №2. – С. 120-130.

наглядно иллюстрируют основное содержание используемой риторической стратегии[629].

Аналогичным образом, в разделе «Почему запрет?» сайта ИКАН акцент сделан на «негуманном и недискриминационном» характере ядерного оружия[630], а исполнительный директор ИКАН Беатрис Фин, в лекции по случаю вручения коалиции Нобелевской премии мира в 2017 году, утверждала, что «как [ядерное оружие] было создано под давлением геополитического контекста, так же просто оно может быть и уничтожено, если поместить его в гуманитарный контекст»[631]. Впрочем, необходимо отметить, что Фин артикулировала и конечную темпоральность: «У истории ядерного оружия будет конец, и нам решать, каким он будет. Будет ли это конец ядерного оружия, или наш конец?»[632]. По частоте апелляции к этому экзистенциальному выбору нобелевское выступление несколько выбивается из общей стратегии аргументации ИКАН, основной фокус которой наглядно показывает небольшой текст, вынесенный на главную страницу сайта: «Ядерное оружие – это самый негуманный и недискриминационный вид вооружений из когда-либо созданных. Оно нарушает международное право, наносит серьезный экологический ущерб, подрывает национальную и глобальную безопасность, и отвлекает огромные государственные ресурсы, которые можно было бы потратить на нужды людей. Оно срочно должно быть ликвидировано»[633]. Здесь есть общая апелляция к праву и морали, но не к угрозе всеобщего уничтожения.

Во-вторых, гуманитарный подход подразумевает, что полный отказ от ядерного оружия достижим в рамках общества государств, без

---

[629] См.: Договор о запрещении ядерного оружия, 7 июля 2017 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://docs.un.org/ru/A/CONF.229/2017/8 (дата обращения 20.09.2025).
[630] Why a ban // International Campaign to Abolish Nuclear Weapons. – URL: https://www.icanw.org/why_a_ban (дата обращения 20.09.2025).
[631] Fihn B. International Campaign to Abolish Nuclear Weapons: Nobel Prize lecture / B. Fihn, S. Thurlow // The Nobel Prize. – 10.12.2017. – URL: https://www.nobelprize.org/prizes/peace/2017/ican/lecture/ (дата обращения 20.09.2025).
[632] Ibid.
[633] International Campaign to Abolish Nuclear Weapons: сайт. – URL: https://www.icanw.org/ (дата обращения 20.09.2025). См. также скриншот этой страницы по состоянию на 23 августа 2025 года в Приложении В.

фундаментальной трансформации его институциональной структуры. Так, ДЗЯО в принципе обходит стороной вопрос о санкциях за нарушение его положений, а также традиционно предусматривает право участников на выход «в порядке осуществления своего государственного суверенитета» (статья 17)[634]. Поиск по материалам сайта ИКАН также не обнаруживает каких-либо упоминаний необходимости ограничения государственного суверенитета. В целом, ДЗЯО, как по своему содержанию, так и по траектории разработки и принятия остаётся полностью в рамках мультилатерализма. Активная роль неправительственных организаций могла бы показаться выходом за рамки многосторонности, однако гражданское общество в конечном счёте не приобретает здесь автономной роли: его влияние остаётся опосредовано волей государств-участников Договора.

Показательно сравнение гуманитарного подхода к разоружению с манифестом Рассела-Эйнштейна 1955 года, положившим начало Пагуошскому движению учёных. Здесь, напротив, именно фрейминг ядерного оружия как глобальной экзистенциальной угрозы оказывается в центре аргументации. Уже второе предложение манифеста гласило: «мы выступаем <…> как представители человеческого рода, дальнейшее существование которого находится под сомнением». Далее эта же мысль многократно повторяется в различных вариациях: «самые большие специалисты единодушно утверждают, что война с применением водородных бомб вполне может уничтожить род человеческий. Можно опасаться, что в случае использования большого количества водородных бомб, последует всеобщая гибель − внезапная только для меньшинства, а для большинства − медленная и мучительная»; «Мы обращаемся как люди к людям: помните о том, что вы принадлежите к роду человеческому и забудьте обо всём остальном. Если вы сможете сделать это, то перед вами открыт путь в новый рай; если вы это не

[634] Договор о запрещении ядерного оружия, 7 июля 2017 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://docs.un.org/ru/A/CONF.229/2017/8 (дата обращения 20.09.2025).

сделаете, то − перед вами опасность всеобщей гибели»[635]. В свою очередь, из такой постановки проблемы для авторов манифеста логически следовало ограничение суверенитета: «…вопрос, который мы ставим перед вами, − вопрос суровый, ужасный и неизбежный: должны мы уничтожить человеческий род, или человечество откажется от войн? Люди не хотят столкнуться с такой альтернативой, так как очень трудно искоренить войну. Искоренение войны потребует мер по ограничению национального суверенитета, которые будут ненавистны чувству национальной гордости»[636].

Следовательно, мы видим, что, когда инициативы по разоружению делают акцент на конечной темпоральности экзистенциальной угрозы – как в манифесте Рассела-Эйнштейна, они ведут к предложениям по трансформации основ Вестфаля. Когда же такие инициативы фокусируются на иных аспектах – как в случае гуманитарного подхода, они не затрагивают институциональных основ общества государств.

***

Итак, мы видим, что этернализация ядерного оружия, произошедшая в конце 1940-х, не приобрела полностью устойчивого характера. Фрейминг глобальной экзистенциальной угрозы регулярно ре-актуализировался, возвращая общество государств в ситуацию темпорального противоречия. Вновь в целом подтвердились и два сценария развития этой ситуации: осознание конечной темпоральности приводило к контролю над вооружениями как шагу в направлении трансформации Вестфаля посредством ограничения института суверенитета, попытки сохранить ядерное оружие в качестве рабочего инструмента межгосударственной конкуренции и политики балансирования сопровождались его этернализацией.

Следует, однако, признать, что, хотя за 80 лет ядерной эпохи этернализация не смогла полностью вытеснить экзистенциальные

---

[635] Манифест Рассела - Эйнштейна, 1955 г. // Российский Пагуошский комитет при Президиуме РАН. – URL: http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html (дата обращения 20.09.2025).
[636] Там же.

интерпретации, именно эта тенденция развития ситуация темпорального противоречия остаётся преобладающим по сравнению с попытками трансформации Вестфаля. Самая «продвинутая» подобная попытка из мотивированных страхом ядерной катастрофы – контроль над вооружениями – на наших глазах сходит на нет под давлением соперничества великих держав. Даже наиболее влиятельное в последние годы движение за разоружение – «гуманитарный подход» – в минимальной степени задействует риторику экзистенциальной угрозы и может рассматриваться как агент этернализации.

Таким образом, остаётся вопрос: почему так происходит? Сама по себе способность Вестфаля воспроизводить согласованные с ним представления о бесконечности времени ещё не является достаточным ответом. Каковы другие факторы, которые облегчают этернализацию и одновременно затрудняют преодоление Вестфаля, которое, напомним, также является возможным сценарием выхода из ситуации темпорального противоречия?

3.4. Факторы этернализации глобальных экзистенциальных угроз

Представляется, что все факторы, способствующие процессам этернализации, можно в аналитических целях разделить на три группы: институциональные, идейные и материальные. При этом, институциональные и материальные факторы выступают для процессов этернализации внешними способствующими условиями. Определенные институты и природные или технологические тенденции могут создавать стимулы для переосмысления глобальных угроз как не-экзистенциальных, но сами по себе неспособны обеспечить такое переосмысление, для этого необходимы уже идейные факторы, то есть, наличие в современной культуре определенных представлений, которые непосредственно обеспечивают альтернативные схемы интерпретации глобальных угроз. Схематически это можно отразить в виде модели, представленной на Рисунке 3.3.

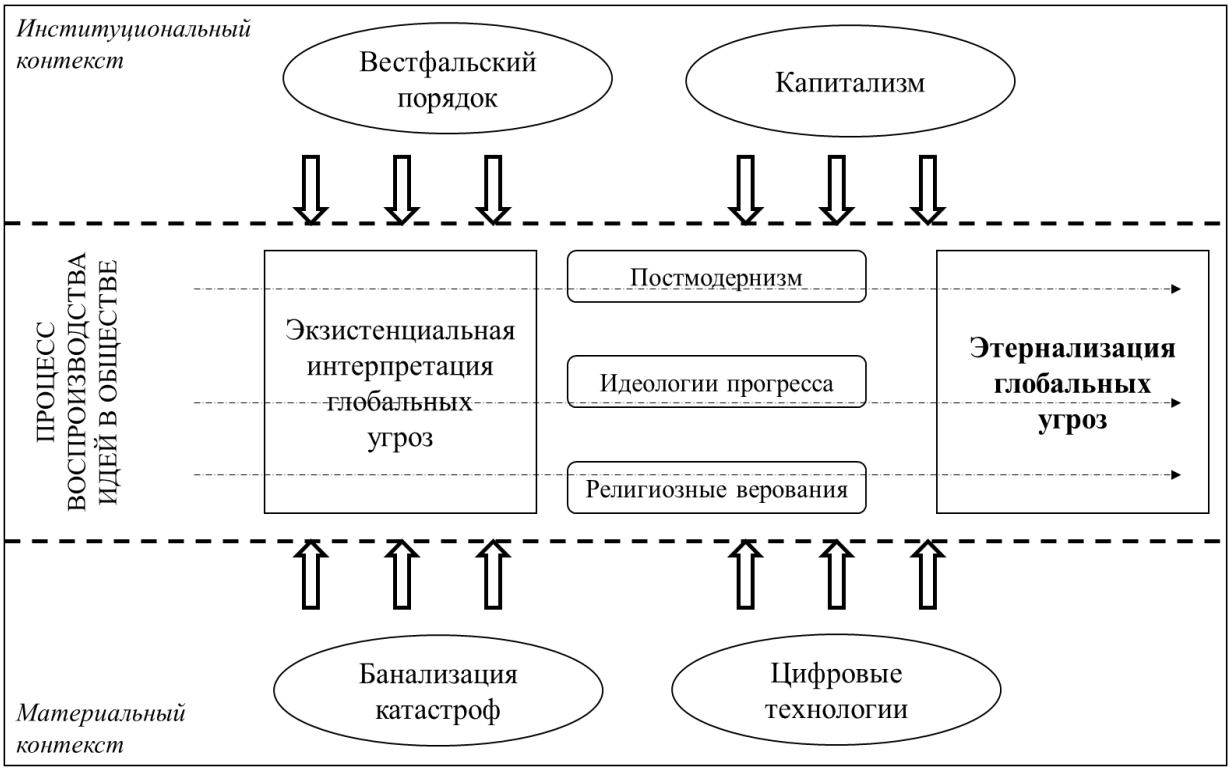

Рисунок 3.3. Модель процесса этернализации глобальных угроз
Источник: составлено автором.

Начнём с *институциональных факторов.* Как следует из всего предшествующего изложения, важнейшим фактором этернализации выступает сама Вестфальская политическая система мира, институциональная логика которой подталкивает функционирующих в ней людей к мышлению в категориях бесконечного времени. Дополнительное подтверждение этому даёт проведённый в параграфе 3.2 анализ: в обоих рассмотренных случаях этернализирующий дискурс становился преобладающим при переходе непосредственно к принятию решений на межгосударственном уровне. Тогда как на более ранних этапах (определение повестки, выработка альтернатив), где, в том числе, высока роль экспертных сообществ, дискурс экзистенциальной угрозы был распространен, как минимум, не менее широко. Вместе с тем, остаётся вопрос о причинах устойчивости Вестфальских институтов и трудности их трансформации даже в том случае, когда мотивацией к изменениям выступает угроза глобальной катастрофы. Одна часть ответа, по всей видимости, заключается в присущей Вестфальскому порядку межгосударственной конкуренции, которая производит внешние

угрозы и опасности, легитимирующие для индивидов собственное государство и чувство принадлежности к нему как наиболее надежный способ противостояния внешним угрозам[637]. Так, согласно Нэйтану Сирсу, острота великодержавного соперничества препятствовала закреплению интерпретаций ядерного оружия как глобальной экзистенциальной угрозы в 1940-е годы и препятствует закреплению подобных интерпретаций искусственного интеллекта сегодня, поскольку в этих условиях приоритет получает защита государства от угроз со стороны других государств[638].

Другим фактором устойчивости Вестфаля в конкуренции с альтернативными проектами политической организации мира выступает достигнутый им глобальный охват, а также высокая степень инфраструктурного проникновения в жизнь обществ. Сегодня весь мир формально разделён на суверенные государства[639]. Различные фактические исключения – «непризнанные» и «несостоявшиеся» государства, прочие «области с ограниченной государственностью»[640] – конечно, существуют, однако их влияние на отношения ведущих государств незначительно, и, в любом случае, они рассматриваются как недолжные состояния, подлежащие устранению. Что ещё более важно, государства модерна обладают заметно более высоким, чем все предшествовавшие им формы политической

---

[637] Тема конститутивной роли внешней угрозы в поддержании государственных идентичностей наиболее подробно освещается в постструктуралистских исследованиях. Так, Дэвид Кэмпбелл отмечал: «Постоянное формулирование опасности посредством внешней политики – это не угроза идентичности или существованию государства, это, напротив, условие его возможности» (Campbell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity / D. Campbell. – Revised edition. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998. – P. 13). О том же, в несколько более эзотерической формулировке, писал и Ричард Эшли: «Практики современного государственного строительства работают, главным образом, не посредством решения проблем и предотвращения опасностей во имя уже существующего внутреннего населения. Они работают посредством формулирования проблем и угроз, которые могут быть расценены как внешние, и чей внешний характер позволяет сформировать “внутреннее население”, могущее принять государство в качестве своего центра и признать его претензии на легитимность» (Ashley R. Living on Border Lines: Man, Poststructuralism, and War / R. Ashley // International/Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics / Ed. by J. Der Derian, M.J. Shapiro. – New York: Lexington Books, 1989. – P. 302).

[638] Sears N.A. Great Power Rivalry and Macrosecuritization Failure: Why States Fail to “Securitize” Existential Threats to Humanity : A thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of PhD in Political Science / N.A. Sears; University of Toronto. – Toronto, 2023. – 319 p.

[639] Те же пространства, которые (пока) целенаправленно исключены из сферы государственного контроля – космос, открытый океан и морское дно, Антарктида – характеризуются условиями, (пока) препятствующими устойчивому существованию там крупных человеческих сообществ.

[640] См.: The Oxford Handbook of Governance and Limited Statehood / Ed. by T. Risse, T. Borzel, A. Draude. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – 633 p.

организации, уровнем инфраструктурной власти, понимаемой как «институциональная способность государственного центра <…> проникать вглубь своих территорий и логистически реализовывать свои решения»[641]. В этом процессе всё большую часть общества охватывают как организационные структуры государственной власти, так и присущие им способы восприятия и осмысления реальности – так как государство есть монополия не только на физическое насилие, но и на символическую власть, оно «прививает схожие когнитивные структуры всему множеству агентов, находящихся в его юрисдикции»[642]. Как следствие, какая-либо иная форма политической организации не может зародиться и окрепнуть за пределами Вестфальского порядка – любая альтернатива оказывается вынуждена «прорастать изнутри» общества государств, с самого начала вступая с ним во взаимодействие и конкуренцию.

Кроме того, единственная другая институциональная структура современного мира, которая сопоставима с Вестфальским порядком по степени всеохватности и проникновения в жизнь людей – глобальный капитализм[643] – также взаимосвязана с бесконечной темпоральностью. С одной стороны, капитализм основан на абстрактной логике бесконечного накопления капитала, которая может закрепиться как цель социальной деятельности только в условиях бесконечной темпоральности[644]. С другой стороны, последствия функционирования капитализма способствуют воспроизводству такого восприятия времени: так, исторически связанный с

---

[641] Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т.2. Становление классов и наций-государств, 1760-1914 (книга первая) / М. Манн; пер. с англ. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2020. – С. 89.

[642] Бурдье П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992) / П. Бурдье; пер. с фр. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2016. – С. 325.

О том же пишет и Майкл Манн: «…в одном отношении государство сингулярно: с повышением инфраструктурного взаимопроникновения оно имеет тенденцию натурализовывать социальную жизнь. Власть государства модерна в основном касается не государственных элит, властвующих над обществом, а уплотняющихся отношений «государство — общество», запирающих социальные отношения в «клетке» на национальной, а не на локально-региональной или транснациональной территории, тем самым политизируя и геополитизируя гораздо больше социальной жизни, чем в предшествующих государствах». См.: Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т.2. Становление классов и наций-государств… – С. 92.

[643] О глобальности и устойчивости капитализма см., например: Milanovic B. Capitalism, Alone: The Future of the System That Rules the World / B. Milanovic. – Cambridge, MA: Belknap Press, 2019. – 304 p.

[644] См.: Sewell W.H. The Temporalities of Capitalism / W.H. Sewell // Socio-Economic Review. – 2008. – Vol. 6, no. 3. – P. 521-527.

капитализмом опыт устойчивого экономического роста создавал «ощущение времени как открытого и прогрессивного»[645], а присущая ему динамика подъемов и спадов, выходящая на первый план в ситуациях длительного замедления роста, натурализует циклическую темпоральность[646]. Обратим внимание также, что для рыночного капитализма, как и для общества государств, характерно состояние конкуренции множества независимых акторов. Логика конкуренции вынуждает их приоритизировать краткосрочные цели, и на нормативном, ценностном уровне такая приоритизация может быть обоснована только при наличии предпосылки о безусловном бесконечном воспроизводстве всей системы, что снимает потребность в учёте долгосрочных последствий конкуренции.

Перейдём к *материальным факторам* этернализации. К ним можно отнести те более объективные природные и технологические тенденции, которые содействуют закреплению идей о бесконечности времени и/или снижают правдоподобность представлений об окончательной глобальной катастрофе. Здесь стоит отметить, во-первых, «банализацию» кризисов и катастроф в результате возрастания их частоты: экономический кризис, пандемия, военный конфликт, стихийное бедствие…[647] Чем прочнее менее масштабные катастрофы становятся частью повседневной жизни[648], тем сложнее становится помыслить катаклизм подлинно экзистенциальный, поскольку предупреждение о любой катастрофе имплицитно вписывается в ряд тех, что уже были. Примером могут служить опубликованные заметки японской писательницы Рёко Секигути, которые она вела несколько месяцев после землетрясения 10 марта 2011 года, вызвавшего цунами и аварию на АЭС «Фукусима». Секигути фиксирует своё восприятие в первые часы катастрофы: «Информация <…> напоминала о прошлых стихийных бедствиях. Судя по

[645] Sewell W.H. The Capitalist Epoch / W.H. Sewell // Social Science History. – 2014. – Vol. 38, no. 1–2. – P. 6-7.
[646] Ibid. – P. 8-9.
[647] Jordheim H. Conceptual Synchronisation: From Progress to Crisis / H. Jordheim, E. Wigen // Millennium: Journal of International Studies. – 2018. – Vol. 46, no. 3. – P. 421–439.
[648] А они становятся, см., например, о «новом катастрофизме»: Kravchenko S.A. “New catastrophism” and the future: the demand for non-linear knowledge / S.A. Kravchenko, A.E. Perova // RUDN Journal of Sociology. – 2017. – Vol. 17, no. 4. – P. 449-459.

всему, на этот раз дело серьезное, но и такое случалось, и не раз»[649]. Землетрясения для Японии – явление достаточно распространенное, поэтому «до наступления ночи большинство японцев считали, что речь идёт о стихийном бедствии типа тех, которые они уже пережили…»[650]. Что ещё более примечательно, беспрецедентный характер событий марта 2011 года не изменил этого восприятия катастроф как периодических, не-окончательных явлений. Заметки заканчиваются утверждением бесконечной темпоральности: «У книги всегда есть конец. А у реальности нет. <…> Потому что катастрофа, революция, война никогда не заканчиваются в тот момент, когда им приходит конец. Они ещё долго продолжаются. Эта хроника не может закончиться, она может только прерваться. <…> Потому как конца не существует»[651].

Во-вторых, ещё одним материальным фактором этернализации оказываются современные цифровые технологии, которые создают ощущение «вечного сегодня»[652]. Технологии «подталкивают индивидов действовать в моменте, почти не осмысляя ни прошлое и его влияние на настоящее, ни историческую преемственность, ни будущее и долгосрочные стремления и планы»[653]. С политической точки зрения, сокращается временной горизонт политического действия, которое становится всё больше ориентировано на поддержание благоприятного информационного фона в круглосуточном новостном потоке и социальных сетях[654].

Наконец, под *идейными факторами* этернализации, как уже говорилось выше, здесь понимаются существующие в современной культуре представления и схемы интерпретации, которые обеспечивают восприятие времени как бесконечного в целом и соответствующее переосмысление глобальных угроз в частности. Во-первых, по-прежнему достаточно сильна

---

[649] Секигути Р. Это не случайно. Японская хроника / Р. Секигути; пер. с фр. – М.; Владивосток: Ад Маргинем Пресс, 2025. – С. 10.
[650] Там же. – С. 11.
[651] Там же. – С. 140.
[652] Kitchin R. Digital Timescapes: Technology, Temporality and Society / R. Kitchin. – Cambridge: Polity Press, 2023. – P. 37-41.
[653] Ibid. – P. 156.
[654] Ibid. – P. 83.

вера в научно-технический прогресс, порождающая «технооптимистические» подходы к преодолению глобальных угроз. Так, подобные представления во многом лежали в основе идеи Р. Рейгана о Стратегической оборонной инициативе: 40-й президент США «верил, что те же люди, которые создали угрозу, могут её устранить», возлагая тем самым надежды на американских ученых и уровень технологического развития[655]. В случае проблемы изменения климата тот же оптимизм в отношении безграничных возможностей технологий присущ проектам по геоинженерии и, в целом, эко-модернистским концепциям, согласно которым «выживаемость человеческих и природных систем можно принять за данность, что делает технологические эксперименты с планетой одновременно реалистичными и легитимными»[656].

Показательной иллюстрацией того, как укорененность представлений о необходимости и естественности прогресса (на этот раз, социально-экономического) затрудняет осознание экзистенциальных угроз, служит судьба концепции «планетарных границ» на Конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» в 2012 году. Концепция «планетарных границ» (*planetary boundaries*), сформулированная группой ученых в 2009 году, выделяет 9 ключевых показателей общего состояния Земли: уровень концентрации CO_2 в атмосфере, уровень биоразнообразия, уровень кислотности океанов и т.д., превышение пороговых значений которых с высокой вероятностью приведёт к выходу за пределы благоприятных природных условий, в которых человечество развивалось на протяжении последних 10 тыс. лет. По оценкам исследователей, на 2009 год три из девяти границ (концентрация углекислого газа в атмосфере, скорость вымирания видов, объемы извлечения азота из атмосферы) уже были пересечены[657]. Когда в процессе подготовки к «Рио-20» представители научного сообщества

[655] Bundy M. Danger and Survival: Choices About the Bomb… – P. 571.
[656] Rothe D. Governing the End Times? Planet Politics and the Secular Eschatology of the Anthropocene // Millenium: Journal of International Studies. – 2020. – Vol. 48, no. 2. – P. 153.
[657] Rockström J. A safe operating space for humanity / J. Rockström, W. Steffen, K. Noone [et al.] // Nature. – 2009. – Vol. 461, no. 7263. – P. 472–475.

предложили отразить концепцию «планетарных границ» в итоговом документе Конференции, они столкнулись с опасениями развивающихся стран, что такая формулировка затруднит продвижение их повестки борьбы с бедностью и экономического развития. Эти опасения в итоге и возобладали, и упоминания «планетарных границ» были на достаточно ранней стадии переговоров исключены из проектов решений Конференции[658]. Базовая ориентация на развитие приводит к тому, что «планетарные границы» не воспринимаются как подлинные *границы*, пересечение которых действительно грозит экзистенциальной катастрофой. Главное, чтобы в будущем было «развитие», наличие же будущего самого по себе кажется гарантированным.

Во-вторых, как показывают приведенные выше (см. пункт 3.3.3) примеры, традиционные религиозные представления также могут выступать идейным фактором этернализации. При вере в иной мир (или в возрождение этого мира) даже всеобщая гибель утрачивает абсолютный характер. Как следствие, она может оказаться оправдана в определенных обстоятельствах. Такую позицию высказывал, к примеру, немецкий богослов Густав Гундлах в ходе шедших в ФРГ дискуссий о ядерном оружии в конце 1950-х годов: «…даже уничтожение целого народа, показывающее его верность богу в борьбе с несправедливым агрессором, может приобретать такое значение, что оно было бы оправданно»[659].

---

[658] Irwin A. Your guide to science and technology at Rio+20 / A. Irwin // SciDev. – 12.06.2012. – URL: https://www.scidev.net/global/features/your-guide-to-science-and-technology-at-rio-20-1/ (дата обращения 20.09.2025).

[659] Цит. по: Hollerich M. Total War and Limited Government: The German Catholic Debate at the Dawn of the Nuclear Age / M. Hollerich // Theology and World Politics: Metaphysics, Genealogies, Political Theologies / Ed. by Vassilios Paipais. – Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. – P. 245.

Для некоторых групп христианских фундаменталистов характерны и более радикальные и тревожащие воззрения о допустимости не только оборонительного, но и наступательного применения ядерного оружия как средства приближения апокалипсиса. См.: Cook M.L. Christian Apocalypticism and Weapons of Mass Destruction / M.L. Cook // Ethics and Weapons of Mass Destruction: Religious and Secular Perspectives / Ed. by S.H. Hashmi, S.P. Lee. – New York & Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 200-210; Kierulff S. Armageddon Theology and the Risk of Global War: The Limits of Religious Tolerance in the Nuclear Age / S. Kierulff // Journal of Humanistic Psychology. – 1992. – Vol. 32, no. 4. – P. 92–107.

В-третьих, постмодернистская ситуация распада «больших нарративов»[660] также оказывается благоприятной для этернализации по ряду причин. Для начала, сомнения распространяются также на научные нарративы[661], а поскольку интерпретации и экологических проблем, и ядерного оружия как глобальных экзистенциальных угроз зависят от научного анализа, недоверие к науке может вести к отрицанию подобных интерпретаций. Феномен отрицания изменения климата (*climate denialism*) иллюстрирует эту тенденцию[662]. Кроме того, если бесконечная темпоральность может поддерживаться самой разной комбинацией локальных мировоззрений[663], то конечная темпоральность неизбежно функционирует как универсалистский метанарратив (поскольку событие конца конструирует для всего человечества общую судьбу) и потому оказывается специфическим образом несовместимо с постмодернистским состоянием культуры[664].

***

Приведенные в настоящей главе свидетельства показывают, что темпоральные представления выступают важным фактором международной политики в области ядерного оружия и изменения климата. Подразумеваемая ядерной и климатической угрозами конечная темпоральность оказывается несовместима с опирающимся на бесконечную темпоральностью обществом суверенных государств, что затрудняет принятие эффективных мер по борьбе с угрозами. Последнее, в конечном счёте, требует трансформации Вестфальской в какую-то иную политическую систему мира, институциональная структура которой была бы совместима с представлениями о потенциальной конечности времени человечества. До сих

---

[660] Lyotard J.-F. 1984. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge / J.-F. Lyotard; trans. from the French. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. – 110 p.

[661] Oreskes N. Why Trust Science? / N. Oreskes et al. – Princeton: Princeton University Press, 2019. – 360 p.

[662] Pulles T. Climate Denialism / T. Pulles // American Journal of Economics and Sociology. – 2025. – Vol. 84, no. 1. – P. 7-19

[663] Такой идейный плюрализм, судя по всему, в принципе благоприятствует пониманию времени как бесконечного. См.: Харкевич М.В. Преодоление апокалипсиса в плюралистическом пространстве поэтики и политики / М.В. Харкевич // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 2. – С. 25-37.

[664] О противоречиях между постмодернизмом и представлениями о реальности глобальных экзистенциальных угроз см. подробнее: Uchaev Ye.I. The Anthropocene Consensus: Transforming International Politics in the Age of Global Existential Threats / Ye.I. Uchaev // Russia in Global Affairs. – 2021. – Vol. 19, no. 3. – P. 212-213.

пор, однако, более распространенной оказывалась этернализация глобальных угроз, обеспечивающая идейные условия сохранения Вестфальского порядка.

Представляется важным уточнить, что предложенные концепции «темпорального противоречия» и «этернализации» рассматриваются нами не как замещающие, а как *дополняющие* более прагматичные объяснения провалов международных усилий по решению глобальных проблем. Было бы странно отрицать, например, что на международное климатическое сотрудничество негативно влияют конфликты по поводу распределения выгод и издержек зелёного перехода[665], или что кризис контроля над вооружениями обусловлен расхождением национальных интересов. Однако что обеспечивает действенность апелляции к национальным интересам? В конце концов, известно, что сама идея государственного интереса и, шире, общее представление о партикулярных интересах как легитимных и социально одобряемых мотивах действия – это не вневременные универсалии, а конкретно-исторические явления, возникшие в определенном социокультурном контексте Европы раннего нового времени[666]. Речь идёт, таким образом, о прояснении глубинных идейных условий возможности тех социальных явлений – институтов, типов акторов, конфигураций их интересов – которые уже более непосредственно приводят к конкретным наблюдаемым последствиям[667]. Настоящая работа претендует лишь на то, чтобы включить бесконечную темпоральность в перечень идейных условий возможности Вестфальской политической системы мира, а также идейных условий *невозможности* полноценно осмыслить экзистенциальный характер ряда глобальных угроз, оставаясь в институциональных рамках этой системы.

---

[665] Aklin M. Prisoners of the Wrong Dilemma: Why Distributive Conflict, Not Collective Action, Characterizes the Politics of Climate Change / M. Aklin, M. Mildenberger // Global Environmental Politics. – 2020. – Vol. 20, no. 4. – P. 4–27.

[666] Фуко М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977—1978 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. – СПб.: Наука, 2011. – С. 307-325; Хиршман А.О. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа / А.О. Хиршман; пер. с англ. – М.: Изд. Института Гайдара, 2012. – С. 62-77.

[667] Это, в целом, уже отмечалось во введении со ссылками на концепцию «порождающей структуры» и конститутивное понимание причинности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, подведём итоги. В результате проведенного исследования получен следующий ответ на поставленный во введении исследовательский вопрос: *темпоральное измерение Вестфальской политической системы мира составляют представления о бесконечности времени, которые также в целом являются господствующей темпоральностью модерна.* Среди основных характеристик и закономерностей функционирования темпорального измерения Вестфаля следует выделить, как минимум, четыре:

— оно конституирует четыре основополагающих института Вестфаля (включая суверенитет), создавая мировоззренческие условия возможности их существования;

— за период существования Вестфаля его темпоральное измерение проходит, вместе с его институтами, два достаточно чётко различимых этапа эволюции: в XVII-XVIII веках преобладает циклически-статический вариант бесконечной темпоральности, который соответствует династическому принципу легитимации суверенитета, балансу сил и естественному международному праву; с XIX века основным постепенно становится прогрессивный вариант бесконечной темпоральности, который взаимосвязан с распространяющимися тогда же национальным принципом легитимации суверенитета, мультилатерализмом и позитивным международным правом;

— несмотря на внутреннюю вариативность, сама по себе общая идея бесконечности времени является инвариантом темпорального измерения Вестфальского порядка, он не совместим с конечной темпоральностью вне зависимости от её разновидности: ни с религиозной эсхатологией, ни со структурно аналогичными ей модерными философиями истории, ни с концепцией глобальных экзистенциальных угроз;

— темпоральное измерение Вестфаля отличается устойчивостью при столкновении с альтернативными темпоральностями благодаря

значительному влиянию институтов Вестфаля на воспроизводство модерной картины мира.

Гипотеза исследования, таким образом, подтвердилась. Действительно удалось продемонстрировать взаимное влияние: бесконечная темпоральность натурализует и легитимирует институты Вестфаля, а они, в свою очередь, содействуют воспроизводству бесконечной темпоральности. Эти результаты заполняют минимум две важные лакуны в существующем знании о Вестфальском порядке (и международных порядках в целом): одну более эмпирическую – дана систематическая характеристика нового элемента идейного измерения Вестфаля, другую более теоретическую – показано, что международные порядки (как и любые другие комплексы институтов) значимо влияют на процессы воспроизводства идей в обществе. До сих пор в конструктивистских исследованиях акцент обычно делался на том, что международные порядки укоренены в идеях и зависят от них, тогда как роль институциональной структуры порядков в воспроизводстве идей оставалась без внимания. Теперь это упущение хотя бы частично исправлено.

Получение указанных результатов, в свою очередь, стало возможным благодаря последовательному решению поставленных задач исследования:

В первой главе: в первую очередь, в ходе исследования было показано, что Вестфальская политическая система мира может быть рассмотрена как пример международного порядка, то есть, как относительно устойчивая совокупность институтов (правил, предписывающих и производящих организованные формы отношений между акторами мировой политики) и связанных с институтами идей. У любого международного порядка можно выделить два измерения – институциональное и идейное, поскольку формы отношений между акторами никогда не существуют сами по себе, но нуждаются в легитимации и укоренении в определенных представлениях об устройстве мира. Более того, институты не только зависят от идей, но и воспроизводят согласованные с ними картины мира, структурируя соответствующим образом индивидуальное познание. Идейное измерение

международных порядков, в свою очередь, в аналитических целях можно разделить на два уровня: ценностный и космологический.

Затем эта общая модель двух измерений международных порядков была применена к анализу Вестфальской политической системы мира. Её основополагающими институтами выступают: территориальный суверенитет как учредительный институт, конституирующий саму систему и задающий базовое правило признания её акторами суверенитета друг друга; баланс сил и мультилатерализм как институты «отрицательной обратной связи», обеспечивающие воспроизводство Вестфаля при возникновении вызовов и угроз его существованию; международное право как институт, символизирующий существование общества государств, связанного взаимными обязательствами, и закрепляющий предусматриваемые другими институтами правила. В качестве важных элементов идейного измерения Вестфальского порядка были выделены: на ценностном уровне – принципы легитимации суверенитета (в зависимости от эпохи ими выступали сначала династический принцип с апелляцией к «божественному праву королей», а затем пришедший ему на смену национальный принцип); на космологическом уровне – атомистическая (индивидуалистическая) онтология.

Далее было показано, что темпоральность, определяемая как существующие в определенной культуре «представления о природе и направленности течения времени», является одним из основных элементов идейного измерения любого социального порядка и, следовательно, любого международного порядка. Имперские порядки античности и Востока были связаны с представлениями о вечности гармонически упорядоченного космоса, в рамках которых имперский принцип политической организации получал легитимацию как проекция иерархически упорядоченного космического порядка на общество. В культурах авраамических религий институт империи сохраняется, но оказывается связан уже с темпоральностью христианской (либо исламской) эсхатологии: империя теперь легитимируется не как гарант вечности земного порядка, но как объединитель человечества в

преддверии конца времён. Однако Новое время – эпоха существования Вестфальской политической системы мира – преимущественно характеризуется преодолением эсхатологической темпоральности, на смену которой приходят сначала циклически-статические концепции неизменности мира, а затем – и идея не ограниченного ничем прогресса. Нами было отмечено, что ряд авторов, в частности, Мишель Фуко, Райнхарт Козеллек, Константин Фасолт, уже указывали на взаимосвязь между бесконечной темпоральностью и межгосударственным порядком Вестфаля. Задача, следовательно, состояла в том, чтобы развернуть эти отдельные наблюдения в систематическое доказательство, что затем и было предпринято.

Во второй главе: на материале трудов первых теоретиков суверенитета (Жана Бодена, Томаса Гоббса), а также политической практики абсолютистских монархий раннего нового времени было показано, что легитимация территориально обособленной верховной власти и, следовательно, становление суверенных государств, необходимым образом требовали преодоления эсхатологической темпоральности. Это было связано с тем, что ожидаемое в её рамках событие конца, во-первых, выступало в качестве «общей судьбы» всего человечества, что де-дегитимировало суверенное замыкание в себе, а во-вторых, будучи неподконтрольным суверену, оказывалось своего рода альтернативным источником авторитета, к которому могли апеллировать лидеры различных религиозных движений. Суверенитет, таким образом, мог быть обоснован только в горизонте бесконечного времени. Примечательно, что эта закономерность отчетливо проявляется не только в момент становления Вестфальской системы, но и в ходе её последующего развития: темпоральное сознание включавшихся в неё новых независимых государств (будь то Пруссии в конце XVII века или Индонезии, Камеруна и Мадагаскара в 1950-1960-е годы) неизменно характеризовалось ощущением связанного с обретением самостоятельности глубокого разрыва с прошлым и устремленностью в ничем не ограниченное свободное будущее.

Затем было продемонстрировано, что и другие основные институты Вестфаля зависят от представлений о бесконечности времени. Принцип баланса сил – как показывают работы осмыслявших его Франсуа Фенелона, Фридриха фон Генца или Генри Киссинджера – подразумевает циклические колебания вокруг состояния совершенного равновесия, и потому требует для своей артикуляции представлений о «пустом», статичном времени, в котором эти колебания могут продолжаться неограниченно долго. Сходным образом, институт международного права в первый (естественно-правовой) период своего развития, основывался, как видно из работ Гуго Гроция или Эмера де Ваттеля, на идее существования вечной и неизменной «природы вещей», из которой и вытекают положения права.

В свою очередь, институт многосторонности, основанный на постепенном движении к консенсусу в условиях равной дискуссии, оказывается связан с идеями прогресса. Материалы одного из рубежных моментов развития мультилатерализма – Первой Гаагской конференции 1899 года – наглядно показывают, как её участники мыслили свою деятельность на конференции как один из этапов поступательного прогрессивного развития человеческой цивилизации. Темпоральность бесконечного прогресса отличает и институт международного права во второй (позитивно-правовой) период его развития, о чём свидетельствуют как работы выдающихся юристов-международников рубежа XIX-XX веков Ф.Ф. Мартенса и Лассы Оппенгейма, так и материалы первой Конференции по кодификации международного права 1930 года. Международное право осмысляется в этот период как подлежащее совершенствованию, прогрессивному развитию, и в результате этого развития способствующее прогрессу всего человечества.

Параллельно удалось раскрыть ряд механизмов, посредством которых основные институты Вестфальской политической системы мира не просто опираются на бесконечную темпоральность, но и способствуют её воспроизводству. Так, баланс сил: во-первых, ориентирует стремящихся к его поддержанию акторов на постоянное конкурентное сопоставление

собственных сил с другими государствами, не задавая никакой долгосрочной конечной цели их деятельности; во-вторых, после определенного периода функционирования создаёт ощущение неизменности основных паттернов международных отношений, которое усваивается рефлексирующими над историей государственными деятелями. Далее, присущие мультилатерализму принципы равенства сторон и консенсуса производят потенциально ничем не ограниченную дискуссию, а регуляризация многостороннего сотрудничества, создающая возможность передачи вопросов на рассмотрение последующих конференций, формирует отношение к любой обсуждаемой проблеме как не имеющей жестко зафиксированного срока решения.

Дополнительное подтверждение обоим зафиксированным закономерностям – 1) зависимости основных институтов Вестфаля от представлений о бесконечности времени и 2) обратному влиянию этих институтов на воспроизводство бесконечной темпоральности – было получено в результате анализа проектов раннего СССР и США после окончания холодной войны по радикальной трансформации Вестфаля. Эти проекты основывались на «секулярных эсхатологиях» – философиях истории, утверждающих наличие конечной точки у исторического процесса, которые унаследовали свою темпоральную структуру от хилиастических трактовок христианской эсхатологии в позднее средневековье и раннее Новое время. Во-первых, показательно, что актуализация конечной темпоральности в обоих случаях порождала проекты преодоления Вестфаля: построение через мировую революцию безгосударственного коммунистического общества в случае СССР, создание глобального рыночно-демократического сообщества с де-факто американским имперским центром в случае США. Во-вторых, кризис этих проектов вследствие столкновения с логикой функционирования межгосударственного Вестфальского порядка в обоих случаях приводил к ослаблению ориентации на «конец истории»: в СССР – к переориентации на обеспечение «интересов трудящихся масс России» и угасанию ожидания

немедленной мировой революции; в США – к признанию вековечных реалий соперничества великих держав.

В третьей главе: было показано, что создание ядерного оружия привело к возникновению и относительно широкому распространению представлений о потенциальной конечности времени человечества, что создало «темпоральное противоречие». Этот термин был введён нами для описания ситуации, когда Вестфальский порядок, основанный на бесконечной темпоральности, столкнулся с материальной реальностью ядерного оружия (а затем и других глобальных угроз), подразумевающей конечную темпоральность. Были сформулированы два сценария развития ситуации темпорального противоречия: осознание конечной темпоральности будет приводить к попыткам трансформации политической системы мира (из Вестфальской в какую-то иную, совместимую с конечной темпоральностью), тогда как давление институциональной логики Вестфальского порядка будет способствовать переосмыслению глобальных угроз как не-экзистенциальных. Второй сценарий оказывается возможен благодаря тому, что материальная реальность всегда допускает множественность смысловых интерпретаций. Для обозначения происходящего во втором сценарии переосмысления нами было предложено понятие «этернализация».

Выдвинутая гипотеза о двух сценариях развития темпорального противоречия далее была проверена на кейсах: а) попытки установления международного контроля над атомной энергией во второй половине 1940-х годов; б) дискуссий по международному сотрудничеству в области климатической политики в 1987-1992 годах. Анализ подтвердил предположение о двух сценариях: в обоих случаях осознание экзистенциального характера угрозы порождало проекты трансформации Вестфаля, однако в итоге, во многом под давлением межгосударственной конкуренции, они не реализовывались, что сопровождалось процессами этернализации угроз. Примером первого сценария в случае ядерного оружия служил выдвинутый США план международного контроля (так называемый

«План Баруха»), а в случае изменения климата – выдвинутый на Торонтской конференции 1988 года проект де-факто наднационального налогообложения ископаемого топлива. Второй сценарий иллюстрируют: в случае изменения климата – полное исчезновение из принятых на «саммите Земли» 1992 года итоговых документов каких-либо указаний на экзистенциальный характер угрозы при параллельном закреплении подхода к борьбе с изменением климата, остающегося полностью в рамках Вестфальских институтов; в случае ядерного оружия – отсутствие экзистенциального восприятия ядерного оружия со стороны советской делегации, жестко отстаивавшей суверенные права государств в ходе дискуссий в Комиссии ООН по атомной энергии, а также статья американского специалиста по ядерной стратегии Бернарда Броди, буквально «в режиме реального времени» показывающая процесс этернализации ядерной угрозы в мышлении одного конкретного человека.

Чтобы оценить степень устойчивости этернализации глобальных угроз, хронологические рамки ядерного кейса были расширены до сегодняшнего дня. Было установлено, что произошедшая на раннем этапе этернализация не была устойчивой. Под воздействием материальных свидетельств способности ядерного оружия привести ко всеобщей гибели, его экзистенциальные интерпретации регулярно ре-актуализируются, что возвращает общество государств в ситуацию темпорального противоречия. Как было показано, стратегия сдерживания, подразумевающая одновременно и «взаимное гарантированное уничтожение», и возможность первого удара, почти никак не смягчает темпоральное противоречие и потому порождает всё те же два сценария его разрешения. Первый сценарий (трансформация Вестфаля) проявился в институтах контроля над вооружениями, а второй (этернализация) – в различных попытках выработки не-катастрофической ядерной стратегии (ограниченная ядерная война, неприменение первыми, эффективная противоракетная оборона) либо в мировоззренческом примирении с возможностью полномасштабной ядерной войны.

Таким образом, выяснилось, что несмотря на свою неустойчивость, на протяжении 80 лет существования ситуации темпорального противоречия, второй сценарий выхода из неё – этернализация глобальных угроз – оказывается преобладающим. Для объяснения этого факта была предложена модель процесса этернализации глобальных угроз, включающая в себя материальные и институциональные факторы (как способствующие внешние условия) и идейные факторы (те культурные схемы интерпретации, которые непосредственно обеспечивают переосмысление). К основным материальным факторам были отнесены «банализация» катастроф вследствие роста их количества и влияние цифровых технологий, создающих ощущение «вечного сегодня». В качестве ключевого институционального фактора мы выделили тот факт, что Вестфальский порядок и капитализм – две институциональные структуры, взаимосвязанные с бесконечной темпоральностью – достигли сегодня глобального охвата и исторически высочайшего высокого уровня инфраструктурной власти (проникновения в повседневную жизнь людей), что затрудняет возникновение и распространение альтернатив, которые бы могли создавать институциональные условия для закрепления конечной темпоральности. Наконец, среди непосредственных идейных факторов этернализации глобальных угроз были выделены сохраняющееся влияние идеологий прогресса, относительно широкая распространенность религиозных представлений о существовании «иного» мира, который не исчезнет даже в случае гибели этого мира в ядерной войне, а также постмодернистская ситуация кризиса метанарративов.

***

Таковы основные выводы проведенного диссертационного исследования. Можно ли вывести из них какие-либо рекомендации? Непосредственных практических инструкций из содержания работы, пожалуй, не следует, что объясняется её теоретической направленностью. Поэтому представляется уместным ограничиться фиксацией двух тенденций развития современного международного порядка, которые становятся более

вероятными в свете полученных теоретических выводов. Во-первых, в обозримой перспективе международный порядок, вероятно, останется в основных своих институтах Вестфальским (настоящее исследование подсветило один не столь часто отмечаемый фактор его устойчивости: способность институтов Вестфаля воспроизводить согласованные с ними картины мира). Во-вторых, в условиях господства этернализации глобальных угроз как способа разрешения темпорального противоречия будет и далее нарастать «снижение степени защищенности человечества как такового»[668]. Целесообразность учёта этих тенденций и послужит рекомендацией, а уж как именно их учитывать – виднее лицам, принимающим решения.

Легче обозначить направления дальнейшего развития темы, тем более что этот вопрос уже частично был затронут при обсуждении теоретической значимости работы. В первую очередь, необходим анализ темпоральности колониального измерения международных отношений эпохи модерна. В литературе неоднократно отмечался двойственный характер политической системы мира вплоть до второй половины XX века: общество суверенных государств (Вестфаль) внутри Европы (с течением времени включившее в себя также государства Нового света и отдельные страны Востока) сосуществовало с иерархической, имперской моделью отношений между странами Европы и остальным миром[669]. Получалось, таким образом, что одни и те же политии «ведут себя то вполне “государственным” образом, пребывая внутри своих границ, то как-то иначе, “по-имперски”, то есть стремясь распространить свое действие на сравнительно куда более значительные пространства, так или иначе обустраивая их»[670]. Если, как было показано в настоящем исследовании, вести себя «государственным образом» означает мыслить время как

[668] Формулировка принадлежит Э.Я. Баталову. См.: Баталов Э.Я. Основные направления эволюции современной миросистемы / Э.Я. Баталов // Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Под. ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – С. С. 35-36.

[669] См., например: Keene E. Beyond the Anarchical Society: Grotius, Colonialism and Order in World Politics / E. Keene. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – P. 1-11.

[670] Филиппов А.Ф. Горизонты империи / А.Ф. Филиппов // Новое литературное обозрение. – 2025. – № 3(193). – С. 103.

бесконечное, а имперские проекты в авраамическом культурном контексте исторически опирались и сегодня опираются на конечную темпоральность эсхатологий и телеологических философий истории, то как такая двойственность оказывается возможной? В качестве исходного предположения приходит на ум идея цивилизации – не в популярном сегодня смысле особой историко-культурной общности, а в её исторически более раннем значении противостоящей варварству более высокой стадии развития человеческого общества. Европейские государства, считавшие себя уже цивилизованными, жили в темпоральности бесконечного прогресса. Тогда как не-европейские общества воспринимались ими как находящиеся в движении к обретению цивилизованности, что задавало вполне конечную телеологию и, тем самым, легитимировало имперскую политику Европы в отношении остального мира. Детальная проверка этой гипотезы – возможно, она будет предпринята нами в последующих исследованиях – послужила бы важным дополнением, а в чем-то, может быть, и уточнением выводов настоящей работы.

Кроме того, взгляд через призму темпоральности может оказаться полезным при исследовании известной проблемы соотношения и взаимного влияния капитализма и Вестфальского порядка: мы коротко отметили в конце третьей главы, что их темпоральности, судя по всему, схожи, однако было бы интересно рассмотреть этот вопрос подробнее. Также может быть целесообразно применить концепции темпорального противоречия и этернализации к анализу формирующихся механизмов противодействия другим глобальным экзистенциальным угрозам, например, пандемиям или угрозе потери контроля над развитием «злонамеренного» искусственного интеллекта. Наконец, представляется перспективным изучение темпоральностей других исторически существовавших международных порядков, с последующим сравнительным анализом для выявления общих паттернов соотношения разных международных институциональных структур и представлений о времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

Документы международных организаций, конференций, международные соглашения, совместные заявления государств:

а) на русском языке:

1. G20. Рио-де-Жанейрская декларация лидеров «Группы двадцати» // Президент России. – 19.11.2024. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/75600 (дата обращения 20.09.2025)

2. БРИКС. Казанская декларация: Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности Казань. – Российская Федерация. 23 октября 2024 года. – URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf (дата обращения 20.09.2025).

3. БРИКС. Декларация Рио-де-Жанейро: Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления. – Рио-де-Жанейро, Бразилия, 6 июля 2025 года. – URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf (дата обращения 20.09.2025).

4. Временное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1), 26 мая 1972 г. // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии. – URL: http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-1.txt (дата обращения 20.09.2025).

5. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2), 3 января 1993 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL:

https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1735950/ (дата обращения 20.09.2025).

6. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3), 8 апреля 2010 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45179/ (дата обращения 20.09.2025).

7. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных потенциалов, 24 мая 2002 г. // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии. – URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/sort.htm (дата обращения 20.09.2025).

8. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности, 8 декабря 1987 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/53498/ (дата обращения 20.09.2025).

9. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), 31 июля 1991 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1728996/ (дата обращения 20.09.2025).

10. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны, 26 мая 1972 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL:

https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1762352/ (дата обращения 20.09.2025).

11. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2), 18 июня 1979 г. // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии. – URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-2.txt (дата обращения 20.09.2025).

12. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, 10 сентября 1996 г. // Подготовительная комиссия Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. – URL: https://www.ctbto.org/sites/default/files/Documents/treaty_text_Russian.pdf (дата обращения 20.09.2025).

13. Договор о запрещении ядерного оружия, 7 июля 2017 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://docs.un.org/ru/A/CONF.229/2017/8 (дата обращения 20.09.2025).

14. Договор о нераспространении ядерного оружия, одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 года // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения 20.09.2025).

15. ООН. Генеральная Ассамблея. Четвертая сессия. Официальные отчеты. 253-е пленарное заседание. 23 ноября 1949 года, 10 ч. 45 м. // Организация Объединенных Наций. – С. 403-413. – URL: https://undocs.org/A/PV.253 (дата обращения 20.09.2025).

16. ООН. Генеральная Ассамблея. Пятая сессия. Официальные отчеты. 289-е пленарное заседание. 28 сентября 1950 года, 3 ч. дня // Организация Объединенных Наций. – С. 179-193. – URL: https://docs.un.org/ru/A/PV.289 (дата обращения 20.09.2025).

17. ООН. Генеральная Ассамблея. Пятнадцатая сессия. Официальные отчеты. 866-е пленарное заседание. 21 сентября 1960 года, 10 час. 30 мин. //

Организация Объединенных Наций. – С. 35-48. – URL: https://docs.un.org/ru/A/PV.866 (дата обращения 20.09.2025).

18. ООН. Генеральная Ассамблея. Пятнадцатая сессия. Официальные отчеты. 893-е пленарное заседание. 7 октября 1960 года, 15 час. // Организация Объединенных Наций. – С. 659-680. – URL: https://docs.un.org/ru/A/PV.893 (дата обращения 20.09.2025).

19. ООН. Резолюция ГА ООН от 21 ноября 1947 г. №174(II) «Учреждение Комиссии международного права» // Организация Объединенных Наций. – URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/174(II) (дата обращения 20.09.2025).

20. ООН. Резолюция ГА ООН от 23 ноября 1949 г. №299(IV) «Международный контроль над атомной энергией» // Организация Объединенных Наций. – URL: https://undocs.org/ru/A/RES/299(IV) (дата обращения 20.09.2025).

21. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата, принята 9 мая 1992 года // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения 20.09.2025).

22. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию, принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения 20.09.2025).

23. Совместное заявление Президентов России и США по стратегической стабильности, 16 июня 2021 г. // Президент России. – URL: http://kremlin.ru/supplement/5658 (дата обращения 20.09.2025).

24. Устав ООН (полный текст) // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения 20.09.2025).

б) на английском языке:

25. ICJ. Obligations Of States in Respect of Climate Change, 23 July 2025, Advisory Opinion // International Court of Justice. – 133 p. – URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/187/187-20250723-adv-01-00-en.pdf (дата обращения 20.09.2025).

26. ICJ. Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion of 8 July 1996 // International Court of Justice Reports 1996. – P. 226-267. – URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/95/095-19960708-ADV-01-00-EN.pdf (дата обращения 20.09.2025).

27. IPCC. IPCC Second Assessment. Climate Change 1995: A Report of The Intergovernmental Panel on Climate Change // WMO; UNEP. – 73 p. – URL: https://archive.ipcc.ch/pdf/climate-changes-1995/ipcc-2nd-assessment/2nd-assessment-en.pdf (дата обращения 20.09.2025).

28. Joint Soviet-United States Statement on the Summit Meeting in Geneva, November 21, 1985 // The American Presidency Project. – URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/joint-soviet-united-states-statement-the-summit-meeting-geneva (дата обращения 20.09.2025).

29. League of Nations. Acts of the Conference for the Codification of International Law. Held at The Hague from March 13th to April 12th, 1930. Vol. I. Plenary Meetings. – Geneva, August 19th, 1930. – 178 p. – URL: https://icsid.worldbank.org/sites/default/files/parties_publications/C8394/Claimants%27%20documents/CL%20-%20Exhibits/CL-0236.pdf (дата обращения 20.09.2025).

30. The Proceedings of The Hague Peace Conferences. Translation of the Official Texts. The Conference of 1899. – New York: Oxford University Press, 1920. – 883 p.

31. UN. General Assembly. International Control of Atomic Energy. Report of the Ad Hoc Political Committee, 19 November 1949 // United Nations. – 6 p. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/1327920?ln=ru&v=pdf (дата обращения 20.09.2025).

32. UN. Report of the United Nations Conference on Environment and Development. Rio de Janeiro, 3-14 June 1992. Volume II: Proceedings of the Conference. – New York: United Nations, 1993. – 75 p. – URL: https://docs.un.org/en/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.II) (дата обращения 20.09.2025).

33. UN. Report of the United Nations Conference on Environment and Development. Rio de Janeiro, 3-14 June 1992. Volume III: Statements Made by Heads of State or Government at the Summit Segment of the Conference. – New York: United Nations, 1993. – 265 p. – URL: https://docs.un.org/en/A/CONF.151/26/Rev.1(Vol.III) (дата обращения 20.09.2025).

34. UN. Report of the World Commission on Environment and Development “Our Common Future”, 4 August 1987 // United Nations. – 373 p. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/139811 (дата обращения 20.09.2025).

35. UN. Security Council Official Records, 2nd year: 115th meeting, 5 March 1947 // United Nations. – P. 441-461. – URL: https://docs.un.org/en/S/PV.115 (дата обращения 20.09.2025).

36. World Meteorological Organization. Conference Proceedings: The Changing Atmosphere: Implications for Global Security. Toronto, Canada, 27–30 June 1988. – Geneva: Secretariat of the World Meteorological Organization, 1989. – 483 p. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/106359 (дата обращения 20.09.2025).

Официальные документы государств:

а) на русском языке:

37. Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г., № Пр-2976) // Совет Безопасности Российской Федерации. – URL: http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/ (дата обращения 20.09.2025).

38. Декрет о мире. 26 октября (8 ноября) 1917 года // Международные отношения и внешняя политика СССР (1871-1957 гг.): Сб. док. / Сост. Л.А. Харламова. – М.: Высш. парт. школа при ЦК КПСС, 1957. – С. 48-50.

39. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения 20.09.2025).

40. Указ Президента Российской Федерации от 19.11.2024 г. № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» // Президент России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51312 (дата обращения 20.09.2025).

б) на английском языке:

41. National Security Strategy of the United States of America, December 2017 // Trump White House Archive. – URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (дата обращения 20.09.2025).

Другие источники государственного происхождения (выступления и заявления официальных лиц, доклады и пр.):

а) на русском языке:

42. Дополнительные соображения тов. Чичерина по вопросу о тактике российской делегации в Генуе. [Москва], 25 февраля 1922 года // Коминтерн и идея мировой революции: Документы / Отв. ред. Я.С. Драбкин. — М.: Наука, 1998. – С. 347-351.

43. Письмо А. Иоффе В. Ленину о Генуэзской конференции. Петроград, 13 февраля 1922 года // Коминтерн и идея мировой революции: Документы / Отв. ред. Я.С. Драбкин. — М.: Наука, 1998. – С. 337-341.

44. Путин В.В. Выступление на встрече с высшими офицерами по случаю их назначения на вышестоящие должности и присвоения им высших

воинских званий / В.В. Путин // Президент России. – 27.07.2005. – URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23102 (дата обращения 20.09.2025).

45. Путин В.В. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» / В.В. Путин // Президент России. – 18.10.2018. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/58848 (дата обращения 20.09.2025).

46. Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023 г. б/н (Выступление Президента Российской Федерации В.В.Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации) / В.В. Путин // Президент России. – 21.02.2023 – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010 (дата обращения 20.09.2025).

47. Сталин И.В. Ответы на вопросы, заданные московским корреспондентом «Санди Таймс» господином А. Вертом, полученные 17 сентября 1946 года / И.В. Сталин // Большевик. – 1946. – №17-18. – URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t16/t16_09.htm (дата обращения 20.09.2025).

б) на английском языке:

48. A Report on the International Control of Atomic Energy / Ch.I. Barnard, J.R. Oppenheimer, Ch.A. Thomas, H.A. Winne, D.E. Lilienthal; [Prepared for the Secretary of State’s Committee on Atomic Energy]. – Washington, D. C., March 16, 1946. – 60 p. – URL: https://fissilematerials.org/library/ach46.pdf (дата обращения 20.09.2025).

49. Address by the Soviet Representative (Gromyko) to the United Nations Atomic Energy Commission, June 19, 1946 // Documents on Disarmament, 1945-1959. Volume 1: 1945-1956. – Washington, D.C.: Department of State, 1960. – P. 17-24.

50. Lake A. From Containment to Enlargement / Remarks of A. Lake, Assistant to the President for National Security Affairs. – Washington, D.C.: John Hopkins University, September 21, 1993. – 15 p. – URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015051567645&seq=1 (дата обращения 20.09.2025).

51. Pompeo M.R. U.S. Withdrawal from the INF Treaty on August 2, 2019 / M.R. Pompeo // US Department of State. – 02.08.2019. – URL: https://2017-2021.state.gov/u-s-withdrawal-from-the-inf-treaty-on-august-2-2019/ (дата обращения 20.09.2025).

52. Report of the Committee on Political and Social Problems, Manhattan Project “Metallurgical Laboratory”, University of Chicago. (The Franck Report) / J. Franck, D.J. Hughes, J.J. Nickson [et al.]. – June 11, 1945. – URL: https://www.atomicarchive.com/resources/documents/manhattan-project/franck-report.html (дата обращения 20.09.2025).

53. The Baruch Plan: Statement by the United States Representative (Baruch) to the United Nations Atomic Energy Commission, June 14, 1946 // Documents on Disarmament, 1945-1959. Volume 1: 1945-1956. – Washington, D.C.: Department of State, 1960. – P. 7-16.

54. The Stern Review Report on the Economics of Climate Change / HM Treasury. – 2006. – 575 p. – URL: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20100407172811/http://www.hm-treasury.gov.uk/stern_review_report.htm (дата обращения 20.09.2025).

55. U.S. Withdrawal from the ABM Treaty: President Bush’s Remarks and U.S. Diplomatic Notes // Arms Control Association. – 13.12.2001. – URL: https://www.armscontrol.org/act/2002-01/us-withdrawal-abm-treaty-president-bushs-remarks-and-us-diplomatic-notes (дата обращения 20.09.2025).

Документы неправительственных международных организаций и движений:

а) на русском языке:

56. Манифест Рассела - Эйнштейна, 1955 г. // Российский Пагуошский комитет при Президиуме РАН. – URL: http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html (дата обращения 20.09.2025).

б) на французском языке:

57. Statuts votés par la Conférence Juridique internationale de Gand, le 10 Septembre 1873 // Institut De Droit International. Annuaire. Tome 1. 1877. – Bad Feilnbach: Schmidt Periodicals Gmbh, 1994. – P. 1-5. – URL: https://www.idi-iil.org/app/uploads/2017/04/1877-vol_1_Sessions-de-Gen%C3%A8ve-1874-et-de-La-Haye-1875.pdf (дата обращения 20.09.2025).

Опубликованные философские, научные, публицистические произведения[671]:

а) на русском языке:

58. Августин А. О граде Божием. Книга I / Аврелий Августин; пер. с лат. – М.: Издательство «Омега-Л», 2022. – 662 с.

59. Гегель Г.Ф.В. Философия права / Г.Ф.В. Гегель; пер. с нем. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

60. Гроций Г. О праве войны и мира / Г. Гроций; пер. с лат. – М.: АСТ: ОГИЗ, 2023. – 912 с.

61. Мадзини Дж. Обязанности человека / Дж. Мадзини; пер. с итал. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2023. – 224 с.

62. Маркс К. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс; пер. с англ. – М.: Common place, 2013. – 70 с.

63. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. I / Ф.Ф. Мартенс. – 2-е изд., доп. и испр. – СПб.: Типография А. Бенке, 1887. – 424 с.

64. Практическое международное право и дипломатия Ф.Ф. Мартенса. Из дневников, трактатов, конвенций / Отв. ред. Е.Р. Воронин, А.В. Кукушкина. – М.: МГИМО-Университет, 2023. – 834 с.

65. Секигути Р. Это не случайно. Японская хроника / Р. Секигути; пер. с фр. – М.; Владивосток: Ад Маргинем Пресс, 2025. – 144 с.

б) на английском языке:

[671] Разместить данные тексты в разделе «Литература», как того требуют конвенции оформления диссертаций на русском языке, значило бы погрешить против сути вещей. Для настоящей работы всё это – именно источники.

66. Adso of Montier-en-Der. Letter on the Origin and Time of the Antichrist / Adso of Montier-en-Der; trans. from Latin // Apocalyptic Spirituality / Ed. and transl. by B. McGinn. – New York: Paulist Press, 1979. – P. 89-96.

67. Bodin J. Method for the Easy Comprehension of History / J. Bodin; trans. from Latin. – New York: W.W. Norton & Company, 1969. – 405 p.

68. Bossuet J-B. Politics drawn from the Very Words of Holy Scripture / J.-B. Bossuet; trans. from the French. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 415 p.

69. Brodie B. The Atom Bomb as Policy Maker / B. Brodie // Foreign Affairs. – 1948. – Vol. 27, no. 1. – P. 17-33.

70. Einstein A. The Way Out / A. Einstein // One World or None / Ed. by D. Masters, K. Way. – McGraw Hill Book Co., 1946. – P. 76-77.

71. FA(A)S. Survival is At Stake / Federation of American (Atomic) Scientists // One World or None / Ed. by D. Masters, K. Way. – McGraw Hill Book Co., 1946. – P. 78-79.

72. Fukuyama F. The End of History? / F. Fukuyama // The National Interest. – 1989. – No. 16. – P. 3-18.

73. Gentz F. von. Fragments upon the Balance of Power in Europe / F. von Gentz; trans. from the German. – London, 1806. – 340 p.

74. Haimo of Auxerre. Exposition of the Second Letter to the Thessalonians / Haimo of Auxerre; trans. from Latin // Second Thessalonians: Two Early Medieval Apocalyptic Commentaries / Intro. and trans. by S.R. Canwright, K.L. Hughes. – Kalamazoo, Michigan: Medieval Institute Publications, 2001. – P. 21-33.

75. Hobbes T. Leviathan / T. Hobbes. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 508 p.

76. Hume D. Of the balance of power // Political Essays / D. Hume. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 348 p.

77. Kissinger H. A World Restored: Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace 1812-1822 / H. Kissinger. – Boston; Cambridge: Houghton Mifflin Co.; The Riverside Pres, 1957. – 354 p.

78. Kissinger H. World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History / H. Kissinger. – Penguin Books, 2015. – 432 p.

79. Mandelbaum M. The Nuclear Revolution: International Politics before and after Hiroshima / M. Mandelbaum. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – 283 p.

80. Oppenheim L. International Law: A Treatise. Vol. I / L. Oppenheim. – London: Longmans, Green, and Co., 1905. – 610 p.

81. Oppenheim L. The Future of International Law / L. Oppenheim. – Oxford: Clarendon Press, 1921. – 68 p.

82. Otto of Freising. The Deeds of Frederick Barbarossa / Otto of Freising; trans. from Latin. – New York: Colombia University Press, 2004. – 370 p.

83. Otto of Freising. The Two Cities: A Chronicle of Universal History to the Year 1146 A.D / Otto of Freising; trans. from Latin. – New York: Colombia University Press, 2002. – 525 p.

84. Urey H.C. How does it all add up? / H.C. Urey // One World or None / Ed. by D. Masters, K. Way. – McGraw Hill Book Co., 1946. – P. 53-58.

85. Vattel E. The Law of Nations / E. de Vattel; trans. from the French. – Indianapolis: Liberty Fund, Inc., 2008. – 870 p.

86. Wheaton H. Elements of International Law / H. Wheaton; [literal reproduction of 1866 ed.]. – New York; London: Oceana Publications Inc.; Wildy & Sons Ltd., 1964. – 642 p.

в) на французском языке:

87. Fenelon F. Directions pour la conscience d'un roi, ou, Examen de conscience sur les devoirs de la royauté / F. Fenelon. - A Paris: Chez A. A. Renouard, 1825. – 193 p.

Научная литература:

Книги, монографии:

а) на русском языке:

88. Агамбен Дж. Оставшееся время: Комментарий к Посланию к Римлянам / Дж. Агамбен; пер. с итал. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 220 с.

89. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.

90. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / А. Ассман; пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 272 с.

91. Бартольд В.В. Халиф и султан // Работы по истории ислама и Арабского халифата / В.В. Бартольд. – М.: Восточная литература, 2002. – С. 15-78.

92. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995) / А.Д. Богатуров. – М.: Конверт – МОНФ, 1997. – 353 с.

93. Бурдье П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992) / П. Бурдье; пер. с фр. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2016. – 720 с.

94. Ван Кревельд М. Расцвет и упадок государства / М. ван Кревельд; пер. с англ. – М.; Челябинск: ИРИСЭН; Социум, 2019. – 544 с.

95. Ватлин А.Ю. Коминтерн: Идеи, решения, судьбы / А.Ю. Ватлин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. – 372 с.

96. Волвертон М. Бомба. Как ядерное оружие изменило мир / М. Волвертон; пер. с англ. – М.: Individuum, Эксмо, 2025. – 216 с.

97. Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.

98. Джейкобсен Э. Ядерная война. Сценарий / Э. Джейкобсен; пер. с англ. – Ереван: Fortis Press, 2025. – 400 с.

99. Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее, будущее / Б. Джессоп; пер. с англ. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2019. – 504 с.

100. Дуглас М. Как мыслят институты / М. Дуглас; пер. с англ. – М.: Элементарные формы, 2020. – 250 с.

101. Дюпюи Ж.-П. Знак священного / Ж.-П. Дюпюи; пер. с фр. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 272 с.

102. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм; пер. с фр. – М.: Элементарные формы, 2018. – 808 с.

103. Зонова Т.В. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития / Т.В. Зонова. – М.: РОССПЭН, 2003. – 336 с.

104. Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем: монография. Ч. 1: Основания хронополитики / М.В. Ильин. – М.: МГИМО, 1995. – 112 с.

105. Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем: монография. Ч. 2, 3: Хронополитическая перспектива. Тенденции и перспективы российской хронополитики / М.В. Ильин. – М.: МГИМО, 1995. – 140 с.

106. Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма / С.И. Каспэ. – М.: Московская школа политических исследований, 2007. – 320 с.

107. Каспэ С.И. Политическая форма и политическое зло / С.И. Каспэ. – М.: Школа гражданского просвещения, 2016. – 216 с.

108. Киссинджер Г. Мировой порядок / Г. Киссинджер; пер. с англ. – М.: АСТ, 2018. – 544 с.

109. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1987. – 439 с.

110. Коктыш К.Е. Дискурс рационализма, свободы и демократии / К.Е. Коктыш. – М.: МГИМО-Университет, 2021. – 320 с.

111. Лахман Р. Государства и власть / Р. Лахман; пер. с англ. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2021. – 352 с.

112. Лебедева М.М. Глобальное управление: монография / М.М. Лебедева, М.В. Харкевич, П.И. Касаткин. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – 220 с.

113. Леви-Стросс К. Неприрученная мысль // Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль / К. Леви-Стросс; пер. с фр. – М.: Академический проект, 2008. – С. 143-500.

114. Лёвит К. Смысл в истории: Теологические предпосылки философии истории / К. Лёвит; пер. с англ. – СПб.: Владимир Даль, 2021. – 512 с.

115. Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем / Г. Люббе; пер. с нем. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 2-е изд. – 456 с.

116. Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т.1. История власти от истоков до 1760 года / М. Манн; пер. с англ. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2020. – 776 с.

117. Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т.2. Становление классов и наций-государств, 1760-1914 (книга первая) / М. Манн; пер. с англ. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2020. – 512 с.

118. Мольтман Ю. Пришествие Бога: Христианская эсхатология / Ю. Мольтман; пер. с нем. – М.: Изд-во ББИ, 2017. – 387 с.

119. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики \ Д. Норт; пер. с англ. — М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. — 180 с.

120. Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности / Э. Остром; пер. с англ. – М.; Челябинск: ИРИСЭН, 2025. – 447 с.

121. Покок Дж.Г.А. Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция / Дж. Г.А. Покок; пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 888 с.

122. Прокопьев А.Ю. Тридцатилетняя война / А.Ю. Прокопьев. – СПб: Наука, 2020. – 385 с.

123. Робертс А. Вот и всё. Зачем мы пугаем себя концом свет / А. Робертс; пер. с англ. – М.: Individuum, 2021. – 192 с.

124. Сидоров А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII-X века / А.И. Сидоров. – СПб.: Наука, 2018. – 223 с.

125. Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса / К. Скиннер; пер. с англ. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2018. – 464 с.

126. Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 2: Эпоха Реформации / К. Скиннер; пер. с англ. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2018. – 568 с.

127. Слёзкин Ю.Л. Дом правительства. Сага о русской революции / Ю.Л. Слёзкин. – М.: Изд-во АСТ: Corpus, 2019. – 976 с.

128. Таубес Я. Западная эсхатология / Я. Таубес; пер с нем. – СПб.: Владимир Даль, 2023. – 430 с.

129. Терновая Л.О. Хронополитика: особенности течения времени в международных отношениях / Л.О. Терновая. – М.: Международное издание "Этносоциум и межнациональная культура", 2015. – 216 с.

130. Тимербаев Р.М. Международный контроль над атомной энергией / Р.М. Тимербаев. – М.: Изд-во «Права человека», 2003. – 367 с.

131. Фёгелин Э. Новая наука политики: Введение / Э. Фёгелин; пер. с англ. – СПб.: Владимир Даль, 2021. – 372 с.

132. Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор / А.В. Фененко. – М.: Аспект-Пресс, 2013. – 573 с.

133. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / М. Ферро; пер. с фр. – М.: Книжный клуб 36.6, 2010. – 480 с.

134. Фуко М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977—1978 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. – СПб.: Наука, 2011. – 544 с.

135. Фуко М. Рождение биополитики: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году/ М. Фуко; пер. с фр. – СПб.: Наука, 2010. – 448 с.

136. Халфин И. Автобиография большевизма: между спасением и падением / И. Халфин. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 848 с.

137. Хиршман А.О. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа / А.О. Хиршман; пер. с англ. – М.: Изд. Института Гайдара, 2012. – 200 с.

138. Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике / Т.А. Шаклеина. – 2-ое изд., испр, и доп. – М.: Аспект Пресс, 2017. — 336 с.

139. Шмитт К. Номос Земли в праве народов jus publicum europaeum / К. Шмитт; пер. с нем. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 670 с.

140. Шмитт К. Политическая теология: четыре главы к учению о суверенитете // Понятие политического / К. Шмитт; пер. с нем. – СПб.: Наука, 2016. – С. 5-59.

141. Элиаде М. Миф о вечном возвращении (архетипы и повторение) // Космос и история / М. Элиаде; пер. с фр. – М.: Прогресс, 1987. – С. 27-144.

б) на английском языке:

142. Allan B.B. Scientific Cosmology and International Orders / B.B. Allan. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 358 p.

143. Assmann J. The Price of Monotheism / J. Assmann; trans. from the German. – Stanford, CA: Stanford University Press, 2010. – 152 p.

144. Balabanlilar L. Imperial Identity in the Mughal Empire: Memory and Dynastic Politics in Early Modern South and Central Asia / L. Balabanlilar. – New York: I. B. Tauris, 2012. – 256 p.

145. Behringer W. Tambora and the Year without a Summer: How a Volcano Plunged the World into Crisis / W. Behringer; trans. from the German. – Cambridge: Polity Press, 2019. – 350 p.

146. Blumenberg H. The Legitimacy of the Modern Age / H. Blumenber; trans. from the German. – Cambridge, MA: The MIT Press, 1983. – 677 p.

147. Bourdin B. The Theological-Political Origins of the Modern State: The Controversy between James I of England and Cardinal Bellarmine / B. Bourdin; trans. from the French. – Washington, D.C.: The Catholic University of America Press, 2010. – 283 p.

148. Bozeman A.B. Politics and Culture in International History, 2nd edition / A.B. Bozeman. – London, NY: Routledge, 1994. – 560 p.

149. Bukovansky M. Legitimacy and Power Politics: The American and French Revolutions in International Political Culture / M. Bukovansky. – Princeton: Princeton University Press, 2002. – 255 p.

150. Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics, 4th ed. / H. Bull. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. – 330 p.

151. Bundy M. Danger and Survival: Choices About the Bomb in the First Fifty Years / M. Bundy. – New York: Vintage Book, 1990. – 736 p.

152. Burke P. The Fabrication of Louis XIV / P. Burke. – New Haven, CT: Yale University Press, 1992. – 242 p.

153. Buzan B. An Introduction to the English School of International Relations: The Societal Approach / B. Buzan. – Cambridge: Polity Press, 2014. – 256 p.

154. Buzan B. From International to World Society? English School Theory and the Social Structure of Globalisation / B. Buzan. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 318 p.

155. Buzan B. Re-imagining International Relations: World Orders in the Thought and Practice of Indian, Chinese, and Islamic Civilizations / B. Buzan, A. Acharya. – Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – 188 p.

156. Buzan B. Security: A New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Waever, J. de Wilde. – Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998. – 240 p.

157. Buzan B. The Global Transformation: History, Modernity and the Making of International Relations / B. Buzan, G., Lawson. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 396 p.

158. Campbell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity / D. Campbell. – Revised edition. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998. – 308 p.

159. Clark C. Iron Kingdom: The Rise and Downfall of Prussia, 1600–1947 / C. Clark. – Cambridge, MA: Belknap Press, 2006. – 775 p.

160. Clark C. Time and Power: Visions of History in German Politics, from the Thirty Years' War to the Third Reich / C. Clark. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2019. – 293 p.

161. Clarke K.A. A Model Discipline: Political Science and the Logic of Representations / K.A. Clarke, D.M. Primo. – New York: Oxford University Press, 2012. – 232 p.

162. Culture and Order in World Politics / Ed. by A. Phillips, C. Reus-Smit. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – 380 p.

163. Donnelly J. Systems, Relations, and the Structures of International Societies / J. Donnelly. – Cambridge: Cambridge University Press, 2023. – 467 p.

164. Einstein A. The Ultimate Quotable Einstein / A. Einstein, A. Calaprice. – Princeton: Princeton University Press, 2011. – 576 p.

165. Elton G.R. Policy and Police: The Enforcement of the Reformation in the Age of Thomas Cromwell / G.R. Elton. – Cambridge: Cambridge University Press, 1972. – 447 p.

166. Fasolt C. The Limits of History / C. Fasolt. – Chicago & London: The University of Chicago Press, 2004. – 326 p.

167. Gawthrop R.L. Pietism and the Making of Eighteenth Century Prussia / R.L. Gawthrop. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 305 p.

168. Gerring J. Case Study Research: Principles and Practice / J. Gerring. – 2nd edition. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 362 p.

169. Gillespie M.A. The Theological Origins of Modernity / M.A. Gillespie. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 2008. – 368 p.

170. Greenblatt S. The Swerve: How the World Became Modern / S. Greenblatt. – New York; London: W. W. Norton & Company, 2011. – 356 p.

171. Hall J.R. Apocalypse: From Antiquity to the Empire of Modernity / J.R. Hall. – Cambridge: Polity Press, 2009. – 296 p.

172. Hardin G. Exploring New Ethics for Survival: The Voyage of the Spaceship Beagle / G. Hardin. – New York: The Viking Press, Inc, 1972. – 273 p.

173. Hartog F. Regimes of historicity: presentism and experiences of time / F. Hartog; trans. from the French. – New York: Columbia University Press, 2015. – 260 p.

174. Holsti K.J. Taming the Sovereigns: Institutional Change in International Politics / K.J. Holsti. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 349 p.

175. Hom A.R. International Relations and the Problem of Time / A.R. Hom. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – 297 p.

176. Hutchings K. 2008. Time and World Politics: Thinking the Present / K. Hutchings. – Manchester: Manchester University Press, 2008. – 208 p.

177. Ikenberry G.J. Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order / G.J. Ikenberry. – Princeton: Princeton University Press, 2011. – 372 p.

178. Johannessen J.-A. Deglobalization: China-US Rivalry in the Innovation Economy / J.-A. Johannessen. – London; New York: Routledge, 2023. – 200 p.

179. Keene E. Beyond the Anarchical Society: Grotius, Colonialism and Order in World Politics / E. Keene. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 165 p.

180. Kitchin R. Digital Timescapes: Technology, Temporality and Society / R. Kitchin. – Cambridge: Polity Press, 2023. – 232 p.

181. Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time / R. Koselleck; trans. from the German. – New York: Colombia University Press, 2004. – 344 p.

182. Koskenniemi M. To the Uttermost Parts of the Earth: Legal Imagination and International Power, 1300-1870 / M. Koskenniemi. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2021. – 1125 p.

183. Krasner S.D. Sovereignty: Organized Hypocrisy / S.D. Krasner. – Princeton: Princeton University Press, 1999. – 280 p.

184. Latour B. Facing Gaia: Eight Lectures on the New Climatic Regime / B. Latour; trans. from the French. – Cambridge: Polity Press, 2017. – 327 p.

185. Lee A. Humanism and Empire: The Imperial Ideal in Fourteenth-Century Italy / A. Lee. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – 462 p.

186. Linklater A. The English School of International Relation: A Contemporary Reassessment / A. Linklater, H. Suganami. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 320 p.

187. Lyotard J.-F. 1984. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge / J.-F. Lyotard; trans. from the French. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. – 110 p.

188. Malešević S. Grounded Nationalisms: A Sociological Analysis / S. Malešević. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 320 p.

189. Mannheim K. Ideology and Utopia: An Introduction to the Sociology of Knowledge / K. Mannheim; trans. from the German. – London & Henley: Routledge & Kegan Paul, 1960. – 318 p.

190. Mayall J. Nationalism and International Society / J. Mayall. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 175 p.

191. Mayall J. World Politics: Progress and its Limits / J. Mayall. – Cambridge: Polity Press, 2000. – 170 p.

192. Mazower M. Governing the World: The History of an Idea / M. Mazower. – New York: Penguin Press, 2012. – 496 p.

193. McGinn B. Antichrist: The Two Thousand Years of the Human Fascination with Evil / B. McGinn. – New York: Colombia University Press, 2000. – 369 p.

194. McQueen A. Political Realism in Apocalyptic Times / A. McQueen. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 235 p.

195. Milanovic B. Capitalism, Alone: The Future of the System That Rules the World / B. Milanovic. – Cambridge, MA: Belknap Press, 2019. – 304 p.

196. Morgenthau H.J. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace / H.J. Morgenthau. – New York: Alfred A. Knopf, 1948. – 509 p.

197. Munkler H. Empires: The Logic of World Domination from Ancient Rome to the United States / H. Munkler; trans. from the German. – Cambridge: Polity Press, 2007. – 248 p.

198. O'Neill P.D., Jr. Verification in an Age of Insecurity: The Future of Arms Control Compliance / P.D. O'Neill, Jr. – New York: Oxford University Press, 2010. – 224 p.

199. Onuf N.G. The Mightie Frame: Epochal Change and the Modern World / N.G. Onuf. – New York: Oxford University Press, 2018. – 271 p.

200. Ord T. The Precipice: Existential Risk and the Future of Humanity / T. Ord. – New York: Hachette Books, 2020. – 480 p.

201. Oreskes N. Why Trust Science? / N. Oreskes et al. – Princeton: Princeton University Press, 2019. – 360 p.

202. Osiander A. Before the State: Systemic Political Change in the West from the Greeks to the French Revolution / A. Osiander. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 592 p.

203. Phillips A. War, Religion and Empire: The Transformation of International Orders / A. Phillips. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 364 p.

204. Philpott D. Revolutions in Sovereignty: How Ideas Shaped Modern International Relations / D. Philpott. – Princeton: Princeton University Press, 2001. – 339 p.

205. Poggi G. Forms of Power / G. Poggi. – Cambridge: Polity Press, 2001. – 230 p.

206. Prigogine I. Order Out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature / I. Prigogine, I. Stengers. – New York: Bantam Books, 1984. – 350 p.

207. Reus-Smit C. Individual Rights and the Making of the International System / C. Reus-Smit. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 236 p.

208. Reus-Smit C. The Moral Purpose of the State: Culture, Social Identity, and Institutional Rationality in International Relations / C. Reus-Smit. – Princeton: Princeton University Press, 1999. – 208 p.

209. Sheehan M. The Balance of Power: History and Theory / M. Sheehan. – London; New York: Routledge, 1996. – 226 p.

210. Shoemaker S.J. The Apocalypse of Empire: Imperial Eschatology in Late Antiquity and Early Islam / S.J. Shoemaker. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2018. – 272 p.

211. Spruyt H. The Sovereign State and Its Competitors: An Analysis of Systems Change / H. Spruyt. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – 304 p.

212. Spruyt H. The World Imagined: Collective Beliefs and Political Order in the Sinocentric, Islamic and Southeast Asian International Societies / H. Spruyt. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – 396 p.

213. Steinberger P.J. The Idea of the State / P.J. Steinberger. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 344 p.

214. Teschke B. The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations / B. Teschke. – London, NY: Verso Books, 2003. – 312 p.

215. Time, Temporality and Violence in International Relations: (De)fatalizing the Present, Forging Radical Alternatives / Ed. by A.M. Agathangelou, K.D. Killian – London, New York: Routledge, 2016. – 366 p.

216. The Expansion of International Society / Ed. by H. Bull, A. Watson. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – 479 p.

217. The Oxford Handbook of Governance and Limited Statehood / Ed. by T. Risse, T. Borzel, A. Draude. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – 633 p.

218. Walt S. Revolution and War / S. Walt. – Ithaca: Cornell University Press, 1996. – 384 p.

219. Waltz K.N. The Theory of International Politics / K.N. Waltz. – Reading, MA: Addison-Wesley, 1979. – 251 p.

220. Watson A. The Evolution of International Society / A. Watson. – London; New York: Routledge, 1992. – 337 p.

221. Wendt A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 432 p.

222. Zarakol A. Before the West: The Rise and Fall of Eastern World Orders / A. Zarakol. – Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – 313 p.

Главы в книгах, монографиях:

а) на русском языке:

223. Барабанов О.Н. Суверенные государства и глобальное управление / О. Н. Барабанов // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты: коллективная монография / Под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Издательство «Голден-Би», 2008. – С. 81-90.

224. Баталов Э.Я. Основные направления эволюции современной миросистемы / Э.Я. Баталов // Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Под. ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – С. 23-39.

225. Бондаренко Д.М. Принципы и формы организации обществ как систем институтов («концептуальная рамка» этой книги) / Д.М. Бондаренко // Принципы и формы социокультурной организации: исторические контексты взаимодействия / Под ред. Д.М. Бондаренко, Г.В. Александрова. – М.: Издательский дом ЯСК, 2024. – С. 7-47.

226. Ильин М. В. Дискурс-анализ / М.В. Ильин, К.А. Пахалюк[672], И.В. Фомин // Современная политическая наука: Методология: Научное издание / Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп.. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – С. 464-483.

227. Филиппов А.Ф. Наблюдатель империи: империя как понятие социологии и политическая проблема / А.Ф. Филиппов // Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы. Том 1. – СПб.: Владимир Даль, 2014. – С. 11-65.

228. Филиппов А.Ф. Социология и космос: суверенитет государства и суверенность социального / А.Ф. Филиппов // Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы. Том 1. – СПб.: Владимир Даль, 2014. – С. 211-251.

б) на английском языке:

229. Ashley R. Living on Border Lines: Man, Poststructuralism, and War / R. Ashley // International/Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics / Ed. by J. Der Derian, M.J. Shapiro. – New York: Lexington Books, 1989. – P. 259-321.

230. Assmann A. Transformations of the Modern Time Regime / A. Assmann // Breaking Up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future / Ed. by C. Lorenz. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. – P. 39-56.

231. Butterfield H. The Balance of Power / H. Butterfield // Diplomatic Investigations: Essays in the Theory of International Politic / Ed. by H. Butterfield, M. Wight. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1966. – P. 132-148.

232. Cook M.L. Christian Apocalypticism and Weapons of Mass Destruction / M.L. Cook // Ethics and Weapons of Mass Destruction: Religious and Secular Perspectives / Ed. by S.H. Hashmi, S.P. Lee. – New York & Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 200-210.

[672] Внесён Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов.

233. Coser L.A. Time Perspective and Social Structure / L.A. Coser, R.L. Coser // The Sociology of Time / Ed. by J. Hassard. – Basingstoke: The Macmillan Press, 1990. – P. 191-202.

234. Fibiger Bang P. The King of Kings: Universal Hegemony, Imperial Power, and a New Comparative History of Rome / P. Fibiger Bang // The Roman Empire in Context: Historical and Comparative Perspectives / Ed. by J.P. Arnason, K.A. Raaflaub. – Chichester: Wiley-Blackwell, 2011. – P. 322-349.

235. Fox A. Prophecies and Politics in the Reign of Henry VIII / A. Fox // Reassessing the Henrician Age: Humanism, Politics and Reform 1500-1550 / Ed. by A. Fox, J. Guy. – Oxford: Basil Blackwell, 1986. – P. 77-94.

236. Hassard J. Introduction: The Sociological Study of Time / J. Hassard // The Sociology of Time / Ed. by J. Hassard. – Basingstoke: The Macmillan Press, 1990. – P. 1-18.

237. Hobson J.M. What's at Stake in “Bringing Historical Sociology Back into International Relations”? Transcending “Chronofetishism” and “Tempocentrism” in International Relations / J.M. Hobson // Historical Sociology of International Relations / Ed. by S. Hobden, J.M. Hobson. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – P. 3–41.

238. Hollerich M. Total War and Limited Government: The German Catholic Debate at the Dawn of the Nuclear Age / M. Hollerich // Theology and World Politics: Metaphysics, Genealogies, Political Theologies / Ed. by Vassilios Paipais. – Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. – P. 237-263.

239. Hughes K.L. Haimo of Auxerre and the Fruition of Carolingian Hermeneutics / K.L. Hughes // Second Thessalonians: Two Early Medieval Apocalyptic Commentaries / Intro. and trans. by S.R. Canwright, K.L. Hughes. – Kalamazoo, Michigan: Medieval Institute Publications, 2001. – P. 13-20.

240. Nardin T. Legal Positivism as a Theory of International Society / T. Nardin // International Society: Diverse Ethical Perspectives / Ed. by D.R. Mapel, T. Nardin. – Princeton: Princeton University Press, 1998. – P. 17–35.

241. Pelopidas B. The Birth of Nuclear Eternity / B. Pelopidas // Futures / Ed. by S. Kemp, J. Andersson. – Oxford: Oxford University Press, 2021. – P. 484-500.

242. Phillips A. The Peace of Westphalia / A. Phillips // The Oxford Handbook of History and International Relations / Ed. by M. Bukovansky et al. – Oxford: Oxford University Press, 2023. – P. 544-559.

243. Rampino M.R. Volcanic Winter in the Garden of Eden: The Toba Supereruption and the Late Pleistocene Human Population Crash / M.R. Rampino, S.H. Ambrose // Volcanic Hazards and Disasters in Human Antiquity / F.W. McCoy, G. Heiken. – Boulder, CO: The Geological Society of America, 2000. – P. 71-82.

244. Reus-Smit C. Between Utopia and Reality: The Practical Discourses of International Relations / C. Reus-Smit, D. Snidal // The Oxford Handbook of International Relations / Ed. by C. Reus-Smit, D. Snidal. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 3-37.

245. Schouenborg L. The English School and Institutions / L. Schouenborg // Guide to the English School in International Studies / Ed. by C. Navari, D.M. Green. – Chichester: Wiley Blackwell, 2013. – P. 77-89.

246. Sommerville J.P. Introduction / J.P. Sommerville // King James VI and I. Political Writings. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. XV-XXVIII.

247. Strom J. Early Modern Pietism / J. Strom, L. Harmut // The Oxford Handbook of Early Modern Theology, 1600-1800 / Ed. by U.L. Lehner, R.A. Muller, A.G. Roeber. – New York: Oxford University Press, 2016. – P. 402-435.

248. Wight M. The Balance of Power / M. Wight // Diplomatic Investigations: Essays in the Theory of International Politic / Ed. by H. Butterfield, M. Wight. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1966. – P. 149-175.

249. Wight M. International Legitimacy / M. Wight // Systems of States. – Leicester: Leicester University Press, 1977. – P. 153-173.

Диссертации, авторефераты диссертаций:

а) на русском языке:

250. Белоненко Е.О. Темпоральные концепты и образы в культуре и философии модерна : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Е.О. Белоненко; [Место защиты: Белгородский государственный национальный исследовательский университет]. – Белгород, 2015. – 181 с.

251. Головашина О.В. Концептуализация социальной темпоральности: объектно-ориентированный подход : специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания» : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / О.В. Головашина; [Место защиты: Волгоградский государственный университет]. – Тамбов, 2020. – 362 с.

252. Кругликов С.Т. Темпоральные формы субъективности : специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / С.Т. Кругликов; [Место защиты: Санкт-Петербургский государственный университет]. – Санкт-Петербург, 2021. – 292 с.

253. Харкевич М.В. Специфика государства как актора современной мировой политики : специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / М.В. Харкевич; [Место защиты: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России]. – Москва, 2010. – 194 с.

254. Харкевич М.В. Специфика государства как актора современной мировой политики: специальность 23.00.04: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / М.В. Харкевич; [Место защиты: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России]. – Москва, 2010. – 28 с.

255. Чихарев И.А. Хронополитика в теоретических исследованиях мировой политики : специальность 23.00.02 «Политические институты,

процессы и технологии» : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / И.А. Чихарев; [Место защиты: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2003. – 150 с.

256. Шестакова И.Г. Человек и социум в темпоральности цифрового мира : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / И.Г. Шестакова; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»]. – Санкт-Петербург, 2020. – 430 с.

б) на английском языке:

257. Sears N.A. Great Power Rivalry and Macrosecuritization Failure: Why States Fail to “Securitize” Existential Threats to Humanity : A thesis submitted in conformity with the requirements for the degree of PhD in Political Science / N.A. Sears; University of Toronto. – Toronto, 2023. – 319 p.

Статьи в периодических научных изданиях:

а) на русском языке:

258. Алексеева Т.А. Агент-структурные отношения: методология конструктивизма / Т.А. Алексеева // Полис. Политические исследования. – 2022. – №4. – С. 77-93.

259. Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир / Т.А. Алексеева // Сравнительная политика. – 2014. – Т. 5, № 1. – С. 4-21

260. Арбатов А.Г. Десять апорий нашего времени. Теория и практика ядерного сдерживания / А.Г. Арбатов // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 4. – С. 88-111.

261. Арбатов А.Г. Разоружение в истории и современности: теория vs практика / А.Г. Арбатов // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 5. – С. 24-45.

262. Арбатов А.Г. Угрозы стратегической стабильности – мнимые и реальные / А.Г. Арбатов // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 3. – С. 7-29.

263. Артог Ф. Картины мира и представления о времени / Ф. Артог; пер. с фр. // Логос. – 2021. – Т. 31, №5. – С. 59-76.

264. Барановский В.Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? / В.Г. Барановский // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, №5. – С. 7-23.

265. Богданов К.В. Сигнальный компонент в стратегиях ограниченного применения ядерного оружия / К.В. Богданов // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 5. – С. 5-13.

266. Гинзбург А.С. Гипотеза «ядерной зимы» и ответственная политика в ядерной сфере / А.С. Гинзбург, Н.А. Самойловская // Международная аналитика. – 2023. – Т. 14, № 4. – С. 149–160.

267. Горин Д.Г. Методологии хронополитики: политемпоральность политических процессов и институциональные режимы / Д.Г. Горин // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – Т. 10, № 4. – С. 65-72.

268. Горин Д.Г. От феноменологии времени к хронополитике / Д.Г. Горин // Концепт: философия, религия, культура. – 2019. – № 4. – С. 43-53.

269. Горин Д.Г. Трансисторизм и новый режим темпоральности в современной исторической культуре / Д.Г. Горин // Концепт: философия, религия, культура. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 8-20.

270. Горин Д.Г. Хронополитический анализ трансформации идеологического сознания / Д.Г. Горин // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – Т. 11, № 5. – С. 129-135.

271. Данилин И.В. Американо-китайская технологическая война через призму технонационализма / И.В. Данилин // Пути к миру и безопасности. – 2021. – № 1. – С. 29-43.

272. Дериглазова Л.В. «Распалась связь времён»: ЕС и Россия в поисках себя во времени / Л.В. Дериглазова // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21, № 5. – С. 124-143.

273. Дмитриев Т.А. Политическая теология в «Левиафане» Томаса Гоббса / Т.А. Дмитриев // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 17. № 3. – С. 56-89.

274. Ивонина Л.И. Суверенитет и власть в Европе после Вестфальского мира / Л.И. Ивонина // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. – 2019. – Т. 5, № 1. – С. 96-113.

275. Ильин М.В. Хронополитическое измерение: за пределами Повседневности и Истории / М.В. Ильин // Полис. Политические исследования. – 1996. – №. 1. – С. 55-77.

276. Карнаухова Е.А. Эрозия режима ядерного нераспространения в условиях трансформации мирового порядка (на примере X Обзорной конференции Договора о нераспространении ядерного оружия) / Е.А. Карнаухова // Пути к миру и безопасности. – 2022. – № 2. – С. 217-233.

277. Каспэ С.И. Жизнь, смерть и государство / С.И. Каспэ // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20, № 1. – С. 8-34.

278. Коктыш К.Е. Онтология рационального (III) / К.Е. Коктыш // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2016. – № 4. – С. 6-24.

279. Коктыш К.Е. Становление когнитивного кода современности / К.Е. Коктыш // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 6. – С. 94-113.

280. Куприянов А.В. «Вестфальский миф»: история и критика / А.В. Куприянов // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2019. – № 3. – С. 37-50.

281. Куприянов А.В. «Вестфальский миф» и «вестфальский» суверенитет / А.В. Куприянов // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2019. – № 4. – С. 11-23.

282. Лебедева М.М. Политическая организация мира в условиях современных мегатрендов: сценарии развития / М.М. Лебедева // Вестник

Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 10–21.

283. Лебедева М.М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры / М.М. Лебедева // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 4. – С. 24-35.

284. Лебедева М.М. Система политической организации мира: «идеальный шторм» / М.М. Лебедева // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 2. – С. 125-133.

285. Лебедева М.М. Современные государства в политической системе мира / М.М. Лебедева // Сравнительная политика. – 2011. – Т. 2, № 4. – С. 19-26.

286. Луман Н. Мировое время и история систем / Н. Луман; пер. с нем. // Логос. – 2004. – № 5. – С. 131-168.

287. Макаров И.А. Климатические изменения как новый фактор международных отношений / И.А. Макаров, А.А. Шуранова // Международная аналитика. – 2023. – Т. 14, № 4. – С. 52-74.

288. Малахов В.С. Глобальное управление в сфере миграции: теория, институты, политика / В.С. Малахов // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 10. – С. 89-96.

289. Махукова А.В. Гуманитарная инициатива: критическая масса антиядерных активистов / А.В. Махукова // Индекс безопасности. – 2016. – Т. 22, № 1. – С. 107-120.

290. Михайленко Е.Б. От политики убеждения к дипломатии: уроки Международной кампании по запрещению ядерного оружия / Е.Б. Михайленко // Международные процессы. – 2022. – Т. 20, № 1. – С. 55-79.

291. Музалевский В.А. Современные темпоральные исследования в мировой политике / В.А. Музалевский // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2021. – Т. 10, № 6. – С. 477-489.

292. Нефёдов Б.И. Критика значения Вестфальского мира / Б.И. Нефёдов // Международные процессы. – 2022. – Т. 20, №3. – С. 6-27.

293. Семененко И.С. Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе / И.С. Семененко // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 5. – С. 70-87.

294. Семененко И.С. Дискурсы о благополучии в реальности «неустойчивого развития»: между прошлым и будущим / И.С. Семененко, Т.И. Хайнацкая // Общественные науки и современность. – 2022. – № 5. – С. 76-99.

295. Семененко И.С. «Общественное развитие» в лабиринтах научного дискурса и в приоритетах политической повестки / И.С. Семененко, Т.И. Хайнацкая // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 6. – С. 54-74.

296. Силаев Н.Ю., Проценко Н.П. Снова модерн? COVID-19 возвращает государству его изначальную природу / Н.Ю. Силаев, Н.П. Проценко // Международная аналитика. – 2020. – Т. 11, № 1. – С. 11-26.

297. Симония Н.А. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности / Н.А. Симония, А.В. Торкунов // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 3. – С. 27-37.

298. Тузмухамедов Б.Р. Правовая скорлупа для безъядерной иллюзии / Б.Р. Тузмухамедов // Россия в глобальной политике. – 2021. – Т. 19, №2. – С. 120-130.

299. Учаев Е.И. Катехоническая темпоральность и политическая форма: к обоснованию двойного представительства / Е.И. Учаев // Социологическое обозрение. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 146-176.

300. Учаев Е.И. Сохранить человечество в эпоху Антропоцена / Е.И. Учаев // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20, №1. – С. 35-50.

301. Учаев Е.И. Препятствия к макросекьюритизации глобальных угроз: кейсы ядерного оружия и изменения климата / Е.И. Учаев, А.А. Квартальнов // Сравнительная политика. – 2024. – Т. 15, № 3. – С. 141-164.

302. Учаев Е.И. Темпоральный подход к проблеме устойчивости ядерной анархии / Е.И. Учаев, А.А. Квартальнов // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – Т. 15, №6. – С. 112-134.

303. Учаев Е.И. Переосмысляя катехон: к политической теологии ядерной эпохи / Е.И. Учаев, И.А. Николаев // Стасис. – 2023. – Т. 11, №1-2. – С. 130-172.

304. Учаев Е.И. Немыслимость тотальной катастрофы: постапокалиптическая природа модерного политического реализма / Е.И. Учаев, М.В. Харкевич // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2023. – №1. – С. 40-63.

305. Федорова М.М. Историческое сознание эпохи модерна и политическая проективность / М.М. Федорова // Полилог. – 2021. – Т. 5. № 2. – статья №1.

306. Федорова М.М. О парадоксах времени истории / М.М. Федорова // Философский журнал. – 2023. – Т. 16, № 2. – С. 127-143.

307. Фельдман Д.М. Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв… / Д.М. Фельдман, О.Н. Барабанов // Международные процессы. – 2007. – Т.5, №3. – С. 104-113.

308. Фельдман Д. М. Государство в сети международно-политического взаимодействия / Д. М. Фельдман // Сравнительная политика. – 2011. – Т. 2, №4. – С. 27-34.

309. Фененко А.В. Мировой порядок как теоретико-методологическая категория / А.В. Фененко // Международные процессы. – 2023. – Т. 21, № 1. – С. 6-42.

310. Филиппов А.Ф. Горизонты империи / А.Ф. Филиппов // Новое литературное обозрение. – 2025. – № 3(193). – С. 97-112.

311. Филиппов А.Ф. С - Суверенитет / А.Ф. Филиппов // Россия в глобальной политике. – 2020. – Т. 18, № 1. – С. 145-150.

312. Харкевич М.В. Преодоление апокалипсиса в плюралистическом пространстве поэтики и политики / М.В. Харкевич // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 2. – С. 25-37.

313. Харкевич М.В. Государство в современной мировой политике / М.В. Харкевич // Вестник МГИМО Университета. – 2010. – № 6. – С. 160-166.

314. Харкевич М.В. Политическое усиление государства через его онтологическое ослабление / М.В. Харкевич // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 5. – С. 122-129.

315. Чихарев И.А. Хронополитика: развитие исследовательской парадигмы / И.А. Чихарев // Полис. Политические исследования. – 2005. – №3. – С. 21-33.

316. Чихарев И.А. Проблематика политического пространства и времени в современной политологии и международных исследованиях / И.А. Чихарев // Политическая наука. – 2009. – № 1. – С. 7-31.

317. Шаклеина Т.А. Какая Америка нужна миру? / Т.А.Шаклеина // Международные процессы. — 2018 — Т. 16, №1. — С. 40-52.

б) на английском языке:

318. Aalberts T.E. Playing the game of sovereign states: Charles Manning's constructivism avant-la-lettre / T.E. Aalberts // European Journal of International Relations. – 2010. – Vol. 16, no. 2. – P. 247-268.

319. Aklin M. Prisoners of the Wrong Dilemma: Why Distributive Conflict, Not Collective Action, Characterizes the Politics of Climate Change / M. Aklin, M. Mildenberger // Global Environmental Politics. – 2020. – Vol. 20, no. 4. – P. 4–27.

320. Allan B.B. Second Only to Nuclear War: Science and the Making of Existential Threat in Global Climate Governance / B.B. Allan // International Studies Quarterly. – 2017. – Vol. 61, no. 4. – P. 809-820.

321. Allan B.B. Producing the Climate: States, Scientists, and the Constitution of Global Governance Objects / B.B. Allan // International Organization. – 2017. – Vol. 71, no. 1. – P. 131-162.

322. Angenot M. Social Discourse Analysis: Outlines of a Research Project / M. Angenot // Yale Journal of Criticism. – 2004. – Vol. 17, no. 2. – P. 199–215.

323. Axelrod R. Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions / R. Axelrod, R.O. Keohane // World Politics. – 1985. – Vol. 38, no. 1. – P. 226-254.

324. Baratta J.P. Was the Baruch Plan a Proposal of World Government? / J.P. Baratta // The International History Review. – 1985. – Vol. 7, no. 4. – P. 592-621.

325. Barry A. Bossuet and the Gallican Declaration of 1682 / A. Barry // The Catholic Historical Review. – 1929. – Vol. 15, no. 2. – P. 143-153.

326. Beisner R.L. History and Henry Kissinger / R.L. Beisner // Diplomatic History. – 1990. – Vol. 14, no. 4. – P. 511–527.

327. Borot L. James VI and I and Revelation: How to Discourage Millenarian Aspirations / L. Borot // Anglophonia/Caliban. – 1998. – No. 3. – P. 23–36.

328. Bostrom N. Existential Risks: Analyzing Human Extinction Scenarios and Related Hazards / N. Bostrom // Journal of Evolution and Technology. – 2002. – Vol. 9.

329. Burgess G. The Divine Right of Kings Reconsidered / G. Burgess // The English Historical Review. – 1992. – Vol. 107, no. 425. – P. 837–861.

330. Burke A. Nuclear time: temporal metaphors of the nuclear present / A. Burke // Critical Studies on Security. – 2016. – Vol. 4, no. 1. – P. 73-90.

331. Buzan B. Macrosecuritisation and Security Constellations: Reconsidering Scale in Securitisation Theory / B. Buzan, O. Waever // Review of International Studies. – 2009. – Vol. 35, no. 2. – P. 253-276.

332. Cederman L.-E. Testing Clausewitz: Nationalism, Mass Mobilization, and the Severity of War / L.-E. Cederman, T.C. Warren, D. Sornette // International Organization. – 2011. – Vol. 65, no. 4. – P. 605–638.

333. Coe A.J. Why Arms Control Is So Rare / A.J. Coe, J. Vaynman // American Political Science Review. – 2020. – Vol. 114, no. 2. – P. 342-355.

334. Collier D. Understanding Process Tracing / D. Collier // PS: Political Science and Politics. – 2011. – Vol. 44, no. 4. – P. 823-830.

335. Continuity and Change in the Westphalian Order (Special Issue) / Ed. by J. Caporaso // International Studies Review. – 2000. – Vol. 2, no. 2. – P. 1-210.

336. Coupe J. Nuclear winter responses to nuclear war between the United States and Russia in the Whole Atmosphere Community Climate Model Version 4 and the Goddard Institute for Space Studies ModelE / J. Coupe, C.G. Bardeen, A. Robock, O. Toon // Journal of Geophysical Research: Atmospheres. – 2019. – Vol. 124, no. 15. – P. 8522– 8543.

337. Cox R.W. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory / R.W. Cox // Millennium: Journal of International Studies. – 1981. – Vol. 10, no. 2. – P. 126–155.

338. Craig C. Solving the Nuclear Dilemma: Is a World State Necessary? / C. Craig // Journal of International Political Theory. – 2019. – Vol. 15, no. 3. – P. 349-366.

339. Daly J. Cosmic Harmony and Political Thinking in Early Stuart England / J. Daly // Transactions of the American Philosophical Society (New Series). – 1979. – Vol. 69, no. 7. – P. 1-41.

340. Deudney D.H. Going Critical: Toward a Modified Nuclear One Worldism / D.H. Deudney // Journal of International Political Theory. – 2019. – Vol. 15, no. 3. – P. 367-385.

341. Dumont L. A Modified View of Our Origins: Christian Beginnings of Modern Individualism / L. Dumont // Religion. – 1982. – Vol.12, no. 1. – P. 1-27.

342. Eckert S.E. United Nations Nonproliferation Sanctions / S.E. Eckert // International Journal. – 2010. – Vol. 65, no. 1. – P. 69-83.

343. Forster J. Anticipating the Apocalypse: An Elizabethan Prophecy / J. Forster // The Historian. – 2001. – Vol. 63, no. 3. – P. 601–617.

344. Hamilton S. Foucault’s End of History: The Temporality of Governmentality and Its End in the Anthropocene / S. Hamilton // Millennium: Journal of International Studies. – 2018. – Vol. 46, no. 3. – P. 371–395.

345. Hanusch F. The Temporal Cleavage: The Case of Populist Retrotopia vs. Climate Emergency / F. Hanusch, S. Meisch // Environmental Politics. – 2022. – Vol. 31, no. 5. – P. 883-903.

346. Hassan R. Time and the politics of sovereignty / R. Hassan, P.J. Brendese, N. Widder // Contemporary Political Theory. – 2013. – Vol. 12, no. 3. – P. 215–252.

347. Hom A.R. Silent Order: The Temporal Turn in Critical International Relations / A.R. Hom // Millennium: Journal of International Studies. – 2018. – Vol. 46, no.3. – P. 303–330.

348. Hulvey R.A. Borders in Cyberspace: Digital Sovereignty Through a Bordering Lens / R.A. Hulvey, B.A. Simmons // International Studies Quarterly. – 2025. – Vol. 69, no. 3. – Article no. sqaf047.

349. Hutchings K. Time and the Study of World Politics / K. Hutchings // Millennium: Journal of International Studies. – 2018. – Vol. 46, no. 3. – P. 253–258.

350. Jervis R. Cooperation Under the Security Dilemma / R. Jervis // World Politics. – 1978. – Vol. 30, no. 2. – P. 167-214.

351. Jordheim H. Conceptual Synchronisation: From Progress to Crisis / H. Jordheim, E. Wigen // Millennium: Journal of International Studies. – 2018. – Vol. 46, no. 3. – P. 421–439.

352. Kaspe S.I. Life, Death, and the State / S.I. Kaspe // Russia in Global Affairs. – 2021. – Vol. 19, no. 3. – P. 174–204.

353. Kierulff S. Armageddon Theology and the Risk of Global War: The Limits of Religious Tolerance in the Nuclear Age / S. Kierulff // Journal of Humanistic Psychology. – 1992. – Vol. 32, no. 4. – P. 92–107.

354. Kravchenko S.A. “New catastrophism” and the future: the demand for non-linear knowledge / S.A. Kravchenko, A.E. Perova // RUDN Journal of Sociology. – 2017. – Vol. 17, no. 4. – P. 449-459.

355. Lehner U. Apocalypse 2014: Post-Tridentine Catholic Exegesis of Revelation: The Futurist Commentary of Alphonsus Frey (1762) / U. Lehner // Journal of Baroque Studies. – 2014. – Vol. 1, no. 2. – P. 25-53.

356. Lieber K.A., Press D.G. The New Era of Counterforce: Technological Change and the Future of Nuclear Deterrence / K.A. Lieber, D.G. Press // International Security. – 2017. – Vol. 41, no. 4. – P. 9–49.

357. Mantilla G. Deflective Cooperation: Social Pressure and Forum Management in Cold War Conventional Arms Control / G. Mantilla // International Organization. – 2023. – Vol. 77, no. 3. – P. 564–598.

358. March J.G. The Institutional Dynamics of International Political Orders / J.G. March, J.P. Olsen // International Organization. – 1998. – Vol. 52, no. 4. – P. 943–969.

359. Matthews H.D. Current Global Efforts Are Insufficient to Limit Warming to 1.5°C / H.D. Matthews, S. Wynes // Science. – 2022. – Vol. 376, no. 6600. – P. 1404-1409.

360. Mearsheimer J.J. Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order / J.J. Mearsheimer // International Security. – 2019. – Vol. 43, no. 4. – P. 7-50.

361. Michaelis L. Contesting the Future: Secular and Religious Time in Hobbes's Leviathan / L. Michaelis // The Review of Politics. – 2023. – Vol. 85, no. 3. – P. 304-326.

362. Morgenthau H.J. The Four Paradoxes of Nuclear Strategy / H.J. Morgenthau // American Political Science Review. – 1964. – Vol. 58, no. 1. – P. 23-35.

363. Osiander A. Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth / A. Osiander // International Organization. – 2001. – Vol. 55, no. 2. – P. 251–287.

364. Pelopidas B. Power, Luck, and Scholarly Responsibility at the End of the World(s) / B. Pelopidas // International Theory. – 2020. – Vol. 12, no. 3. – P. 459–470.

365. Pulles T. Climate Denialism / T. Pulles // American Journal of Economics and Sociology. – 2025. – Vol. 84, no. 1. – P. 7-19.

366. Rech W. The Death of God, Systemic Evolution, and the Event: On the Temporality of International Law / W. Rech // Telos. – 2018. – No. 185. – P. 165–185.

367. Reus–Smit C. Imagining society: constructivism and the English School / C. Reus-Smit // The British Journal of Politics & International Relations. – 2002. – Vol. 4, no. 3. – P. 487-509.

368. Rioseco S. Conferences of the Parties beyond International Environmental Law: How COPs Influence the Content and Implementation of Their Parent Treaties / S. Rioseco // Leiden Journal of International Law. – 2023. – Vol. 36, no. 3. – P. 699–719.

369. Robock A. Nuclear winter revisited with a modern climate model and current nuclear arsenals: Still catastrophic consequences / A. Robock, L. Oman, G.L. Stenchikov // Journal of Geophysical Research. – 2007. – Vol. 112. – Article no. D13107.

370. Rockström J. A safe operating space for humanity / J. Rockström, W. Steffen, K. Noone [et al.] // Nature. – 2009. – Vol. 461, no. 7263. – P. 472–475.

371. Rothe D. Governing the End Times? Planet Politics and the Secular Eschatology of the Anthropocene // Millenium: Journal of International Studies. – 2020. – Vol. 48, no. 2. – P. 143-164.

372. Rueter T. Nuclear Strategy and Nuclear Winter / T. Rueter, Th. Kalil // World Politics. – 1991. – Vol. 43, no. 4. – P. 587-607.

373. Ruggie J.G. Continuity and Transformation in the World Polity: Toward a Neorealist Synthesis / J.G. Ruggie // World Politics. – 1983. – Vol. 35, no. 2. – P. 261-285.

374. Ruggie J.G. Multilateralism: The Anatomy of an Institution / J.G. Ruggie // International Organization. – 1992. – Vol. 46, no. 3. – P. 561–598.

375. Ruggie J.G. Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations / J.G. Ruggie // International Organization. – 1993. – Vol. 47, no. 1. – P. 139-174.

376. Ruzicka J. Failed Securitization: Why It Matters / J. Ruzicka // Polity. – 2019. – Vol. 51, no. 2. – P. 365-377.

377. Ruzicka J. The Next Great Hope: The Humanitarian Approach to Nuclear Weapons / J. Ruzicka // Journal of International Political Theory. – 2019. – Vol. 15, no. 3. – P. 386–400.

378. Sakwa R. The International System and Models of Global Order / R. Sakwa // Russia in Global Affairs. – 2019. – Vol. 17, no. 3. – P. 8-31.

379. Schroeder P.W. The Nineteenth Century System: Balance of Power or Political Equilibrium? / P.W. Schroeder // Review of International Studies. – 1989. – Vol. 15, no. 2. – P. 135-153.

380. Scouras J. Nuclear War as a Global Catastrophic Risk / J. Scouras // Journal of Benefit-Cost Analysis. – 2019. – Vol. 10, no. 2. – P. 274-295.

381. Sewell W.H. The Temporalities of Capitalism / W.H. Sewell // Socio-Economic Review. – 2008. – Vol. 6, no. 3. – P. 517–537.

382. Sewell W.H. The Capitalist Epoch / W.H. Sewell // Social Science History. – 2014. – Vol. 38, no. 1–2. – P. 1–11.

383. Simmons B.A. Built on Borders: Tensions with the Institution Liberalism (Thought It) Left Behind / B.A. Simmons, H.E. Goemans // International Organization. – 2021. – Vol. 75, no. 2. – P. 387–410.

384. Talmadge C. When Actions Speak Louder Than Words: Adversary Perceptions of Nuclear No-First-Use Pledges / C. Talmadge, L. Michelini, V. Narang // International Security. – 2024. – Vol. 48, no. 4. – P. 7–46.

385. Tannenwald N. It’s Time for a U.S. No-First-Use Nuclear Policy / N. Tannenwald // Texas National Security Review. – 2019. – Vol. 2, no. 3. – P. 131-137.

386. Uchaev Ye.I. The Anthropocene Consensus: Transforming International Politics in the Age of Global Existential Threats / Ye.I. Uchaev // Russia in Global Affairs. – 2021. – Vol. 19, no. 3. – P. 206-227.

387. Wendt A. Constructing International Politics / A. Wendt // International Security. – 1995. – Vol. 20, no. 1. – P. 71-81.

388. Wilson P.H. Prussia and the Holy Roman Empire 1700–40 / P.H. Wilson // German Historical Institute London Bulletin. – 2014. – Vol. 36, no. 1. – P. 3-48.

389. Wohlforth W.C. Testing Balance-of-Power Theory in World History / W.C. Wohlforth, R. Little, S.J. Kaufman [et al.] // European Journal of International Relations. – 2007. – Vol. 13, no. 2. – P. 155-185.

390. Xia L. Global food insecurity and famine from reduced crop, marine fishery and livestock production due to climate disruption from nuclear war soot injection / L. Xia, A. Robock, K. Scherrer [et al.] // Nature Food. – 2022. – Vol. 3, no. 8. – P. 586–596.

391. Zarakol A. Rethinking International Order / A. Zarakol // Ethics & International Affairs. – 2024. – Vol. 38, no. 2. – P. 200-208.

Интернет-ресурсы:

а) на русском языке:

392. Бордачёв Т.В. Прекрасный мир силовой политики / Т.В. Бордачев // Профиль. – 20.04.2021. URL: https://profile.ru/columnist/prekrasnyj-mir-silovoj-politiki-853532/ (дата обращения 20.09.2025).

б) на английском языке:

393. Google Books Ngram Viewer: сайт. – URL: https://books.google.com/ngrams/ (дата обращения 20.09.2025).

394. International Campaign to Abolish Nuclear Weapons: сайт. – URL: https://www.icanw.org/ (дата обращения 20.09.2025).

395. Irwin A. Your guide to science and technology at Rio+20 / A. Irwin // SciDev. – 12.06.2012. – URL: https://www.scidev.net/global/features/your-guide-to-science-and-technology-at-rio-20-1/ (дата обращения 20.09.2025).

396. Fihn B. International Campaign to Abolish Nuclear Weapons: Nobel Prize lecture / B. Fihn, S. Thurlow // The Nobel Prize. – 10.12.2017. – URL: https://www.nobelprize.org/prizes/peace/2017/ican/lecture/ (дата обращения 20.09.2025).

397. Reybrouck D. How to run the world / D. Reybrouck // Aeon. – 29.07.2025. – URL: https://aeon.co/essays/we-need-a-planetary-system-of-diplomacy-for-the-21st-century (дата обращения 20.09.2025).

398. Roughley N. Human Nature / N. Roughley // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – 15.03.2021. – URL: https://plato.stanford.edu/entries/human-nature/ (дата обращения 20.09.2025).

399. The Clock Shifts // Bulletin of the Atomic Scientists. – URL: https://thebulletin.org/doomsday-clock/timeline/ (дата обращения 20.09.2025).

400. UN Climate Press Release. COP28 Agreement Signals “Beginning of the End” of the Fossil Fuel Era // UN Climate Change. – 13.12.2023. – URL: https://unfccc.int/news/cop28-agreement-signals-beginning-of-the-end-of-the-fossil-fuel-era (дата обращения 20.09.2025).

401. Why a ban // International Campaign to Abolish Nuclear Weapons. – URL: https://www.icanw.org/why_a_ban (дата обращения 20.09.2025).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ВМО – Всемирная метеорологическая организация

ГА ООН – Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций

ДВЗЯИ – Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, принят 10 сентября 1996 г.

ДЗЯО – Договор о запрещении ядерного оружия, принят 7 июля 2017 г.

ДНЯО – Договор о нераспространении ядерного оружия, принят 12 июня 1968 года

ДРСМД (или РСМД) – Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности, подписан 8 декабря 1987 г.

ИКАН – «Международная кампания за запрещение ядерного оружия» (транснациональное общественное движение)

МГЭИК – Межправительственная группа экспертов по изменению климата

МС ООН – Международный суд ООН

ОСВ-I – Временное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений, подписано 26 мая 1972 г.

ОСВ-II – Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных вооружений, подписан 18 июня 1979 г.

ПРО – Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны, подписан 26 мая 1972 г.

СБ ООН – Совет Безопасности Организации Объединенных Наций

СНВ-I – Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений, подписан 31 июля 1991 г.

СНВ-II – Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений, подписан 3 января 1993 г.

СНВ-III – Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, подписан 8 апреля 2010 г.

СНП – Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных потенциалов, подписан 24 мая 2002 г.

СРИ – Священная Римская Империя

ТМО – теория международных отношений

ЮНЕП – Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде

ЯО – ядерное оружие

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Оценка концепции Карла Шмитта о катехонической темпоральности средневековой христианской империи[673]

Приведенный в параграфе 1.3 тезис Мишеля Фуко об эсхатологической устремленности средневековой христианской империи прямо вступает в конфликт со знаменитой интерпретацией Карла Шмитта, согласно которой та отнюдь не устремлена к концу, но, напротив, стремится «предотвратить явление антихриста и наступление конца современного эона»[674]. По Шмитту, средневековая Священная Римская Империя осознавала себя как катехон, «удерживающего», о котором говорит апостол Павел во 2-м Послании к Фессалоникийцам. Разберём аргументацию, приводимую немецким мыслителем в обоснование своей позиции.

Согласно Шмитту, идея империи как катехона «документально зафиксирована в многочисленных изречениях отцов церкви, в высказываниях германских монахов франкской и оттонической эпох – прежде всего в комментарии Хаймо Хальберштадтского ко Второму посланию Фессалоникийцам и в письме Адсона королеве Герберге – в изречениях Отто Фрейзингского и в других документах…» [675]. Рассмотрим трёх авторов, на которых немецкий мыслитель прямо ссылается. Отто Фрейзингский, католический епископ середины XII века, в сочинении «Два града» просто перечисляет предлагавшиеся интерпретации сдерживающей силы (*qui tenet* в латинском тексте Вульгаты) из Второго послания к Фессалоникийцам, причем как положительные, так и отрицательные: он упоминает империю в одном ряду с Нероном, дьяволом (!) и Святым Престолом, не высказывая какого-либо предпочтения в пользу имперской интерпретации[676]. В «Деяниях Фридриха

---

[673] Приложение написано на основе одного из разделов статьи: Учаев Е.И. Катехоническая темпоральность и политическая форма: к обоснованию двойного представительства / Е.И. Учаев // Социологическое обозрение. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 154-156.

[674] Шмитт К. Номос Земли в праве народов jus publicum europaeum / К. Шмитт; пер. с нем. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – С. 35.

[675] Там же.

[676] Otto of Freising. The Two Cities: A Chronicle of Universal History to the Year 1146 A.D / Otto of Freising; trans. from Latin. – New York: Colombia University Press, 2002. – P. 456-458.

Барбароссы», втором известном сочинении Отто, катехон в принципе не упоминается[677]. Далее, комментарий Хаймо Осерского[678], монаха середины IX века, ко Второму посланию к Фессалоникийцам действительно рассматривает в качестве катехона Римскую империю[679], однако Хаймо «не демонстрирует явной веры в *translatio imperii* из Рима в Аахен»[680] и нигде не возлагает на наследников Карла Великого задачу сдерживания конца света. Из текста складывается впечатление, что Рим для него – это только «первый Рим», и он уже пал. Однако, «когда апостол говорит, что человек беззакония откроется после разрушения Римской империи, не следует думать, что он утверждал, что это произойдет немедленно; сначала будет разрушена империя, и затем Антрихрист придёт в установленное Богом время»[681]. Только хронологическая последовательность, никакой срочности – так для Хаймо разрешается кажущееся противоречие между уже случившимся падением Рима и ещё не наступившим концом врёмен[682].

Наконец, особенно показательным оказывается письмо бенедиктинского аббата X века Адсона из Моньте-Эн-Дера королеве Герберге, также известное под названием «О происхождении и времени Антихриста». Оно будто бы наиболее близко текстуально соответствует интерпретации Шмитта, но в конечном счёте скорее подтверждает правоту Фуко. Действительно, Адсон, ссылаясь на Второе послание к Фессалоникийцам, пишет: «Антихрист не придёт в мир, пока <…> все царства, которые были прежде подчинены, не отпадут от Римской империи. Но времена эти ещё не настали, ибо, хотя мы и можем видеть Римскую империю по большей части в

---

[677] Otto of Freising. The Deeds of Frederick Barbarossa / Otto of Freising; trans. from Latin. – New York: Colombia University Press, 2004. – 370 p.

[678] Атрибуция этого текста Хаймо Хальберштадтскому сегодня общепризнанно считается ошибочной. См.: Hughes K.L. Haimo of Auxerre and the Fruition of Carolingian Hermeneutics / K.L. Hughes // Second Thessalonians: Two Early Medieval Apocalyptic Commentaries / Intro. and trans. by S.R. Canwright, K.L. Hughes. – Kalamazoo, Michigan: Medieval Institute Publications, 2001. – P. 13.

[679] Haimo of Auxerre. Exposition of the Second Letter to the Thessalonians / Haimo of Auxerre; trans. from Latin // Second Thessalonians: Two Early Medieval Apocalyptic Commentaries / Intro. and trans. by S.R. Canwright, K.L. Hughes. – Kalamazoo, Michigan: Medieval Institute Publications, 2001. – P. 26-28.

[680] Hughes K.L. Haimo of Auxerre and the Fruition of Carolingian Hermeneutics… – P. 18.

[681] Haimo of Auxerre. Exposition of the Second Letter to the Thessalonians… – P. 28.

[682] Hughes K.L. Haimo of Auxerre and the Fruition of Carolingian Hermeneutics… – P. 18.

руинах, всё же до тех пор, пока есть короли Франков, которые ныне по праву обладают Римской империей, достоинство Римской империи не полностью погибло»[683]. Однако сразу же, буквально в следующем предложении – которое является отражением «легенды о последнем императоре»[684], одного из самых популярных позднеантичных и средневековых эсхатологических нарративов – мы читаем: «Некоторые из наших ученых мужей говорят, что один из королей Франков вновь овладеет всей Римской империей – он явится в последние времена и будет самым великим и последним из всех королей»[685]. Что мы здесь видим? Во-первых, из признания катехонической функции империи не следует никакого призыва к имперской активности, она работает скорее как инструмент наблюдения: если монах видит, что от империи что-то ещё осталось, он заключает, что время ещё не пришло. Во-вторых, как указывает второй цитированный выше отрывок, момент восстановления имперского величия, новой имперской экспансии играет уже не катехоническую, но прямо эсхатологическую роль – вслед за триумфом «последнего императора» следует конец времен.

Таким образом, исторические примеры, на которые ссылается Шмитт, не просто не подтверждают, но и прямо опровергают его катехоническую интерпретацию Священной Римской Империи[686].

---

[683] Adso of Montier-en-Der. Letter on the Origin and Time of the Antichrist / Adso of Montier-en-Der; trans. from Latin // Apocalyptic Spirituality / Ed. and transl. by B. McGinn. – New York: Paulist Press, 1979. – P. 93.

[684] О самой легенде и её истоках см.: Shoemaker S.J. The Apocalypse of Empire: Imperial Eschatology in Late Antiquity and Early Islam / S.J. Shoemaker. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2018. – P. 42-63.
О её влиянии на Адсо см.: McGinn B. Antichrist: The Two Thousand Years of the Human Fascination with Evil / B. McGinn. – New York: Colombia University Press, 2000. – P. 101.

[685] Adso of Montier-en-Der. Letter on the Origin and Time of the Antichrist… – P. 93.

[686] В отношении самого Шмитта это говорит лишь о том, что его концепция катехона не имеет сколь-нибудь прямой связи со средневековой политической и теологической мыслью, но является специфическим продуктом интеллектуальной среды XX века – и именно в таком ключе её следует анализировать.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Гипотеза о постапокалиптическом генезисе бесконечной темпоральности Вестфаля[687]

Как было отмечено в параграфе 1.3, вопрос о том, как именно в позднесредневековом европейском христианском контексте, глубоко пропитанном эсхатологическими представлениями[688], могла возникнуть бесконечная темпоральность, был оставлен нами за скобками. В настоящем приложении приводится авторская гипотеза относительно одного из возможных механизмов данной идейной трансформации.

Начнём с обращения к Джону Пококу, который, столкнувшись со схожей проблемой при изучении возникновения ренессансного республиканизма, сформулировал, как представляется, исчерпывающий диапазон возможностей: «Поскольку республика не была ни обществом, основанным на обычае, ни частью воинствующей церкви, ей надлежало оставаться моментом во времени – моментом либо исполнения пророчества, либо иррационального вращения колеса фортуны – или же попытаться выйти за рамки системы понятий, которую мы обрисовали»[689]. Поскольку абсолютный выход за рамки существующей ментальности невозможен, и любое новое формулируется исходно посредством уже существующего (через его переопределение, комбинирование, смещение значения), то, в конечном счёте, и у занимавшего Покока республиканизма, и у интересующего нас Вестфаля было два пути.

Первый – «откатиться» к античному, дохристианскому представлению о времени как цикличном «иррациональном вращении колеса фортуны». *Второй* – осмелиться помыслить своё время как «момент исполнения пророчества» и заявить, что новый политический субъект – республика или

---

[687] Приложение написано на основе одного из разделов статьи: Учаев Е.И. Немыслимость тотальной катастрофы: постапокалиптическая природа модерного политического реализма / Е.И. Учаев, М.В. Харкевич // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2023. – №1. – С. 46-47.

[688] Таубес Я. Западная эсхатология / Я. Таубес; пер с нем. – СПб.: Владимир Даль, 2023. – С. 168-247.

[689] Покок Дж.Г.А. Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция / Дж. Г.А. Покок; пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – С. 132.

государство – «воплощал и осуществлял Тысячелетнее Царство или Третий Завет»[690]. Первый путь, особенно как массовое решение, выглядит неправдоподобно: он потребовал бы забвения тысячелетней предшествующей истории и полного отказа от христианской надежды. В то же время сам Покок в другом месте писал, что второй путь – обращение светских правителей к милленаризму для легитимации своей власти – был достаточно широко распространён на рубеже Средневековья и Нового времени[691].

Таким образом, *конструирование бесконечности в христианском контексте оказывается возможно посредством позиционирования себя и мира после «конца времен»,* после апокалипсиса, в реализованном «тысячелетнем царстве». На эту фундаментальную характеристику всего Модерна обращает внимание Бруно Латур, творчески развивая тезис Эрика Фёгелин о Модерне как эпохе гностицизма. «Люди Модерна, согласно Фёгелину, начали верить, что на место содрогания перед лицом незавершенности мира (следовавшей из политической теологии св. Августина) могла прийти новая возможность – завершение, достижение полноты мира здесь, в земной реальности, благодаря вторжению Духа и его последователей»[692]. Отметим, однако, что сам Фёгелин не ставил знак равенства между «гностицизмом» и позицией «после конца времён». В его описании «гностические» движения осмысляют себя как существующие накануне конца и действующие, чтобы его приблизить[693]. Напротив, в интерпретации Латура Модерн наступает, когда критическая масса людей осмысляет себя «после конца», по ту сторону разрыва[694]. Люди Модерна у Латура в буквальном смысле «живут в пост-апокалиптическую эпоху»[695].

---

[690] Там же.
[691] Там же. – С. 88-89.
[692] Latour B. Facing Gaia: Eight Lectures on the New Climatic Regime / B. Latour; trans. from the French. – Cambridge: Polity Press, 2017. – P. 199.
[693] Фёгелин Э. Новая наука политики: Введение / Э. Фёгелин; пер. с англ. – СПб.: Владимир Даль, 2021. – С. 277-306.
[694] Latour B. Facing Gaia: Eight Lectures on the New Climatic Regime… – P. 195-196.
[695] Ibid. – P. 212.

Представляется, что расхождение между Латуром и Фёгелином (которого сам Латур, кажется, не замечает) можно снять через дифференциацию темпоральностей разных политических субъектов. На пороге Нового времени эсхатологические ожидания исполняются, и постапокалиптическая эпоха наступает в государстве и для государства (и для всех, кто связывает себя, в первую очередь, именно с государством). Другие социально-политические субъекты[696] могут сохранять незавершенность эсхатологии и стремиться реализовать *свой* конец истории.

Применительно же к *государству* Модерна возникновение постапокалиптического (само)восприятия можно представить в виде последовательности из четырёх шагов. Первые два в целом фиксирует уже Фёгелин. *Первый шаг*: артикуляция Иоахимом Флорским идеи, что история завершается не переходом в некое внеисторическое инобытие Царства Божия, но достижением идеального состояния общества на Земле[697]. *Второй шаг:* формирование представления, что это требует не только божественного вмешательства, но и человеческой активности. Фёгелин здесь противопоставляет представления об имманентном vs. трансцендентом источнике прорыва к земному совершенству[698], однако даже более важным является сдвиг от пассивного ожидания к активному самостоятельному действию (которое при этом может осмысляться и как движимое трансцендентным «сошествием духа»). Этот сдвиг наблюдается уже у многих милленаристских движений позднего Средневековья и раннего Нового времени, например, мюнстерских анабаптистов[699]. В результате этих двух шагов формируется как раз описанное Фёгелином самовосприятие «накануне конца времён». Чтобы показать, как оно трансформируется в самовосприятие

---

[696] Например, по М. Фуко, гражданское общество. См.: Фуко М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977—1978 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. – СПб.: Наука, 2011. – С. 458.

[697] Фёгелин Э. Новая наука политики: Введение… – С. 242-247.

[698] Там же. – С. 256-257.

[699] Hall J.R. Apocalypse: From Antiquity to the Empire of Modernity / J.R. Hall. – Cambridge: Polity Press, 2009. – P. 70-73; McQueen A. Political Realism in Apocalyptic Times / A. McQueen. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – P. 109.

«после конца», необходимо зафиксировать ещё два шага, которые Фёгелин оставляет без внимания. *Третий шаг*: субъектом, ответственным за переход в совершенное общество, назначается суверенный монарх[700] (что иногда сопровождается также определением католической церкви как Антихриста, который должен быть одолён в «последней битве»[701]). Наконец, *четвертый шаг*: победа в течение XVI-XVII веков суверенного территориального государства в борьбе за место доминирующего политического субъекта, что с точки зрения вышеописанных представлений логически означало наступление новой, постапокалиптической эпохи.

***

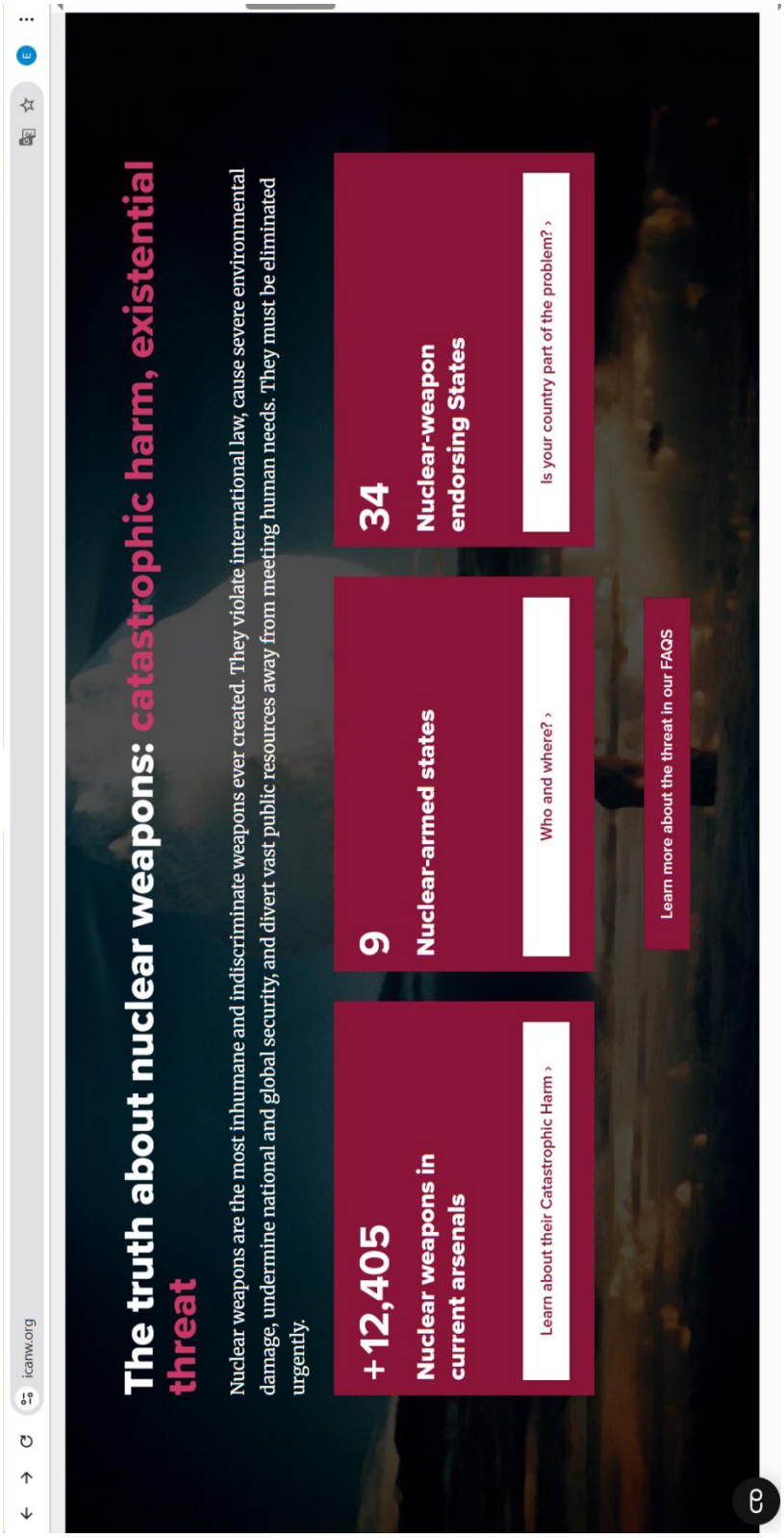
«Пост-апокалиптический» механизм формирования бесконечной темпоральности Модерна, даже если приведенные выше соображения придают ему некоторое правдоподобие, в любом случае не был единственным. Как показывают разобранные в начале главы 2 примеры Бодена и Гоббса, существовали и другие способы лишить «событие конца» значимости для земной политической жизни.

---

[700] Покок Дж.Г.А. Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции… – С. 88-89.
Может показаться, что здесь возникает противоречие с одним из ключевых тезисов основной части работы о принципиальной несовместимости суверенитета и милленаристской эсхатологии. Однако здесь речь идёт о переходных процессах, а не о консолидации Вестфальского порядка. Эсхатологическая риторика могла обеспечить усиление власти в моменте, но из-за описанных в главе 2 структурых противоречий конечная темпоральность эсхатологии не могла послужить основой устойчивого общества суверенных государств.
[701] McQueen A. Political Realism in Apocalyptic Times… – P. 111-113.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Главная страница сайта «Международной кампании за запрещение ядерного оружия» (на 23.08.2025)

Источник: International Campaign to Abolish Nuclear Weapons: сайт. – URL: https://www.icanw.org/ (дата обращения 23.08.2025).